

«Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов

УДК 34(340)

Мамычев Алексей Юрьевич

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова; E-mail: mamych@polit.msu.ru.

Фролова Евгения Евгеньевна

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов; ведущий научный сотрудник, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; профессор, Дальневосточный федеральный университет; E-mail: frolevgevg@mail.ru.

Ким Александр Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; E-mail: kima@rambler.ru.

Статья получена: 06.05.2020. Рассмотрена: 20.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В статье анализируются ключевые проблемы современной цифровой и социокультурной трансформации политико-правовой организации современного общества, обсуждается влияние биологических угроз и рисков на динамику публично-властных отношений. В работе представлен анализ ключевых подходов

к проектированию будущего развития государства, права, общества, а концепт «проективное будущее» анализируется авторами в качестве основополагающего «драйвера» политико-правовой и социально-экономической трансформации, который выступает аттрактором, запускающим определенные траектории развития социальных, биологических, цифровых, культурных, политических, правовых феноменов.

Ключевые слова: власть, государство, искусственный интеллект, общество, право, цифровые технологии, эволюция, экономика

“THE FUTURE” AS AN ATTRACTOR OF MODERN POLITICAL, LEGAL AND SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS: AN OVERVIEW OF THE MAIN PROBLEMS AND APPROACHES
Mamychev Alexey Yurievich

Doctor of Political Science, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Research Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science; E-mail: mamych@polit.msu.ru.

Frolova Evgenia Evgenievna

Doctor of Law Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure and International Private Law, RUDN University; Leading Researcher Vladivostok State University of Economics and Service; Professor, Far Eastern Federal University; E-mail: frolevgevg@mail.ru.

Kim Alexander Alexandrovich

PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service; E-mail: kima@rambler.ru.

Manuscript received: 06.05.2020. Revised: 20.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The article analyzes the key problems of modern digital and socio-cultural transformation of the political and legal organization of modern society, discusses the impact of biological threats and risks on the dynamics of public-power relations. The article presents an analysis of key approaches to designing the future development of the state, law, and society, and the concept of “projective future” is analyzed by the authors as a fundamental “driver” of political, legal, and socio-economic transformation, which acts as an attractor that triggers certain development trajectories-social, biological, digital, cultural, political, and legal phenomena.

Keywords: government, state, artificial intelligence, society, law, digital technologies, evolution, economy

То, что было создано, создается и сейчас
Джон Ло

Современная политико-правовая реальность стремительно меняется. Устойчивые институционально-структурные основания и ставшие традиционными формы публично-властного управления качественно эволюционируют. Кардинальные сдвиги наблюдаются и в самых консервативных социальных институтах: разрушаются ценностно-нормативные системы и «пересобираются» духовно-нравственные стандарты; трансформируются устойчивые социальные статусы (социальных, политических, правовых, экономических субъектов) и т.д. Изменения касаются всех сфер социальной жизнедеятельности, где-то их интенсивность весьма велика, в иных сферах данные изменения только начинают *случаться*. Если перефразировать Дж. Урри: будущее неминуемо наступает, но распределяется по современности неравномерно. Причем эти последние наступают до того, как они будут адекватно осознаны и интерпретированы [42, с. 12].

I. «Проективное будущее»

Всё устремлено в инновационный *проект* — *будущее*. Оно («проективное будущее») становится главным маркером в интерпретации прошлого, ключевым ориентиром в эволюции функционирующих сегодня социальных (правовой, политической, экономической, культурной и т.д.) систем [35]. Отметим здесь, что речь идет главным образом не о специфическом типе восприятия времени и пространства, известного как прогресс, где прошлое и настоящее лишь подготовка, «черновой вариант» будущего, которое выступит более качественным, лучшим, совершенным этапом сегодняшнего развития.

Конечно, прогресс как доминирующий тип жизнедеятельности (регресс и циклические типы сегодня, очевидно, оттеснены на периферию мирового мейнстрима) вплетен в это движение к будущему. Однако современный прогресс, назовем его условно «проективное будущее»¹, не на-

полнен позитивными коннотациями, а, напротив, содержит целый спектр опасений, рисков, угроз. От прогресса осталась общая логика линейного движения вперед, только в отличие от прогресса это движение не к более совершенному, а к рискогенному. Само будущее в различных моделях и проектах связано с негативными ожиданиями и всевозможными кризисами. В этом проектировании будущего задействованы, конечно, и другие типы жизнедеятельности — регресс и циклизм (перманентизм), усиливая эти негативные коннотации. Под воздействием «проективного будущего» радикальные трансформации переживают все три упомянутых типа жизнедеятельности [2; 3; 20].

Одна из ключевых проблем «проективного будущего» заключается в том, что рискогенность и негативность, которые присутствуют в нем, «*вкладываются*» в систему принятия *сегодняшних решений, в проектирование различных социальных институтов, нормативных комплексов* (Г. Дж. Берман отмечал в свое время, что данные комплексы выражают идеи, ценности и опыт, гармонизированные и ориентированные на формирование определенного образа правопорядка [11]). Другими словами, последние ориентируют и моделируют определенный образ будущего и конструируют соответствующую адекватную этому будущему институциональную, нормативную, ценностную организацию общества.

Всё это обуславливает и ряд опасных тенденций. *Во-первых*, прогнозирование рискогенности и нестабильности социального развития, негативных последствий прогрессистской эволюции общественных систем логично обуславливает распространение постгуманитарных форм контроля, авторитарных режимов публично-властных отношений и жестких ограничительных сценариев. Очевидно, что последнее ведет к кардинальной трансформации политико-правовой и социально-экономической форм организации, изменению пределов и практик функционирования публично-

¹ Согласимся здесь с позицией А.Ю. Мордовцева, что национально-культурное содержание социальных систем в традиционной социально-правовой картине общественного развития выступает в качестве материала, «сопротивляющегося» различным инновациям и нововведениям. В свою

очередь, теорию ментальности в контексте социогуманитарного знания можно рассматривать в качестве «сопромата», исследующего степень сопротивляемости «социокультурного материала» конкретным инновационным воздействиям и сохраняющим стабильность (упругость) правоментальной преемственности [37].

властного управления и т.д. Ведь любые формы и сценарии «предвосхищения будущего оказывают *большое влияние на природу любого общества*, особенно в вопросах структуры и течения властных отношений», поскольку ключевой ресурс власти, особенно в современную эпоху, — это «способность определять, как именно будет выглядеть будущее, выбирая из множества возможных вариантов» [42, с. 33].

Во-вторых, «проективное будущее», а не прошлый опыт, культурные доминанты, традиционные ценности выступают сегодня «драйвером» эволюционных изменений и качественных трансформаций в общественной системе. Постгуманитарные тенденции (нивелирование культурных ценностей и нравственных стандартов; смена гуманистического измерения на приоритет устойчивости и стабильности развития сложных социально-технических и цифровых систем) в трансформации современных обществ привело и к интенсивному развитию универсальных и абстрактных ценностно-нормативных систем, «очищенных» от этнокультурного и духовно-нравственного содержания. Пустые и универсальные формы *более пригодны* для «проективного будущего», не нужно переживать о сопротивляемости социокультурного материала². Так, из политико-правовой и социально-экономической организации на протяжении десятилетий «вымывались» этнические и этнокультурные формы идентичности, идейно-концептуальные основания порядка, гуманистические и духовно-нравственные стандарты публичного и частного взаимодействия, которые структурировали и

направляли развитие политико-правового пространства, обеспечивали его воспроизводство и стабильность.

Сегодня доминируют абстрактные идейно-смысловые платформы, которые предлагают миру новые глобальные и универсальные формы идентификации и гражданского мировоззрения. Последние структурируются не на основе этнических, национальных, религиозных, идеологических и других доминант, а на «общемировой гражданственности» (У. Альтерматт [1]) и универсальной «конституционно-правовой идентичности» (Ю. Хабермас [45]). В начале третьего тысячелетия активно продвигается дискурс общей цифровой и технологической «платформы существования» (Н. Срничек [41]), которая производит и обеспечивает любые социальные потребности, интересы, традиционный и новый опыт жизнедеятельности [21; 33; 38]. Всё это должно привести к «сборке» новой общности, более устойчивой и стабильной, в рамках которой многие уникальности, этнокультурные и ментальные отклонения не являются основанием для рискогенности (У. Бек [9; 10]), поскольку именно «причуды человеческой свободы действий могут производить негативные эффекты» для проектируемого будущего [15, с. 253].

Последнее в рамках государственно-правовой практики обусловило активное развитие дискурса нестабильности и неуправляемости сложноорганизованных систем. Так, в экономической, политической, юридической и иных сферах жизнедеятельности доминирующими стали теории нестабильности, рискогенность, ситуативности, а в публичном управлении начали преобладать управленческие технологии, базирующиеся на конвенциональном и иррациональном выборах. Снизить данную нестабильность и негативные ожидания от будущего и призваны инновационные цифровые технологии и, прежде всего, системы искусственного интеллекта.

Говоря обобщенно, внедрение данных технологий протекало в три этапа. Первая волна внедрения последних связана с *рутинизацией*, цифровые и роботизированные технологии разрабатывались и внедрялись для замены однотипного, рутинного ручного, производствен-

² Грань, или граница, между совещательным и распорядительным режимом функционирования «машин» (как собирательный образ всех современных сквозных цифровых технологий) впервые была стерта в сфере военных разработок. Так, в своем исследовании М. Деланда отмечает, что «различие между совещательными и распорядительными (исполнительными) способностями стирается в различных вариантах применения искусственного интеллекта (ИИ). Возможно, самый лучший пример исчезающего различия между чисто совещательной и распорядительной ролью компьютеров можно найти в области военных игр... Выводы, полученные из наблюдений за смоделированными Армагеддонами, устроенными боевыми роботами (компьютерные симуляции третьей мировой войны и других военных конфликтов — *авт.*), попали даже в стратегические доктрины и планы чрезвычайных ситуаций, можно сказать, что эти «роботизированные события» уже начали размывать границу между чисто совещательной и распорядительной ролью умных машин» [17, с. 7].

ного, офисного и другого труда. Затем начали разрабатываться экспертные и аналитические цифровые системы, обеспечивающие сбор колоссального объема информации, ее обработку и использование для принятия управленческих решений. Данный этап был связан с разработкой автономных систем и цифровых алгоритмов, обеспечивающих *совещательные функции*. В этот период в воображении рисовались картины «смешанных команд» — человеческих и автоматизированных, которые работают над достижением принципиально новых целей, но «поставленных исключительно людьми, входящими в эту команду» [15, с. 249].

Третья волна, которую человечество переживает в настоящий момент, связана с передачей машинам и сложным алгоритмам *распорядительных (исполнительных) функций*, точнее — при выполнении сложных задач, при обработке различных данных, моделировании различных сценариев и расчете возможных траекторий реагирования автоматизированные алгоритмы и системы искусственного интеллекта незаметно перешли грань между чисто экспертным, совещательным режимом функционирования к реализации распорядительных функций. По прогнозам многих аналитиков и экспертов в сфере развития системы искусственного интеллекта новая эпоха в развитии человечества начнется, когда произойдет процесс «самоорганизации машин» (машинного филума), когда все вышеназванные функции, выполняемые различными цифровыми технологиями, интегрируются в одну автономную систему.

В целом позиция по отношению к процессам развития сквозных цифровых (дизруптивных) технологий (понятие собирательное, отражающее целый спектр инновационных цифровых технологий — систем искусственного интеллекта, автономных цифровых алгоритмов, роботизированных технологий, цифровых форм виртуальной дополненной реальности и т.д.) в современной научной литературе и в экспертном сообществе достаточно неоднозначная. Здесь существуют различные регистры мыследеятельности, в каждом из которых предлагается свой вариант проективного будущего. Рассмотрим их более содержательно.

II. Основные регистры современной мыследеятельности в проектировании будущего

Обращаясь к современной трансформации социальной организации, можно выделить условно четыре основных регистра мыследеятельности, в рамках которых представляются теоретико-методологические разработки, соответствующие последним категориально-понятийный аппарат, специфические подходы к моделированию и прогнозированию будущего человеческого развития. В качестве таких основных регистров можно выделить: 1) институционально-технологический регистр; 2) конфликтологический регистр; 3) регистр цифровой эволюции; 4) прагматический регистр.

1. *Институционально-технологический регистр*, в рамках которого представлены две основные теоретико-методологические ориентации: технологическая и инструментальная. В первом случае речь идет о так называемых технологических протезах, концептуальные основы которых заложили З. Фрейд и его последователи (А. Бретон, В. Вундт, Э. Фром, К.-Г. Юнг и др). В рамках данного направления обосновывается, что на каждом этапе эволюции человек создает всё новые и более совершенные технологии, которые становятся продолжением человеческого, улучшая его телесность, моторику, сенсорные способности и проч.³ Данный подход весьма авторитетен и сегодня, в его рамках современная четвертая промышленная революция интерпретируется в качестве нового витка совершенствования «цифровых протезов» человека, которые представят ему принципиально новые возможности, улучшат или существенно усилят его биологические возможности, социальные навыки и проч. [14; 27; 44; 50].

³ Данную установку в мыследеятельности человека достаточно содержательно описал еще З. Фрейд, отмечая, что на каждом этапе эволюции человек создает всё новые и совершенные технологии, которые становятся продолжением его, улучшая его телесность, моторику, сенсорные способности и проч.: «Любим из своих орудий человек совершенствует свои органы — как моторные, так и сенсорные — или расширяет рамки их деятельности... Человек — это, так сказать, разновидность бога на протезах, весьма величественная, когда использует все свои вспомогательные органы, хотя они с ним не срослись и порой доставляют еще много хлопот» [43, с. 67].

Инструментальный подход весьма близок к предшествующим теоретико-методологическим установкам. Он трактует современные изменения в общественно-политической, социально-экономической и правовой жизнедеятельности в качестве очередного этапа совершенствования человеческих инструментов, продолжающих и(или) функционально его (человека) замещающих. При этом допускается автономность данных технологий на уровне совещательном, вспомогательном, обеспечивающем, т.е. функционирующем в инструментальном режиме⁴. В то же время за человеком остается «фундаментальное право» на принятие решений и реализацию распорядительных функций [34].

Особый акцент на инструментальную природу развития современных сквозных цифровых технологий делают представители юридической науки. К наиболее часто обсуждаемым вопросам в этой связи можно отнести защиту интеллектуальных прав, сохранность персональных данных, способы автоматизации правотворчества и правоприменения, модернизацию способов публичного управления и воздействия, способы защиты цифровой публичной инфраструктуры и др. [24; 30; 46; 47]. В условиях возрастающих амбиций государства в сфере контроля виртуального пространства особое внимание приобретают вопросы, касающиеся обеспечения неприкосновенности частной виртуальной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров, свободы слова в интернете и др. [22; 25].

⁴ Такая инструментальная установка к цифровым технологиям характерна для доктринально-правового и нормативно-правового уровней регламентации развития общественных отношений. Это проявляется во многих стратегических документах, конвенциях, соглашениях, декларациях, модельных нормативно-правовых актах, этических стандартах и т.п. Например, в программном документе «Инициативы Франции в сфере робототехники» системы искусственного интеллекта и роботизированные технологии рассматриваются в качестве факторов промышленного и технологического прогресса, позволяющего обеспечить лидерство и преимущество страны, комфортность и полезность для человека [23]. В европейской Декларации о сотрудничестве в сфере искусственного интеллекта также вполне четко прослеживается разграничение человека и технологий, а также их инструментальное значение в общественных системах: «Обеспечить сохранение за человеком ключевой роли в процессе развития, применения и принятия решений в отношении ИИ, предотвращение действий, направленных на создание или использование вредоносных решений на основе ИИ» [16].

2. В рамках *конфликтологического регистра* проблематизируются формы и режим совместного функционирования людей и цифровых актантов, действующих и влияющих на людей и их организацию цифровых технологий, автономных роботизированных систем, искусственного интеллекта и т.д. Главная проблематика здесь — это противостояние человеческого и искусственного интеллекта. В основном это целый спектр конфликтов между человеческой и цифровой реальностью, который анализируется в четырех ключевых направлениях:

- 1) это, с одной стороны, противостояние человеческих агентов, их социальных интересов и потребностей в свободной циркуляции информации, с другой — необходимых ресурсов для машинного обучения и эволюции последних в более сложные алгоритмические единства [36]. Тем не менее проектируемое будущее здесь выглядит вполне оптимистично, при сохранении своей изначальной природы (естественной/социальной и искусственной/цифровой) первые и вторые создадут единую среду обитания, совместный «режим реальности», где произойдет переплетение цифрового и социального. Данное переплетение породит новый качественный формат жизнедеятельности — «иномир», т.е. «изготавливает иномир и запустит его вместе с первоначальным миром, пока не заработает единая система реальности, основанная на двойной движущейся силе» [6, с. 97];
- 2) подчинение сквозных цифровых технологий, в частности систем искусственного интеллекта, человеку. При этом обосновывается, что противостояние людей и «машин» возможно урегулировать путем создания соответствующей доктринально-правовой и нормативно-правовой основы, а также целой системы этических и иных деонтологических кодексов, кодирующих процессы разработки, внедрения и эксплуатации автономных цифровых технологий, роботизированных систем и проч. [39]. Все новые цифровые сущности и технологии должны «вступить» на службу человечеству для решения накопившихся проблем и противоречий, что откроет новый путь к социально-экономическому, политическому, правовому, культурному и другому развитию

[12; 26; 29]. Цифровые технологии и роботизированные системы рассматриваются здесь в качестве новой технологической революции (четвертая технологическая революция [48; 53]) и принципиально новой формы в организации человеческих сообществ [17]. Другими словами, распространение и развитие последних дает шанс человечеству выжить в условиях жестко ограниченных ресурсов (осуществляя эксплуатацию «новых цифровых орудий производства»: в отраслях высоких технологий (HighTech) в промышленности, высокотехнологичных финансовых услуг (FinTech), высокотехнологичного образования (EdTech), высокотехнологичного сельского хозяйства (Agriculture 4.0), электронной торговли (e-commerce) [53]), а также знаменует кардинальный сдвиг в организации человеческой жизнедеятельности по аналогии с «неолитической революцией» (когда человечество выжило путем смены своей организации и формы жизнедеятельности);

- 3) данное противостояние закончится, по-видимому, проигрышем человечества. Машины и технологии развиваются настолько быстро, что появляется угроза существованию самого человека как биологического вида. Появление новых роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта приведет к тому, что «в долгосрочной эволюционной перспективе люди и всё, о чем они когда-то думали, станут всего лишь примитивной переходной формой, предшествующей более глубокому мышлению новой машиноориентированной культуры, простирающейся в отдаленное будущее» [13]. Соответственно, в конкурентной борьбе человечество проиграет в силу слабости и примитивности естественного интеллекта перед возможностями систем искусственного интеллекта. Это новый виток эволюционного развития, при котором человечество и его организация уступают место более совершенной техно-цифровой цивилизации: «Когда машины разовьют способность чувствовать, а они это сделают, то начнут по-дарвински конкурировать с нами за доступ к ресурсам, выживание и возможность к воспроизводству» [13], т.е. создание искусственным интеллектом нового искусствен-

ного интеллекта не только в формате воспроизводства, но и в режиме расширенного воспроизводства, на более высоком уровне ;

4) это проективное будущее, в рамках которого противостояние человека и цифро-роботизированного завершается присоединением первого к системе искусственного интеллекта посредством оцифровки его сознания и «вгрузки» в искусственную цифровую среду. Единственным позитивным для человечества сценарием развития в противостоянии машинной/цифровой и человеческой культуры является именно полное «погружение» человеческого сознания в разумную цифровую среду. Как правило, здесь анализируются и проектируются два сценария будущего. Каждый из сценариев обосновывает то, что человек преодолеет биологические и институциональные (существующие культурные нормы, ценностные иерархии, этические запреты и проч.) рамки и полностью перейдет в «цифровой иномир».

В рамках первого сценария предполагается появление цифровых субъектов и цифровых копий, которые станут новым вызовом для упорядочивания и нормирования системы, что приведет естественным образом к созданию принципиально новых нормативных систем (наподобие правовой системы в традиционной общественной организации). Например, Дж. Чёрч, специалист в генетике Гарвардской школы медицины, по этому поводу отмечает, что «если я скопирую свой мозг (или тело), получит ли он право голосовать или его следует считать дубликатом? Примем к сведению, что даже точные дубликаты личности с первых секунд существования начинают отличаться от оригинала, а, кроме того, копия может содержать преднамеренно внесенные несоответствия» [13]. В рамках второго сценария эта проблема полностью устраняется, поскольку создание новой цифровой реальности предполагает преодоление не только биологического, но и всего социально-культурного и, прежде всего, понятия индивидуальной личности. Так, бывший президент королевского научного сообщества Мартин Рис предполагает «более оптимистичный сценарий: люди превзойдут биологию и сольются с компьютерами, быть может, отдавая свои личности для создания общего сознания» [13].

3. *Регистр цифровой эволюции.* Данное направление в ряде проектируемых положений близко к предшествующим подходам, тем не менее отличительной чертой является акцентуация внимания не на проблематике противостояния машинной и человеческой культур (подавляющее большинство представителей данного регистра мысли убеждены, что проблема противостояния — это надуманная проблема, навеянная фантастическими романами и кинематографом), а на механизмах эволюционного развития и конвергенции последних. В рамках данной группы исследований обосновывается, что цифровая трансформация общественных отношений ведет к принципиально новому социальному укладу и режиму функционирования политических, экономических, правовых и других социальных институтов.

Данная траектория развития сквозных цифровых технологий ведет к новой форме технологической организации — «связке» процессов социальной самоорганизации и «машинного филума» (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари, применяемый для отражения процессов самоорганизации и саморазвития различных систем не только биологических и социальных, но и технологических [19]). При этом произойдет конвергенция человеческого и искусственного интеллекта, биологических и цифровых алгоритмов. Главным двигателем эволюции станет не противостояние цифрового и социального, а их конвергенция, которая в конечном итоге создаст новые субъекты мировой истории (роботов, цифровые личности, искусственный интеллект и т.п.), кардинально новый мир и систему отношений. Ключевым субъектом этой новой истории станет, например, *Homo Deus* как новый виток эволюции, т.е. новая сущность, возникшая в «конвергенционном сплаве» различных технологий (генная инженерия, биотехнологии, цифровизация и алгоритмизация *Homo Sapiens* [49]).

4. *Прагматический регистр* в проектировании будущего обосновывает, что сквозные цифровые технологии и инновационные формы в организации общественного взаимодействия кардинально меняют (пока не равномерно в разных сферах жизнедеятельности обще-

ства) политический, правовой, экономический ландшафт организации общества, «вводят» новую дифференциацию и разграничение людей, связанных не столько с социокультурными статусами, материальными или символическими ресурсами, а с доступом к информационным ресурсам, инновационным технологиям, к «точкам» информационного обмена и т.д. В этом плане традиционные социокультурные основы и формы идентификации, биологические (естественные) и социально-политические (искусственные) дифференциации сменяются трудно прогнозируемыми цифровыми факторами и доминантами.

В то же время представители данного регистра мысли доказывают, что все эти технологии и инновационные формы полностью не стирают и не разрушают социокультурные формы организации стабильности и социокультурной целостности, устойчивые традиции, духовно-нравственные стандарты и требования. Напротив, исследователи пытаются проанализировать процессы адаптации социокультурных оснований общества и новых цифровых форм эволюции общественных систем [40]. Так, например, показывается, что социокультурные формы, с одной стороны, активно востребованы в процессе структурирования и идентификации онлайн-сообществ, виртуального мира и взаимодействия в дополненной реальности, с другой — «переводя в цифру» часть традиционных форм общественно-политического взаимодействия, цифровые системы и алгоритмы (в процессе машинного обучения), кроме «*цифровых траекторий развития*», получают также и *оцифрованную социокультурную специфику* эволюции конкретных общественных отношений.

Поэтому в рамках данного регистра отстаивается положение о том, что в современном обществе наблюдается конвергенция социокультурных и цифровых форм, практик и способов взаимодействия, а сквозные технологии (Интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность) не «вытесняют» и не «замещают» социокультурные образы, представления, символы, устойчивые формы и практики, а, напротив, переплетаются с ними, в результате и первые, и вторые адаптируются и используют ресурсы друг друга [5].

В рамках перспектив развития систем искусственного интеллекта представители данного направления отмечают, что само это понятие используется некорректно, в качестве абстрактной научной метафоры, уводящей мыследеятельность человека от ключевых характеристик этих систем. Это, в свою очередь, искажает и формулируемые прогнозы. С позиции последних речь нужно вести не об искусственном, а о спроектированном интеллекте, который на первом по крайней мере этапе будет полностью проектироваться человеком. А это значит, что здесь на первый план выйдут технические и этические стандарты, регламентирующие разработку, внедрение и эксплуатацию данных систем. Это решающий этап, когда социальное и цифровое могут быть гармонизированы и адаптированы к друг другу.

Одной из ключевых проблематик в данном направлении, помимо рассмотренных выше, являются вопросы кардинальной трансформации публично-властных отношений в обществе. В целой серии исследований проблематизируются понятие власти в XXI в. и специфика публично-властных отношений в цифровую эпоху [7; 8]. Прежде всего кардинальные изменения связываются с тем, что реальные центры власти и принятия управленческих решений «уходят» с публичной авансены и сосредотачиваются в «темных» секторах, «скрытых» и недоступных для контроля в пространствах. Например, сегодня «лучший способ получить ответ на вопрос о контроле в мире, полном умных машин, — понять ценности тех, кто фактически создает эти системы» [13].

При этом аргументируется, что в государственно-правовой организации общества формируются новые режимы осуществления власти, где реальные центры принятия решений концентрируются «за обществом», «вне» сложившейся и действующей системы публично-властных отношений. Данные центры власти функционируют в скрытом и неподконтрольном режиме, размещаются в «тени» традиционной публично-властной организации, представляя собой сеть взаимодействия различных акторов, которые финансируют, разрабатывают цифровые коды, программы, алгоритмы, а также тех, кто обеспечивает процесс их внедрения в жизне-

деятельность общества, обеспечивает эксплуатацию автономных алгоритмических технологий и комплексов [55; 58]. Другими словами, властные отношения не только опосредуются и регламентируются сложной инфраструктурой, которая скрыта от социального контроля, общественного влияния, но и реально находятся за разворачивающимися социально-экономическими, политико-правовыми и иными социально значимыми процессами в обществе. При этом восприятие и оценка политических событий и процессов тончайшим образом формируется информацией, «представляемой нам по совсем не случайным причинам, которая, однако, не раскрывает лежащий за ней интерес» [15, с. 240].

III. «Проективное будущее» как аттрактор

Итак, как отмечалось выше, «проективное будущее» является ключевым в повестке дня, выступает основополагающим «драйвером» политико-правовой и социально-экономической трансформации, особой матрицей (конечно, в зависимости от того или иного регистра мысли) в оценке протекающих событий и процессов. В этом качестве «проектируемое будущее» становится аттрактором (от лат. стягивать, притягивать), служащим не конкретной причиной или фактором, а некоторой динамичной областью, притягивающей разновекторные траектории развития социальных, биологических, цифровых, культурных, политических, правовых феноменов. Считаем данный термин⁵ вполне адекватным для описания сложных и неодно-

⁵ Справедливо в этом плане отмечает физик-теоретик Пол Девис, что, когда мы размышляем об искусственном интеллекте, «в действительности мы имеем в виду спроектированный интеллект. В просторечии такие слова, как «искусственный» и «машина», используются как антонимы слова «естественный» и содержит намеки на металлических роботов, электронные схемы и компьютеры, которым противопоставляются живые, пульсирующие, мыслящие биологические организмы. Сама идея о том, что у металлической штуковины, начиненной проводами, могут быть права или что она вдруг не подчинится людским законам, не просто жутка — она абсурдна» [13]. Это совершенно не то направление, в котором развиваются сегодня системы спроектированного интеллекта, спроектированный разум в своей основе имеет «синтетическую биологию и органические материалы, в которых выращенные из генетически модифицированных клеток нейронные сети станут произвольно самоорганизовываться в функциональные модули» [13].

родных процессов, протекающих в современном обществе, а также для представления связи и взаимовлияния разнообразных траекторий развития, по логике не связанных, но пересекающихся в данной области.

Такая исследовательская оптика позволяет увидеть «движущиеся силы множества (не структурированные и не подчиненные социальной иерархии или действующему институциональному порядку — *авт.*) классических систем (биологических, социальных, физических, цифровых — *авт.*), которые притягивались к минимальной точке пространства возможностей — аттрактору, *определяющему их долгосрочные тенденции развития*. В биологических и социальных науках <...> мы до сих пор не имеем подходящих формальных инструментов для изучения структуры гораздо более ложных пространств возможностей» [18, с. 41]. Одним из таких инструментов может стать рассмотрение определенного пространства возможностей (аттрактора), которое стягивает разнообразные траектории развития сложных систем (например, биологической, цифровой, социальной) и обуславливает их временную «сцепку» и совместные тенденции. Иными словами, аттрактор формирует область возможностей, которую заранее невозможно спрогнозировать путем рассмотрения отдельных устойчивых траекторий конкретных систем.

Применительно к современной ситуации можно с уверенностью сказать, что сегодня проблема не в том, что мир меняют новые технологии или новые биологические вызовы (например, Covid-19), но и в том, что изменяется сама общественно-политическая и социально-правовая мышледеятельность, которая порождает и развивает данные технологии, а также общественная практика, которая формирует определенные условия трансформации форм социальной жизни (например, в период пандемии).

Другими словами, нельзя однозначно сказать, что цифровые технологии выступают главной причиной трансформации политико-правовой реальности, что именно они — «главный виновник» смены парадигм и разрушитель устойчивых традиционных форм организации. Это будет весьма односторонне. Нужно посмотреть *иначе* — комплексно, ведь

и новый тип политико-правового мышления формирует сами *возможности* для появления и специфического направления развития сквозных цифровых технологий. Точно так же не только биологические угрозы порождают особую траекторию функционирования политико-правового режима, но и особый тип общественной мышледеятельности обуславливает сценарий и динамику развития последнего в период пандемии. В этом плане представляется более адекватной теоретико-методологическая стратегия исследования, которая исходит из «равнозначности» и взаимодействия социального, биологического и цифрового. Именно их совместная связка и действие определяют будущие тенденции развития последних.

Первое, что предстает перед нами, когда мы начинаем исследовать влияние этой «равнозначности» социального, биологического, цифрового, это то, что сегодня можно с уверенностью говорить: эпоха антропоцентризма «свертывается» как основополагающая повестка дня в развитии политических, правовых, социально-культурных систем. Человеческая активность сегодня соседствует с активностью и траекториями цифрового развития, а также сценариями или стратегиями биологических элементов/актантов⁶ (примечательно, что в период пандемии стратегия развития самого вируса Covid-19 является ключевой для определения общественно-политических стратегий развития, а также для траекторий разви-

⁶ Термин «*аттрактор*» пришел в социальные науки из классической физики и достаточно активно используется в социальной синергетике, различных философских и социологических подходах (акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология и т.д.) для описания некоторой совокупности условий, «при которых выбор путей эволюции разных систем происходит по сходящимся траекториям и в конечном итоге как бы притягивается к одной точке. Наглядно это можно представить в виде конуса бытовой воронки, направляющего движение частиц жидкости или сыпучих тел (например, песка) к своему центру (вершине конуса — горловине воронки) независимо от первоначальных траекторий. Пространство внутри конуса воронки (аттрактора), где любая частица (система), попавшая туда, постепенно смещается в заданном направлении, называют зоной «аттрактора»» [4]. Привлечение такого понятия позволяет многим исследователям «освободиться» от смысловых коннотаций и ангажированности традиционных категорий и понятий, подчеркнуть междисциплинарный характер, а также связанность различных траекторий социальных и не социальных явлений и процессов (как в случае с акторно-сетевой теорией [31; 32]).

тия и внедрения цифровых технологий в общественную жизнедеятельность).

В этом плане достаточно важно рассмотреть взаимодействие различных систем и их взаимовлияние, увидеть то, как они резонируют и усиливают друг друга, действуют на изменение траекторий каждого из элементов, не образуя, однако, некоторого системного целого. Конечно, следует учитывать, с одной стороны, уникальность и специфичность действия каждого из факторов, например, влияние скорости распространения вируса на процесс выработки, принятия, легитимации социально и политически важных управленческих решений, динамики изменения самих политических решений, скорости развития противоречий в публично-властных отношениях, общественно-политической коммуникации и т.д. С другой стороны, необходимо иметь в виду развитие «эмерджентных эффектов» от их взаимодействия. Важным представляется взаимодействие и взаимовлияние цифровых форм, биологических факторов и социокультурных доминант, а также их совокупное воздействие (онтологически уникальное сочетание) на формирование общественно-политических событий.

При этом, как отмечалось выше, данные тенденции следует рассматривать в форме особых ассамбляжей, которые не образуют устойчивых системных или сетевых связей, но складываются в онтологически специфические группы разнородных элементов, друг друга усиливающих, совместно иницирующие определенные события в общественной жизнедеятельности и существенно влияющие на динамику разнообразных процессов (экономических, политических, правовых). Так, период пандемии, показывает, что в каждом обществе при действии универсальных форм противодействия угрозе формируются специфические общественно-политические режимы (виталистские режимы) функционирования основных политических и государственных институций, специфика которых усиливается цифровыми технологиями и социокультурными доминантами. Или в стратегию борьбы с вирусом встраиваются цифровые технологии и этнокультурная специфика политико-правовой коммуникации, характерная для определенного общества.

VI. Ключевые тренды современного общественного развития

Если системно посмотреть на ключевые проблематики современности, которые обсуждаются в публичном пространстве, на решение которых направляются значительные ресурсы и управленческая активность государственных органов и различных институтов гражданского общества (политических партий и движений, общественных организаций, профессиональных ассоциаций, органов муниципальной власти и т.д.), то становится очевидным, что в настоящее время политико-правовой и социально-экономический процессы в обществе изменяются качественно и количественно. В чем эти принципиальные изменения?

Во-первых, в политическом пространстве современного общества кроме действующих, традиционных акторов (политические субъекты, субъекты права) появились и инновационные акторы (цифровые актанты, цифровые личности, автономные роботизированные алгоритмы и технологии), которые выступают не только цифровыми агрегаторами (т.е. посредством которых в настоящее время организуется и реализуется большая часть публичных отношений, разворачивается целое разнообразие общественного взаимодействия, функционируют современные системы политической коммуникации), но и являются значимыми, активными элементами (цифровыми и виртуальными актантами), поскольку действуют согласно своим цифровым стратегиям и траекториям машинного обучения.

При этом во многих сферах последние реализуют не только совещательные/экспертные функции, но и функционал распорядительного характера (например, в сфере обеспечения общественного порядка цифровые алгоритмы не только маркируют традиционные политические субъекты, выставляя им индексы криминальности или социальный рейтинг благонадежности, но и представляют список адекватных мер реагирования и действия властных структур или самостоятельно принимают решения — блокирование доступа, изменение представляемого списка полномочий, возможных вариантов действия и проч.).

Здесь важно зафиксировать, что новые актанты активно оказывают воздействие (иногда даже существенно сильнее) не только на мыследеятельность традиционных политических субъектов, на характер взаимодействия и направления развития публично-властных отношений в системе личность — общество — государство, но и, что более важно, на выработку стратегий как в публичной, так и в индивидуальной (частной) сферах. Сегодня любой прогноз, любая стратегия будет неадекватна, если в них кроме поведенческих и иных социальных факторов не закладывается моделирование развития цифровых форм и технологий. Говоря иначе, современное общественно-политическое прогнозирование и публично-правовое управление уже не закладывают только «социальное» в качестве основополагающего элемента и доминирующего тренда. Традиционные социальные формы организации, социально-политические технологии управления, социальные тенденции развития являются значимыми, но не единственными факторами в динамике современных обществ.

Во-вторых, период пандемии, развернувшийся в глобальном пространстве, сформировал (или, скорее, акцентировал внимание) совершенно иную реальность развития общества, политики, властных отношений (ранее обсуждаемую, но на периферии научных изысканий), а именно особый виталистский режим функционирования политической системы. Виталистский режим представляет собой такой период, при котором доминирующим фактором и основополагающей проблематикой выступают не только общественные или групповые интересы, но также факторы биологического характера, где вопросы противодействия «вирусным стратегиям», природные риски и экологические угрозы становятся ключевыми в политической повестке дня, отесняя иные проблематики — социально-экономические, культурные и проч.

При этом в современной политической и правовой теориях только разрабатываются исследовательские стратегии, в которых признается как определяющее влияние нечеловеческих элементов, так и «власть материального» в политико-правовом пространстве. Мето-

дологические интуиции современных философско-политических и социологических подходов ориентированы на попытку «втянуть» в исследовательское поле и описать роль и значение биологических, природных, материальных факторов в динамике и характере государственно-правовой организации и отношений. Преимущественно это осуществляется через представление особых сборок, ассамблежей, т.е. группы разнородных и разносущностных элементов, взаимодействующих и взаимовлияющих, но не объединенных одной системой или сетью отношений и правил.

Здесь доказывается, например, что вирус может выступать в качестве квазиактора (биологического актанта) с собственной траекторией развития, которая существенно влияет на развитие публично-властных отношений, на политическую повестку дня и функционирование различных политических институтов, а политические стратегии вынуждены учитывать (или «вести переговоры» — метод, описываемый М. Каллоном [28]) стратегии развития самого вируса. Другими словами, источники действия, факторы развития политической и правовой систем или изменений конкретных политических или юридических институтов, стратегий, доктрин могут быть одновременно человеческими и нечеловеческими. Социальная организация не просто не образует отдельный регион или автономную искусственную среду жизнедеятельности человека, но и, самое главное, человек не способен полностью контролировать и управлять собственным регионом без осознания связанности и взаимодействия с другими регионами (биологическими, экологическими, цифровыми и т.д.). Однако главная проблема здесь это не только признание последнего, а разработка соответствующей и адекватной категориально-понятийной структуры и методологического арсенала, позволяющих концептуализировать это взаимодействие и взаимовлияние.

В-третьих, еще одним действующим, значимым и относительно автономным элементом в политико-правовой динамике являются ментально-культурные основания общества, которые выражаются в культурных первообразах и устойчивых представлениях, а также нор-

мативно-ценностных ориентациях, задающие образцы общественно-политической жизнедеятельности людей и модели публично-властного взаимодействия. Данные элементы в социально-культурных исследованиях также рассматриваются в качестве активно действующих и влияющих актантов, которые вступают во взаимодействие с конкретными практиками и современными стратегиями, обуславливая формообразующие тенденции и направленности последующих социокультурных трансформаций.

С учетом вышеизложенного можно заключить, что в настоящее время востребована разработка исследовательской стратегии, которая ставит перед собой следующую задачу: проследить взаимодействие данных трех тенденций в современной политико-правовой организации, рассмотреть их в качестве «равнозначимых» и взаимовлияющих тенденций, меняющих социально-экономическую и политико-правовую реальность. Это предполагает и необходимость сформировать соответствующий исследовательский словарь, позволяющий концептуализировать и адекватно описать, с одной стороны, взаимодействие и взаимовлияние трех вышеобозначенных тенденций, с другой — происходящие в обществе радикальные изменения. В том числе предложить теоретико-методологический инструментарий ис-

следования данных трех устойчивых тенденций современности, а в теоретико-практическом плане сформировать прогностические модели и сценарии их совместного развития.

Именно в соответствии с вышесказанным актуализируется необходимость формирования доктринально-правовых и нормативных актов, этических стандартов и нравственных требований к процессу разработки, внедрения и эксплуатации сквозных цифровых технологий в жизнедеятельность общества. В том числе необходима выработка ключевых направлений по совершенствованию юридической техники и развитию опережающего правотворчества, позволяющих адекватно кодировать принципиально новые отношения, складывающиеся под воздействием внедрения и применения сквозных цифровых технологий [46; 47]. В настоящее время жизненно необходимым для стабильного государственно-правового развития в XXI в. представляется разработка адекватных условиям и требованиям современной цифровой эпохи биологических угроз и экологических рисков целой системы деонтологических кодексов и этических стандартов, а также системы социально-правового контроля скрытых и теневых форм деятельности, связанных с разработкой, внедрением и эксплуатацией инновационных технологий, автономных алгоритмических систем и т.п.

Литература

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. — М.: Изд. центр РГГУ, 2000. — 366 с.
2. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 502 с.
3. Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. — 3-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011. — 498 с.
4. Афанасьев В.Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. — М.: Политиздат, 1986. — 334 с.
5. Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 1(30). — С. 357–361.
6. Барикко А. The Game. Игра. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 352 с.
7. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 248 с.
8. Батлер Дж. Психика власти: теория субъекции. — СПб.: Алетейя, 2018. — 160 с.
9. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 459 с.
10. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.
11. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. — М.: Московская шк. политических исслед., 2008. — 463 с.
12. Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 416 с.
13. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. — М.: Альпина-Нон-фикшн, 2017. — 552 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592732&p=1> (дата обращения: 30.04.2020).
14. Вундт В. Проблемы психологии народов. — М.: Академический проект, 2010. — 136 с.
15. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 424 с.
16. Декларация о сотрудничестве в сфере искусственного интеллекта (10.04.2018) [Электронный ресурс] // Робоправо. — URL: http://robopravo.ru/initiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2 (дата обращения: 17.02.2019).

17. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. — М.: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований, 2014. — 338 с.
18. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — 170 с.
19. Делез Ж. Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато. — Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. — 892 с.
20. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. — М.: Евразийское движение, 2009. — 744 с.
21. Закарайя А. Номо Futurus. Облачный Мир: эволюция сознания и технологи. — М.: АСТ, 2019. — 368 с.
22. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2018, 30 мая. — URL: <http://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystupeniye-valeriya-zorkina-na-rmyuf/>.
23. Инициативы Франции в сфере робототехники. Март 2013 [Электронный ресурс] // Робоправо. — URL: http://robopravo.ru/initiativy_frantsii_v_sfierie-robototiekhniki_2013 (дата обращения: 17.02.2019).
24. Иншакова А.О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 // Legal Concept. — 2019. — № 18(4). — С. 6–17.
25. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 8. — С. 17–26.
26. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 347 с.
27. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Природоподобные технологии: новые возможности и новые вызовы // Вестник Российской академии наук. — 2019. — № 89(5). — С. 455–465.
28. Коллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приучение морских гребешков и рыбаков бухты Сен-Бриё // Логос. — 2017. — № 2(117). — С. 49–94.
29. Коулман С. Может ли интернет укрепить демократию? — СПб., 2018. — 132 с.
30. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. — М.: Книжный мир, 2018. — 416 с.
31. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 500 с.
32. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальные науки. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 352 с.
33. Макафи Э., Бриньолфон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 320 с.
34. Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 125–133.
35. Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Овчинников А.И. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики. — Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. — 241 с.
36. Мир в цифровую эпоху: политика, право, экономика в XXI веке: монография. — М.: РИОР, 2020. — 216 с.
37. Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении. Дисс. ... докт. юрид. наук: 23.00.02. — Ростов н/Д, 2004. — 330 с.
38. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
39. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: монография. — М.: РИОР, 2020. — 349 с.
40. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография. — М.: РИОР; ИНФРА-М, 2020. — 187 с. — Научная мысль. — DOI: <https://doi.org/10.12737/24671>.
41. Срничек Н. Капитализм платформ. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.
42. Урри Дж. Как выглядит будущее. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 320 с.
43. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. — М.: Ренессанс, 1991. — С. 65–134.
44. Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Изд-во АСТ, 2016. — 310 с.
45. Хабермас Ю. Расколотый запад. — М.: Издательство «Весь Мир», 2008. — 192 с.
46. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации // Санкт-Петербург. Сер. 189 «Избранные лекции Университета». 2019.
47. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9(261). — С. 5–16.
48. Шваб К. Четвертая промышленная революция. — М.: Изд-во Эксм, 2019. — 208 с.
49. Юваль Ной Харари. Homo Deus — Краткая история завтрашнего дня. — М., 2018. — 630 с.
50. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. — М.: Изд-во Питер, 2019. — 416 с.
51. Frolova E.E., Ermakova E.P., Protopopova O.V. Consumer protection of digital financial services in Russia and abroad. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020, vol. 1100, pp. 76–87.
52. Greer J.M. After Progress. *Cabriola Island, BC: New Society Publishers*. 2015. 328 p.
53. Inshakova A., Frolova E., Rusakova E., Kovalev S. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0. *Journal of Intellectual Capital*. DOI: <https://doi.org/10.1108/JIC-11-2019-0257>. (accessed 06 May 2020).
54. Law J. Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion. Ed. by W.E. Bijker et al. *The Social Construction of Technological System: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2012, pp. 105–127.
55. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.
56. Pergusson Y.H., Mansbach R.W. Technology and the Transformation of Global Politics. *Paper prepared for the 2000 Annual Meeting of International Studies Association*. Los Angeles, March, 2000.
57. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital rights as a new object of civil rights: Issues of substantive and procedural law. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020, vol. 1100, pp. 665–673.
58. Salthouse T.A. When Does Age-Related Cognitive Decline Begin? *Neurobiology of Aging*. 2009, no. 30(4), April, pp. 507–514.

References

1. Altermatt U. *Ethnonationalism in Europe*. Moscow: RSUH Publishing center, 2000. 366 p.
2. Armstrong K. *Battle for God: the history of fundamentalism*. Moscow: Alpina non-fiction, 2013. 502 p.
3. Armstrong K. *The story of God: 4,000 years of searching in Judaism, Christianity, and Islam*. 3rd ed. Moscow: Alpina non-fiction, 2011. 498 p.
4. Afanasiev V.G. *The World of the living: system, evolution and management*. Moscow: Politizdat, 1986. 334 p.
5. Baranov P.P., Mamychyev A.Yu. Digital transformation of law and political relations: main trends and guidelines. *Baltic humanitarian journal*. 2020, no. 1(30), pp. 357–361.
6. Barikko A. *The Game. Igra*. Moscow: Kolibri, Azbuka-Atticus, 2019. 352 p.
7. Butler J. *Notes on the performative theory of Assembly*. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. 248 p.
8. Butler J. *Psychology of power: theory of subjectivity*. St. Petersburg: Aleteia, 2018. 160 p.
9. Beck U. *Power and its opponents in the era of globalization. New world-political economy*. Moscow: Progress-Tradition, 2007. 459 p.
10. Beck U. *Risk society: On the way to another modern*. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 383 p.
11. Berman G.J. *Faith and law: reconciliation of law and religion*. Moscow: Moscow school of political research, 2008. 463 p.
12. Baldwin R. *The Great convergence: information technologies and the new globalization*. Moscow: Delo Publishing house, Ranepa, 2018. 416 p.
13. Brockman J. *What do we think about machines that think: The world's leading scientists on artificial intelligence*. Moscow: Alpina-Non-fikshin, 2017. 552 p. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592732&p=1> (accessed 30 April 2020).
14. Wundt V. *Problems of psychology of peoples*. Moscow: Academic project, 2010. 136 p.
15. Greenfield A. *Radical technologies: the device of everyday life*. Moscow: Delo Publishing house, Ranepa, 2018. 424 p.
16. Declaration on cooperation in the field of artificial intelligence. *Robopravo*. URL: http://robopravo.ru/initsiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2.
17. Delanda M. *War in the age of intelligent machines*. Moscow: Cabinet scientist; Institute of General humanitarian research, 2014. 338 p.
18. Delanda M. *New philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. Perm: Gile Press, 2018. 170 p.
19. Deleuze Zh., Guattari F. *Capitalism and schizophrenia. Book 2. A thousand plateaus*. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. 892 p.
20. Dugin A.G. *Postphilosophy. Three paradigms in the history of thought*. Moscow: Eurasian movement, 2009. 744 p.
21. Zakaraya A. *Homo Futurus. Cloud World: evolution of consciousness and technology*. Moscow: AST, 2019. 368 p.
22. Zorkin V.D. Law in the digital world. *Russian newspaper*. 2018. May 30. URL: <http://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>.
23. French Initiatives in the field of robotics. *Robopravo*. URL: http://robopravo.ru/initsiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013 (accessed 17 February 2019).
24. Inshakova A.O. Law and information and technological transformations of public relations in the conditions of industry 4.0. *Legal Concept*. 2019, no. 18(4), pp. 6–17.
25. Kartsiya A.A. Digital imperative: new technologies create a new reality. *IP. Copyright and related rights*. 2017, no. 8, pp. 17–26.
26. Kelly K. *Inevitably. 12 technological trends that determine our future*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 347 p.
27. Kovalchuk M.V., Naraikin O.S., Yatsishin E.B. Technology that resembles nature: new opportunities and new challenges. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019, no. 89(5), pp. 455–465.
28. Collon M. Some elements of the sociology of translation: training of sea scallops and fishermen of the Bay of Saint-Brieuc. *Logos*. 2017, no. 2(117), pp. 49–94.
29. Coleman S. *Can the Internet strengthen democracy?* St. Petersburg, 2018. 132 p.
30. Larina E.S., Ovchinsky V.S. *Artificial intelligence. Big data. Crime*. Moscow: Knizhny Mir, 2018. 416 p.
31. Latour B. *Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory*. Moscow: Publishing house of the Higher school of Economics, 2014. 500 p.
32. Lo J. *After the method: disorder and social sciences*. Moscow: Gaidar Institute Publishing house, 2015. 352 p.
33. McAfee A., Brynjolfson E. *Machine, platform, crowd. Our digital future*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 320 p.
34. Mamychev A.Yu., Miroshnichenko O.I. Modeling the future of law: problems and contradictions of legal policy in the field of regulatory regulation of artificial intelligence systems and robotic technologies. *Legal policy and legal life*. 2019, no. 2, pp. 125–133.
35. Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Ovchinnikov A.I. *National and cultural foundations of Russian statehood and legal policy*. Vladivostok: VSUES Publishing house, 2015. 241 p.
36. *The world in the digital age: politics, law, economics in the XXI century: monograph*. Moscow: RIOR, 2020. 216 p.
37. Mordovtsev A.Yu. *Russian statehood in the mental and legal dimension*. Doctoral thesis. 23.00.02. Rostov-on-the-Don, 2004. 330 p.
38. Piketty T. *Capital in the XXI century*. Ad Marginem Press, 2015. 592 p.
39. *Robots declare their rights: doctrinal and legal bases and moral and ethical standards for the use of autonomous robotic technologies and devices: monograph*. Moscow: RIOR, 2020. 349 p.
40. *Sociocultural (archetypal and mental) foundations of public-power organization of society: monograph*. Moscow: RIOR; INFRA-M, 2020. 187 p.
41. Srnichek N. *Platform. Capitalism*. Moscow: Izd. Dom Higher school of Economics, 2019. 128 p.
42. Urri G. *What the future looks like*. Moscow: Delo Publishing house, Ranepa, 2018. 320 p.
43. Freud Z. Discontent culture. *Z. Freud Psychoanalysis. Religion. Culture*. Comp. and the introduction of art. by A.M. Rutkevicha. Moscow: Renaissance, 1991. Pp. 65–134.
44. Fromm E. *Flight from freedom*. Moscow: AST Publishing house, 2016. 310 p.
45. Habermas Yu. *Split West*. Moscow: Publishing house “All the World”, 2008. 192 p.
46. Khabrieva T.Ya. *Law in the conditions of digitalization*. Ser. 189 “Selected lectures of the University”. St. Petersburg, 2019.
47. Khabrieva T.Ya. Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian law*. 2018, no. 9(261), pp. 5–16.
48. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Exom Publishing house, 2019. 208 p.
49. Yuval Noah Harari. *Homo Deus—a brief history of tomorrow*. Moscow, 2018. 630 p.
50. Jung K.-G. *Problems of the soul of our time*. Moscow: Publishing house Peter, 2019. 416 p.
51. Frolova E.E., Ermakova E.P., Protopopova O.V. Consumer protection of digital financial services in Russia and abroad. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020, vol. 1100, pp. 76–87.

52. Greer J.M. After Progress. *Cabriola Island, BC: New Society Publishers*. 2015. 328 p.
53. Inshakova A., Frolova E., Rusakova E., Kovalev S. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0. *Journal of Intellectual Capital*. DOI: <https://doi.org/10.1108/JIC-11-2019-0257>. (accessed 06 May 2020).
54. Law J. Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion. Ed. by W.E. Bijker et al. *The Social Construction of Technological System: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2012, pp. 105–127.
55. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.
56. Pergusson Y.H., Mansbach R.W. Technology and the Transformation of Global Politics. *Paper prepared for the 2000 Annual Meeting of International Studies Association*. Los Angeles, March, 2000.
57. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital rights as a new object of civil rights: Issues of substantive and procedural law. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020, vol. 1100, pp. 665–673.
58. Salthouse T.A. When Does Age-Related Cognitive Decline Begin? *Neurobiology of Aging*. 2009, no. 30(4), April, pp. 507–514.

Национально-культурный тренд в исследовании российского политико-правового пространства начала XXI в.: ментальное измерение модернизационных стратегий

УДК 316.3

Мордовцев Андрей Юрьевич

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, профессор кафедры теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российской государственного университета правосудия; E-mail: aum.07@mail.ru.

Мордовцева Татьяна Васильевна

Доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики; E-mail: aum.07@mail.ru.

Ким Александр Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; E-mail: kima@rambler.ru.

Статья получена: 06.05.2020. Рассмотрена: 19.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. Авторы статьи выделяют и обстоятельно рассматривают так называемые непозитивные компоненты национальной правовой действительности, отражающие сложную морфологию общественного и индивидуального правового сознания и включенные в структуру пра-

вового менталитета. Именно такой подход позволяет выделить видения и типизацию такого значимого элемента, как правовой менталитет. Учет этого элемента имеет огромное познавательное значение в рамках национально-культурного и даже интеллектуально-технологического тренда эволюции социально-правового и политико-институционального пространства.

Ключевые слова: правовое пространство, национально-культурный тренд, типология правового менталитета, правовой ритуал, правовые ценности, правовые символы, аттитуды,

**NATIONAL AND CULTURAL TREND
IN A RESEARCH OF THE RUSSIAN POLITICAL
AND LEGAL SPACE OF THE BEGINNING
OF THE 21ST CENTURY: MENTAL MEASUREMENT
OF MODERNIZATION STRATEGY**

Kim Alexander Alexandrovich

PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service; E-mail: kima@rambler.ru.

Mordovtsev Andrey Yuryevich

Doctor of Jurisprudence, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Professor of the Department of Theory and History of the Right and State, Rostov branch of the Russian State University of Justice, E-mail: aum.07@mail.ru.

Mordovtseva Tatyana Vasilyevna

Doctor of Cultural Science, Professor, Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Taganrog Institute of Management and Economy, E-mail: aum.07@mail.ru.

Manuscript received: 06.05.2020. Revised: 19.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. HSH-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. Authors of the article allocate and in details consider the so-called “not positive” components of national legal reality reflecting difficult morphology of public and individual legal consciousness and included in structure of legal mentality. Such approach allows to allocate various approaches to identification and typification of such significant element of national legal and political space as legal mentality, which accounting, undoubtedly, has huge informative value within national and cultural and even intellectual and technological trend of evolution of domestic and social and legal, and political and institutional space.

Keywords: legal space, national and cultural trend, typology of legal mentality, legal ritual, legal values, legal symbols, attitudinal, religious world view, legal adaptation, provincial legal mentality, legal compatibility

религиозное мирозерцание, правовая адаптация, провинциальная правовая ментальность, правовая совместимость

Развитие, функционирование национального права и государства всегда проходит в насыщенной социокультурной среде, этот процесс не может быть сведен к какому-либо набору «закономерностей», «трендов», «универсалий», так как все эти категории — известные обобщения, а иногда и упрощение юридических и политических реалий, известный способ их «онаучивания» и т.п. Правовая и политическая материя — это всегда живые социальные сущности, понять природу и смысл которых нельзя исключив из этого познавательного акта человека и общество, всегда рассматриваемых в диалектическом единстве их самобытных (этнических, антропологических и др.) и универсальных характеристик, раскрывающихся и сохраняющихся в исторической динамике. Однако и при таком подходе могут возникнуть некие «штампованные», но часто весьма устойчивые характеристики — стереотипные позиции, далекие от подлинных оснований и вектора развития национальной правовой системы и институтов национального государства.

Так, с точки зрения многих современных отечественных правоведов (начавших «исповедовать» либеральную ценностно-методологическую модель рассуждений), правовой нигилизм как явление, которое якобы по природе своей «всцело принадлежит национальному правовому миру, в российском обществе обусловлен, прежде всего, низким уровнем развития правосознания и правовым бескультурьем, незнанием своих прав и свобод, отсутствием даже элементарных юридических умений и навыков и, как следствие, весьма ограниченными возможностями правовой самозащиты, а часто вообще равнодушием, непониманием сущности и значения правовой *автономии* личности, причем не только другой, но и собственной. Такого рода суждения в 90-х гг. XX в. начинают приниматься в качестве *аксиом*: они либо вообще не обсуждаются, либо рассматриваются исключительно в рамках западного (формализованного) понимания сущности права, законности и правового порядка, механизма обеспечения

прав и свобод человека и гражданина и т.п., когда, например, право как особая регулятивная форма культуры сводится к правам человека, а все иные формы (в частности, наиболее близкая к праву — мораль) просто выводятся в принципиально иное регулятивно-охранительное поле, как будто реальные поведенческие акты можно подчинить исключительно юридическому «форматированию».

В этой связи, собственно, научное исследование специфики национального правового поля, положительные или отрицательные оценки российской правовой культуры и конкретно правового менталитета предполагает скрупулезный концептуальный анализ отображающих сложную морфологию общественного и индивидуального сознания в правовой (политико-правовой) сфере *позитивных* (знаковых) и *непозитивных*, образных, символических и иных проявлений отечественного правового мира.

Только в таком эвристическом ракурсе можно исследовать актуальные аспекты *юридической футурологии*, зарождающейся в последние годы, причем важнейшим трендом которой будут решение проблем правового регулирования вопросов искусственного интеллекта и робототехники. Речь здесь идет о том, что формирование юридической парадигмы исследования последних будет происходить не в каком-либо социокультурном (правоментальном) вакууме, но в весьма насыщенной духовно-символической среде, которая, конечно же, не ограничивается исключительно нормативно-позитивными компонентами, но, по большому счету, на массовом уровне правового сознания предстает именно в качестве непозитивных, но в то же время юридических образований. Именно они и определяют момент и специфику «усвояемости» новых правовых институтов, которые неизбежно возникнут и будут играть большую регулятивно-охранительную роль в процессе охвата разными продуктами искусственного интеллекта российского общества.

Вопросов (связанных между собой) здесь несколько:

- 1) темп формирования адекватной ситуации (роботизации) механизма правового регу-

- лирования (МПР) многообразных связанных с природой и функциями искусственного интеллекта общественных отношений;
- 2) особенности соответствия содержания и направленности этого МПР социальным ожиданиям и интересам большинства российских граждан, что определит в конечном счете уровень востребованности этих «роботизированных» технологий;
 - 3) ясно, что наиважнейшей проблемой здесь станет правовое обеспечение гарантий безопасности человека и общества в эпоху искусственной «интеллектуализации» социального (национального) пространства.

Методология. Такого рода исследования, а именно ментальное измерение национальной правовой действительности, типологизация правового менталитета, определение его видов по различным основаниям предполагает весьма специфический набор методов исследования. Конечно, в первую очередь здесь следует выделить всеобщие методы научного исследования, возникающие в разных философских школах. К их числу следует отнести диалектический метод, имеющий далеко не только «материалистическое» звучание, но и иные «развороты». В частности, при изучении заявленной проблематики признание единства содержания и формы правовой ментальности играет большую роль. Рассмотрение правовой ментальности в противоречивом социально-историческом контексте, в постоянном эволюционном (хотя и медленном) движении также соответствует диалектической методологии. Кроме того, большое значение приобретает герменевтический способ познания национальной государственно-правовой действительности, предполагающий выявление и толкование скрытых социально-правовых и политических практик, структур общественного сознания, знаково-символических компонентов российского правового пространства. Метод генетической реконструкции позволяет раскрыть специфику формирования отечественной правовой ментальности вообще и ее различных типов и проявлений в частности. Огромную роль играет набор общенаучных логических методов, например метод деления объемов понятий, ставший основой для проведения разного рода

классификаций, конечно, в первую очередь типизаций правового менталитета.

Среди специальных методов следует выделить сравнительно-правовой метод, позволяющий выявлять существенные и иные отличия правового пространства в разных типах цивилизаций, этносов, народов. С помощью этого же метода возможно проведение сравнительного анализа тех или иных типов ментальности, обнаруживая содержательное отличие их структур.

Итак, остановимся именно на непозитивных, т.е. ценностно-символических феноменах, как наиболее сложных (в плане своего обнаружения и изучения) и слабо разработанных в отечественном правовом познании формах *правового мировосприятия*.

Прежде всего, обратимся к природе правовых установок личности. Вообще категория «установка» — это предмет исследования советских психологов (Д.Н. Узнадзе и др.) [20]. В.А. Ядов считал, что «установка <...> является психологическим механизмом регуляции как бессознательной, так и осознанной активности субъекта, она содержит механизмы и простейших, и сложных социальных форм поведения» [16, с. 21].

Собственно, в юридическом измерении к вопросам установки обращалась Е.А. Лукашева, считающая, что «правовая установка личности — это ее готовность действовать согласно тому или иному нормативу, образцу поведения; поэтому именно в личностной правовой установке концентрируются все компоненты социально-психологической регуляции, в зависимости от качественной характеристики которой она может носить либо позитивный, либо негативный характер, проявляющийся соответственно в правомерном или противоправном поведении личности» [12, с. 87]. Е.А. Лукашева представила общий план исследования правовой установки, но, разумеется, она не выделила никаких национальных (культурных, ментальных и т.п.) ее сторон, что, конечно, в полной мере соответствовало марксистско-ленинским методологическим, господствующим в этот период развития отечественного правоведения.

Примерно в таком же теоретико-методологическом ракурсе об отношении общества и личности к праву, закону, законности пишет и С.С. Алексеев. «Ведь законы издаются для

людей и людям адресованы, они применяются людьми и людьми исполняются. А всё это (и применение законов, и их исполнение) во многом зависит <...> от нашего — всего общества и каждого из нас — отношения к вопросам права и законности, усвоения нами юридических ценностей, готовности и стремления добиваться строжайшей законности, точности, безукоризненного исполнения юридических норм» [1, с. 155–156]. Здесь нет культурологического (этнического, цивилизационного) содержания, но риторика в полной мере еще советская — идеологически выдержанная, но национально «стерильная».

В целом позитивистско-нормативистский подход демонстрируют и В.И. Каминская и А.Р. Ратинов, считающие, что правовые установки и ориентации — значимые результаты работы массового правосознания [9]. Н.Л. Гранат определял правовую установку в качестве результата реализации ценностного отношения в социуме, но с участием воли, выполняющей роль «энергетического двигателя» [9]. Это, очевидно, некий отголосок марксистско-гегельянской *волевой* концепции права, определившей и советские подходы (А.Я. Вышинский и др.) к природе этого явления.

В свою очередь, Т.В. Синюкова отмечает, что правовая установка — это готовность, предрасположенность субъекта к правомерному или противоправному поведению, складывающаяся под влиянием ряда социальных и психофизиологических факторов [18, с. 559]. Таким образом, она формулирует уже новый подход, причем включает в понимание правовой установки даже «психофизиологические» моменты.

В общем, в современном дискурсе наиболее эвристически плодотворными подходами к проблемам правовой установки граждан, их правовому мировоззрению и правосознанию является метод «погружения» их в национальное ценностное либо (глубже) ментальное (архетипическое) пространство. Правда, в его отношении сначала необходимо разрешить проблему поиска условий, оснований, предпосылок его формирования и существования, а также сохранения.

Ясно, что формирование аксиологического поля имеет место в конкретном социуме, типе

цивилизации. В этом плане следует выделить несколько исходных начал:

- 1) никакие формационные перегородки, идеологические догмы, транслируемые властными элитами, не могут искоренить национальную ментальность, определяющую в конечном счете судьбу любых реформ или революционных качественных сдвигов в правовой, политической и социально-экономической сферах. Даже при кажущейся их якобы «принципиальной» новизне эти институты так или иначе встраиваются (продавливаются) в ментальное пространство, однако разрушить его не могут, поэтому они просто вынуждены «мимикрировать» в национальной среде, приспособляться к ее духовным (в том числе и религиозным) реалиям;
- 2) большую роль в оформлении и развитии ценностного пространства в правовом поле имеют такие базовые социальные институты, как семья, община, собственность и, разумеется, государство, которое может вести себя самым разным образом: заполнять собой максимум социального, национального пространства либо наоборот, оставлять индивиду его «приватное» пространство, не вторгаясь в него и даже охраняя «частоклолом» прав и свобод. Следует иметь в виду, что, по большому счету, «... даже платоновская республика, которая вошла в половицу как образец пустого идеала, по существу отражала не что иное, как природу греческой нравственности...» (Г.В.Ф. Гегель). Так что не только российское государство, но и любое иное влияет на ценностное пространство и отражает его на функциональном и институциональном (правовом, политическом) уровнях;
- 3) наиболее же ярким внешним индикатором ценностно-правового пространства любого социума, нации или этноса являются *юридические символы и ритуалы*, изученные (тем более применительно к России) весьма и весьма недостаточно [7; 8; 17]. «Юридический символизм отнюдь не связан только с игровыми и мифологическими интерпретациями права, его обусловленность более основательна, — это наружная оболочка тех внутренних явлений, которые “происходят

в духе отдельных людей”, и внешность, материальность есть необходимое условие для бытия права», — утверждал в отношении внешних символов права один из первых русских исследователей проблемы Петр Колмыков [7, с. 5]. Конечно, ритуалы и символы далеко не всегда относятся только к правовой культуре традиционных обществ. В антропологическом и историческом измерении важно изучать ритуальную культуру и модернизированные социумы. Особую роль играют *судебные ритуалы и символы* (отражают чаще всего процессуальную сторону этого вида юридической практики), отдельно следует подчеркнуть значение политических, семейных ритуалов, они прекрасно отражают специфику, вектор развития и в то же время устойчивость национальных семейных и политических ценностей, которые просто должны хотя бы в усеченном виде, но отражаться в Конституции и текущем законодательстве (собственно, конституционная реформа образца 2020 г. как раз и преследует такого рода цели).

Стоит заметить, что мировая история знает случаи, когда, например, быстрый, но как оказалось недолгий, кризис национального юридиксо-аксиологического пространства во Франции времен Великой французской буржуазной революции привел к тому, что источником права стала «совесть присяжных», т.е. авторитетный в западном мире судебный институт, символ судебной демократии превратился в образец произвола, звено массового террора (1793–1794), что, однако, продержалось мало времени и было в итоге вытеснено привычными для правовой и политической ментальности французов судебно-правовыми формами. Поэтому возникший в англосаксонской правовой семье институт присяжных, ставший традиционным для правовых государств, по природе своей рассчитан на конкретный правовой менталитет, юридическое мировоззрение личности, но не личности вообще, а представленной в национальном правовом пространстве, своего рода «привязанной» к нему. В противном случае он становится просто избыточным, отторгается национальным ценностным пространством.

В общем, далеко не всё, что имеет место и, возможно, неплохо функционирует в своем органичном для этого рода институтов и отношений ценностно-ритуальном поле, может прижиться в ином по своим базовым характеристикам социуме. Вот, собственно, что необходимо иметь в виду для формирования правового механизма в отношении роботизации и искусственного интеллекта в отечественном мире в ближайшем будущем, тем более что уже имеющие место контуры правового регулирования этих сложных процессов позволяют судить о возможном здесь использовании уже привычной за период 90-х гг. стратегии вестернизации, проводимой еще и методами «механического» заимствования оправдавших там себя форм, институтов, норм.

Применительно же к России дело обстоит еще сложнее. Дело в том, что правовая культура, ментальность, а следовательно, сама юридиксо-ценностная среда в отечественном государственно-правовом мире весьма и весьма неоднородна. Ясно, что по степени включенности народов, их религиозному, этнокультурному разнообразию наше государство нельзя сравнить ни с одной западноевропейской страной, в мировом же масштабе здесь, правда, можно хотя бы частично сравнить Россию с США, хотя коренным отличием будут разные модели ассимиляции этносов: «плавильный тигль» (США) и сохранение титульного народа — русские (Россия), что и должно быть подтверждено планируемыми в Конституцию РФ поправками в 2020 г.

В рамках такой национальной правовой политики, какая исторически сложилась в отечественном мире, вряд ли стоит говорить о едином и ментальном фоне, и общих, универсальных ценностных ориентациях. Категория «российский правовой менталитет» — это во многом некий усредненный показатель константных основ отечественной правовой культуры и правового сознания, идеализация праводуховного единства российского социума. Поэтому при разработке действенных стратегических основ любого, а тем более технологического, обновления здесь стоит учитывать специфику ментальных ориентаций и установок различных народов, включенных в российскую нацию, жителей столицы и про-

винции, а также и особенности, содержание профессионального менталитета различных групп.

В явно немногочисленной современной отечественной специальной литературе, в которой встречаются рассуждения относительно природы и видов правовой ментальности, можно обнаружить подходы более высокой степени обобщения. В частности, В.А. Бачинин и В.П. Сальников предлагают различать ментальность «западного» и «восточного» типов, и, видимо, впервые в нашей научной традиции явно формулируют их характерные признаки [2, с. 175–177].

Однако «для русского менталитета имеют огромное значение гигантские размеры страны. Благодаря громадным размерам государства, пространственной рассеянности населения, различных укладов, культур возникает своеобразная историческая инерция, небезразличная к историческим судьбам России. Эта инерция является, если хотите, роком для нашей страны. Скажем, во Франции влияние Парижа на протяжении всей истории, особенно в Новое время, было решающим — страна шла туда, куда шел Париж (кроме, пожалуй, периода Парижской коммуны 1871 г.)» [14, с. 32].

В частности, учитывая специфику настоящего исследования следует обратить внимание

на следующие виды (классификационные подходы) российской правовой ментальности:

- 1) правовой менталитет христианских народов и народов, исторически исповедующих иные религии (ислам, буддизм, иудаизм и др.);
- 2) правовой менталитет, собственно, российских этносов и менталитет диаспор;
- 3) столичный правовой менталитет и провинциальная правовая ментальность;
- 4) правовой менталитет малых народов России.

Ясно, что это далеко не исчерпывающий перечень видов российского правового менталитета, но уже и этот перечень убеждает в сложности создания некоего универсального механизма правового регулирования, причем когда речь идет о «вторжении» в социальную сферу систем искусственного интеллекта, разного рода (антропогенных и иных) роботов да еще и с явными тенденциями их юридической «субъективации», признанием их «лицами». В таком ракурсе вряд ли справедливо ожидать одинаковых ценностных, правовых, практических и других оценок от носителей столь разных видов российской правовой ментальности. В этом сложном, многоаспектном процессе просто неизбежны и юридические, и социально-духовные противоречия.

Литература

1. Алексеев С.С. Право и перестройка. — М., 1987. — 122 с.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. — СПб., 2000. — 382 с.
3. Бахтин М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М., 1965. — 545 с.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М., 1973. — 288 с.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М., 1990. — 343 с.
6. Иванников И.А. Общая теория государственной власти. — Волгоград, 1997. — 32 с.
7. Исаев И.А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. — 2002. — № 6. — С. 4–10.
8. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. — М., 2002. — 417 с.
9. Каминская В.И., Рагинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. — М., 1974.
10. Колмыков П. Символизм права вообще и русского в особенности. — СПб., 1839. — 341 с.
11. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — СПб., 2003. — 428 с.
12. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. — М., 1987. — 312 с.
13. Лукин П.В. Особенности русского общественного сознания в старообрядческих сочинениях XVII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. — Вып. 4. Ментальность эпохи потрясений и преобразований. — М., 2003.
14. Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Вопросы философии. — 1994. — № 1.
15. Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 1999. — 301 с.
16. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. — Л., 1979. — 333 с.
17. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. — М., 2010. — 663 с.
18. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — М., 1997. — 672 с.
19. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. — СПб., 1998. — 314 с.
20. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси, 1961. — 547 с.
21. Хофстед Г. Различия и опасность: особенности национальных культур и ограничения в толерантности // Высшее образование в Европе. — 1997. — № 2.
22. Bellenger A. La conscience du droit chez les japonais. *Rev. inter. Paris*. 1993, 218 p.
23. Garapon A. *L'Are portant des reliques*. P., 1985. 246 p.

References

1. Alekseyev S.S. *Law and perestroika*. Moscow, 1987. 122 p.
2. Bachinin V.A., Salnikov V.P. *Philosophy of law. Short dictionary*. St. Petersburg, 2000. 382 p.
3. Bakhtin M. *Francois Rabelais and folk culture of the middle Ages and Renaissance*. Moscow, 1965. 545 p.
4. Block M. *Apology of history or craft of the historian*. Moscow, 1973. 288 p.
5. Gurevich A.Ya. *The Medieval world: culture of the silent majority*. Moscow, 1990. 343 p.
6. Ivannikov I.A. *General theory of state power*. Volgodonsk, 1997. 32 p.
7. Isaev I.A. Symbolism of legal form (historical perspective). *Jurisprudence*. 2002, № 6, pp. 4–10.
8. Isaev I.A. *Politica hermetica: hidden aspects of power*. Moscow, 2002. 417 p.
9. Kaminskaya V.I., Ratinov A.R. Legal awareness as an element of legal culture. *Legal culture and issues of legal education*. Moscow, 1974.
10. Kolmykov P. *Symbolism of law in general and Russian in particular*. St. Petersburg, 1839. 341 p.
11. Korkunov N.M. *Lectures on the general theory of law*. St. Petersburg, 2003. 428 p.
12. Lukasheva E.A. *Socialistic law and personality*. Moscow, 1987. 312 p.
13. Lukin P.V. Peculiarities of Russian social consciousness in old believer writings of the XVII century. *The perception and the consciousness of the Russian society*. Issue 4. Mentality of the epoch of shocks and transformations. Moscow, 2003.
14. Pantin I.K. National mentality and history of Russia. *Question of philosophy*. 1994, no. 1.
15. Rulan N. *Legal anthropology*. Moscow, 1999. 301 p.
16. *Self-regulation and forecasting of social behavior of the person*. Ed. by V.A. Yadov. Leningrad, 1979. 333 p.
17. Sinyukov V.N. *Russian legal system: introduction to General theory*. Moscow, 2010. 663 p.
18. *Theory of state and law*. Ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moscow, 1997. 672 p.
19. Uvarov M.S. *Architectonics of the confessional word*. St. Petersburg, 1998. 314 p.
20. Uznadze D.N. *Experimental foundations of psychology installation*. Tbilisi, 1961. 547 p.
21. Hofsted G. Differences and danger: features of national cultures and restrictions in tolerance. *Higher education in Europe*. 1997, no. 2.
22. Bellenger A. La conscience du droit chez les japonais. *Rev. inter. Paris*. 1993, 218 p.
23. Garapon A. *L'Are portant des reliques*. P., 1985. 246 p.

Риски и угрозы цифровизации

УДК 34.02

Гайворонская Яна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: yanavl@yandex.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 29.04.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. Целью нашего исследования является систематизация рисков и угроз цифровой трансформации общества для последующей выработки опережающих правотворческих решений. Рассмотрев предложенные в науке классификации угроз и рисков цифровизации, авторы предлагают разделить все угрозы цифровизации на три группы: гипотетические, реальные и гносеологические. Наибольшей актуальностью обладают реальные угрозы, которые проявляются на современном этапе технического развития и остро требуют юридических решений. В целом все реальные угрозы связаны с проблемами безопасности личности, бизнеса, общества и государства в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация общества, сквозные цифровые технологии, угрозы цифровизации, проблемы цифровизации, риски цифровизации

Цифровая трансформация общества неотвратимо захватывает всё новые социальные институты и сферы деятельности. Масштабность и скорость протекания этой трансформации позволяют именовать сегодняшний этап развития цифровых технологий цифровой революцией. Практически всё пространство вокруг, включая нас самих, непосредственно является объектом цифровой трансформации. Однако за видимыми на первый взгляд перспективами скрываются серьезные угрозы, которые необходимо прогнозировать и освещать в целях предотвращения возможных негативных последствий.

При столь высокой динамике технического прогресса естественным образом нарушаются системность и эволюционность социального развития. В результате многие социальные институты (особенно «гуманитарной» направленности) и имеющиеся регуляторы общественных отношений не успевают адаптироваться к происходящим изменениям, усиливая социальный кризис.

Тема рисков и угроз цифровизации активно осваивается учеными различных направлений: экономисты, политики, праведы и многие

DIGITALIZATION RISKS AND THREATS

Gaivoronskaya Yana Vladimirovna

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University Law School; E-mail: yanavl@yandex.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 29.04.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The aim of our study is to systematize risks and threats of digital transformation of the society for subsequent develop-

ment of advanced law-making decisions. Having considered classification of digitalization threats and risks of proposed in science, the authors propose to divide all the threats of digitalization into 3 groups: hypothetical, real and epistemological. The most crucial are the real threats that appear at the present stage of technical development and urgently require legal solutions. In general, all the real threats are associated with security problems of individuals, businesses, society and the state in a digital environment.

Keywords: digitalization, digital transformation of the society, end-to-end digital technologies, digitalization threats, digitalization problems, digitalization risks

другие обеспокоены столь быстрым распространением цифровой волны.

Появление любых изменений в экономике, политике, демографии, социальной жизни и т.д. связано с определенными вызовами и угрозами, что может проявиться в совокупности возможных проблем и отрицательных результатов. Каждый из этих нежелательных результатов (экономический, политический, демографический, социальный и т.д.) может быть представлен как риск, описываемый параметрами «размер возможного отрицательного результата» и «вероятность наступления отрицательного результата» [21, с. 53]. Однако, прежде чем оценивать потенциальные риски цифровой трансформации общественных отношений и разрабатывать превентивные правотворческие решения, необходимо определить сами нежелательные последствия, или проблемы цифровизации.

Термин «цифровизация» стал почти общепринятым, но при этом так и не обрел четкого смыслового значения. На уровне гуманитарных исследований и публицистики понятием цифровизации стали обозначать комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением, собственно, цифровых, компьютерных, информационных, электронных, сетевых, телекоммуникационных технологий в современной жизни. Представители общественных наук, рассуждая о плюсах и минусах цифровизации, используют понятия «цифровизация», «цифровые технологии», «информационные технологии», «автоматизация», «электронные технологии» и т.д. практически как синонимы.

В современном словоупотреблении термин «цифровые технологии» используется в узком смысле, т.е. применяется для обозначения последних достижений в области цифровых технологий и сквозных цифровых технологий. Ведь в широком смысле слова цифровая передача информации и цифровые машины были известны с прошлого века, именно на них основаны современные информационные и компьютерные технологии. Современный этап развития IT-технологий и сети Интернет называют цифровой революцией и связывают с цифровизацией производства, что выражает-

ся в создании глобальных промышленных сетей с использованием искусственного интеллекта, распространением Интернета вещей, сервисов автоматической идентификации, сбора и обработки глобальных баз данных, облачных технологий, социальных сетей, создании принципиально новых механизмов взаимодействия человека и машины [6, с. 13].

К проявлениям цифровизации как IV промышленной революции следует относить, прежде всего, так называемые сквозные цифровые технологии, которые затрагивают разные отрасли деятельности и в наибольшей степени влияют на развитие цифровой экономики. В федеральном проекте «Цифровые технологии», входящем в состав Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [13; 10; 11], к сквозным цифровым технологиям отнесены: большие данные (Big Data), новые производственные технологии, промышленный интернет (Industrial Internet of Things, IIoT), искусственный интеллект (Artificial intelligence, AI, ИИ), технологии беспроводной связи, компоненты робототехники и сенсорики, квантовые технологии, системы распределенного реестра, технологии виртуальной (Virtual Reality, VR) и дополненной (Augmented Reality, AR) реальностей.

Целью нашего исследования является систематизация рисков и угроз цифровой трансформации общества для последующей выработки опережающих правотворческих решений. В данной работе мы будем использовать термин «цифровизация» в обобщающем смысле, для обозначения всех процессов цифровой трансформации общества и его отдельных институтов за счет внедрения информационных и сквозных цифровых технологий.

Большой пласт проблем цифровизации исследователи связывают с появлением и распространением искусственного интеллекта (потенциально — сильного ИИ) и как результат с возможным противостоянием человека и ИИ.

Однако, проводя проблематизацию вопроса о цифровой трансформации общества, его экономической, политической, правовой и культурной сферах, есть смысл разграничить уровни потенциальных рисков и угроз такой трансформации. Представляется разумным

разделить все потенциальные угрозы цифровизации на *гипотетические*, т.е. возможные в перспективе на высоком уровне технологического развития (уровне прогнозируемом, но в настоящий момент недоступном), и *реальные (насуточные)*, т.е. очевидные и констатируемые в современном обществе на имеющемся уровне технологического развития.

Гипотетические угрозы связаны, прежде всего, с потенциально возможным появлением сильного ИИ, обладающего автономностью и сопоставимого с интеллектом человека. К гипотетическим угрозам относятся, в частности, возможное противостояние ИИ и человечества, конфликт ИИ с ноосферой, порождающие, в свою очередь, различные угрозы для существования человечества [18, с. 64]. В юридической плоскости к гипотетическим проблемам цифровизации относятся вопросы правосубъектности ИИ [8], распространения на юниты ИИ и автономные роботизированные аппараты (АРА) элементов правового статуса человека [5], в частности, прав человека [4].

Обобщая, можно сказать, что искусственный интеллект порождает угрозы и вызовы, «сопряженные с крайне сложно просчитываемыми рисками и поливариантностями, создаст беспрецедентно много неопределенностей» [15, с. 105]. Иными словами, одной из наибольших проблем распространения ИИ является невозможность четко предугадать и спрогнозировать возможные угрозы и риски, связанные с этой технологией в будущем. Большая часть прогнозируемых на сегодняшний день угроз в сфере ИИ касается этических вопросов, точнее, возможных конфликтов современной антропоцентричной морали и логики функционирования будущих автономных носителей сильного ИИ. Исследователи констатируют, что «... развитие тех или иных опасных технологий без учета вопросов этики может привести человечество к совершенно катастрофическому результату» [17, с. 248]. С другой стороны, жесткие ограничения, сформулированные на заре формирования новой технологии, могут препятствовать технологическому и, следовательно, социально-экономическому и политическому развитию общности, что само по себе также можно

признать одной из угроз цифровой эпохи (искусственное торможение развития, связанное с невозможностью деонтологического, правового и культурного опосредования происходящих изменений).

К *реальным* угрозам цифровизации, в полной мере осознаваемым и актуальным уже сегодня, относятся незащищенность персональных данных в киберпространстве и связанная с этим неспособность современных правовых средств осуществить регулирование и защиту общественных отношений; интеллектуализация военной робототехники и связанные с этим последствия, в частности, угроза потери людьми контроля над военными компьютерными системами; изменение рынка труда и технологическая безработица; распространение киберпреступности и неспособность правоохранительных органов обеспечить безопасность личности в интернет-пространстве; отсутствие правового регулирования Интернета и механизмов действенного государственно-правового контроля в интернет-среде и т.д.

Особняком хотелось бы поставить *гносеологические* проблемы цифровизации: угрозы классическим научным теориям и моделям, лежащим в основе действующих сейчас политических, правовых, экономических и иных социальных институтов. Например, в предметной области юриспруденции цифровизация несет угрозы классическим теориям государственного суверенитета [22], правосубъектности, лиц, правоотношений, которые становятся нереализуемыми в условиях киберпространства и/или с участием принципиально новых квазиакторов (юнитов ИИ, роботов-агентов и т.д.).

Право как регулятор общественных отношений претерпевает некоторые сущностные изменения, а выделяемые в теории основные признаки права в цифровую эпоху теряют прежний смысл [20, с. 15]. Новая цифровая реальность требует нового понимания всего механизма правового регулирования и, что особенно важно, нового понимания места права в стремительно меняющемся цифровом обществе [1, с. 324]. Требуется модификация теории прав человека (как минимум в части расширения перечня официально закрепленных и гарантированных государством прав в цифровом обществе), что

повлечет за собой изменения в идеологии, основанной на этой теории. Смарт-контракт как новая форма договора [24], интернет-портал как официальный источник опубликования нормативно-правовых актов [1, с. 359] и многие другие нововведения подводят нас к тому, что именно трансформацией права как важнейшего института гражданского общества обусловлены технологические изменения, происходящие в юридической профессии.

Понятие информации образует отдельную междисциплинарную область, имеющую массу прикладных аспектов. Правовое регулирование информации как универсального объекта права является крайне сложным и устаревает еще до момента появления законопроекта (этим отчасти объясняется совершенно неудовлетворительное с точки зрения современных достижений технического прогресса состояние понятия информации в современном правовом поле). Эта ситуация, кстати, сама по себе становится одной из угроз цифровизации: перманентное отставание законодательства об информационных технологиях от реального уровня технологий, и отсутствие опережающих правотворческих решений.

Изменения категориального аппарата науки, методологии и предметной области исследований под влиянием цифровизации затрагивает, естественно, не только юриспруденцию, а практически все виды и области научного знания.

Основной упор в настоящее время нужно делать на предотвращение реальных угроз цифровизации (по терминологии нашей условной классификации). Не умаляя значимости других научных изысканий, хочется подчеркнуть срочный прикладной характер исследований в области реальных угроз цифровой трансформации общества. Уровень риска этой группы угроз высок, а для некоторых нерешенных вопросов является критическим, в то время как уровень риска гипотетических проблем цифровизации в настоящий момент является низким (или средним), что позволяет отсрочить их разрешение на уровне принятия правотворческих решений. Исследования группы насущных угроз цифровизации должны дать концепции и модели правового регулирования имеющихся общественных отношений, закрывая регуля-

тивный вакуум и создавая возможности для дальнейшего развития, технического прогресса и научных исследований цифровизации.

Экономисты выделяют следующие группы проблем экономической безопасности цифрового общества: системные, структурные, отраслевые, деятельности отдельных предприятий, проблемы отдельных граждан. Проблематизация в данном случае осуществляется по критерию субъекта/института, в отношении интересов которого формируется угроза в связи с распространением цифровых технологий. К системным проблемам экономической безопасности отнесены проблемы, касающиеся экономики в целом или ее значительных частей (зависимость от цифровых технологий других государств, отсутствие собственной элементарной базы, проблема «цифрового неравенства»). Структурные проблемы, вызванные цифровизацией, связаны с изменением отдельных социальных институтов или системообразующих процессов в обществе (например, существенные изменения на рынке труда и рост безработицы). К отраслевым проблемам относится отсутствие цифровых решений для отдельных отраслей (например, отсутствие собственной платежной системы). Проблемы экономической безопасности деятельности отдельных предприятий затрагивают конкретных участников бизнеса (кража корпоративных данных, промышленный шпионаж, хакерские атаки, недостаточная обеспеченность цифровыми технологиями, компетентными кадрами и т.д.). К проблемам цифровой безопасности отдельных граждан относятся кража, манипулирование личными данными [16, с. 1088–1101].

Интересная обобщающая классификация предложена в исследовании А.И. Пискунова, посвященном цифровизации промышленности. В основу классификация глобальных вызовов и угроз цифровой трансформации общества, определенных на базе изучения материалов экономических форумов Давос-2016 и Давос-2017, положено определение сфер распространения потенциальных угроз. Вызовы и угрозы цифровизации разделены на 5 групп: I группа — угрозы, которые могут спровоцировать социальную и экономическую нестабильность (технологическая безработица и все ее

проявления); II группа — угрозы разрыва в уровнях технологического развития между странами, а также между различными экономическими группами в зависимости от доступа и эффективности использования интеллектуальных ресурсов; III группа — вероятность техногенных катастроф, неспособность человека лидировать в принятии управленческих решений по сравнению с интеллектуальными системами; IV группа — экологические риски и угрозы (интенсификация производства может привести к существенному изменению климата); V группа — угрозы снижения уровня национальной безопасности страны (риски усиления терроризма, сложность обеспечения конфиденциальности информации, угроза создания новых моделей кибероружия) [14, с. 12].

Сейчас мир переживает переломный момент — переход от «индустриального общества» к «обществу информационному». Развитие информационных технологий ставит ряд новых задач, требующих эффективного и качественного разрешения. Источником угроз и опасностей в этих условиях становится глобальная киберпреступность [9, с. 175].

В отчете ВЭФ по глобальным рискам (The Global Risks Report, 2018) такие общемировые угрозы, как киберпреступность и кража данных, расположены на третьем и четвертом месте по их значимости [25].

Интернет знает о человеке больше, чем он сам, его друзья и родные — в эпоху развития информационных технологий это уже не является шуткой. «Автоматическое исследование информационных запросов пользователей в Интернете, сведения с личных гаджетов, операции по банковским картам, электронная переписка и мессенджеры формируют блок информации о человеке, которую он и сам о себе может не знать», — указывают исследователи, объясняя суть угрозы хищения личных данных и использования их в корыстных целях [2, с. 146].

По данным правоохранительных органов только в 2019 г. число зарегистрированных в России IT-преступлений выросло на 70% (294 тыс.), они составляют уже 15% от всех регистрируемых в стране преступлений. По словам главы МВД, их раскрываемость выросла в 1,5 раза [3].

Одной из главных угроз для информационной безопасности на сегодняшний день специалисты называют киберпреступность с использованием вирусов-шифровальщиков. Опасность связана с тем, что такие «высокие технологии» проникают не только в персональные компьютеры, но и в засекреченные данные стратегических объектов, аэропортов, нефтепроводов, космодромов, оборонных предприятий, военных баз, АЭС, что грозит техногенными катастрофами и огромным ущербом [2, с. 146].

Попадание персональных данных в руки мошенников и сторонних лиц возможно как через кибератаки, так и через утечку информации из-за слабой защиты хранилища данных. Так, в 2018 г. кибератаке подвергся израильский сервис MyNetitage, в числе прочего позволяющий по ДНК-тесту установить родственные связи. Таким образом, в руки злоумышленников попала информация о биологических данных более 92 млн человек [23]. Самыми громкими случаями утечек в России являются выставление на продажу в 2019 г. персональных данных клиентов, включая кредитную историю и данные документов, «Альфа-Банка» и Сбербанка. Из зарубежных примеров можно назвать ошибку в коде взаимодействия между онлайн-магазином Apple и сервером T-Mobile, повлекшую утечку финансовой информации [12].

По статистике Президента компании InfoWatch в 2018 г. в мире утекло 7,28 млрд записей. А за первое полугодие 2019 — уже 8,74 млрд [7]. И связано это, прежде всего, со слишком быстрым внедрением цифровых технологий.

Кроме этого, всё более серьезными становятся риски, связанные с порчей и утратой информации вследствие вирусных заражений коммуникационных каналов и баз данных [19]. В эпоху промышленного интернета вещей всё больше данных будет оказываться в сети, а значит, всё более уязвимым будет становиться промышленное производство: злоумышленники удаленно могут вносить изменения в коды, на основе которых машины общаются между собой, принимая решения без участия человека. Негативные последствия в таких случаях могут быть катастрофическими: от хищения данных,

потери интеллектуальной собственности, порчи репутации компании и коммерческих убытков до остановки производств, техногенных или экологических катастроф [14, с. 11].

Подводя итоги, можно сказать, что основной проблемой цифровизации на сегодняшний день является обеспечение безопасности личности, бизнеса, общества и государства в цифровую эпоху. Проблема безопасности в условиях развития информационных технологий имеет множество проявлений, выступающих в качестве угроз либо отдельным социальным институтам, либо защищаемым законом правам и интересам лиц. По мнению исследователей, решение проблемы возможно только через активную деятельность государства. Именно государство должно создавать определенные правила и регулировать рынок [18]. Обеспечение безопасности персональных данных в сети эксперты связывают с установлением жестких мер ответственности со

стороны государства за допущение потери данных [12]. Последовательная политика государства в этом направлении, в частности, введение юридических процедур, позволяющих пользователям в подобных случаях получать возмещение ущерба в заявительном порядке, могла бы повысить социальную ответственность бизнеса.

С точки зрения здравого смысла в разных сферах жизни применяется формула «если потенциальный риск от реализации некоей идеи выше, чем предполагаемая польза, то от идеи надо отказаться». В случае с цифровизацией можно сказать, что ожидаемая польза может существенно превысить неудобства переходного периода, но только в случае контроля над процессами цифровой трансформации общества. Зная риски, можно минимизировать негативные последствия, но нельзя пускать технологическое развитие на самотек: потенциальные угрозы слишком серьезны и многоплановы.

Литература

1. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 4(29). — С. 320–324, 359.
2. Бехер В.В., Зеленых Е.В. Цифровые технологии: угрозы и риски внедрения [Электронный ресурс] // Евразийское научное объединение. — 2019. — № 1–3(47). — С. 145–146. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36993290> (дата обращения: 15.03.2020).
3. В СК создан отдел по расследованию киберпреступлений [Электронный ресурс] // Tass.ru. — 03.03.2020. — URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7889859> (дата обращения: 15.03.2020).
4. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Pravovaya paradigma. — 2019. — № 18(4). — С. 27–34.
5. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 120–125.
6. Карцхия А.А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность // Правовая информатика. — 2017. — № 1. — С. 13–18.
7. Касперская Н. Утечки конфиденциальной информации: почему их все больше и как с ними бороться [Электронный ресурс] // Tass.ru. — 21.11.2019. — URL: <https://tass.ru/opinions/7164059> (дата обращения: 15.03.2020).
8. Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 125–133.
9. Мартынов Н.Р. Уголовно-правовая борьба с киберпреступлениями на современном этапе // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 1. — С. 175–177.
10. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (включает 6 федеральных проектов): утв. Протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019 г. № 9 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.
11. О системе управления реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903070015>.
12. Оганесян А. Болезнь цифрового мира: как защититься от утечек персональных данных [Электронный ресурс] // Forbes. — 23.05.2019. — URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Ftehnologii%2F376499-bolezn-cifrovogo-mira-kak-zashchititsya-ot-utechek-personalnyh-dannyh>.
13. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 // СПС КонсультантПлюс.
14. Пискунов А.И. Вызовы, угрозы и ожидания цифровизации для промышленных предприятий // Организатор производства. — 2019. — № 27(2). — С. 7–14.
15. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. — Серия: Юридические науки. — 2018. — № 22(1). — С. 91–109.
16. Попов Е.В., Семячков А.А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. — 2018. — № 14(4). — С. 1088–1101.

17. Ройзензон Г.В. Проблемы формализации понятия этики в искусственном интеллекте [Электронный ресурс] // Шестнадцатая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2018. Труды конференции: в 2 томах. — М.: Издательство: Федеральное государственное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» филиал «Российская книжная палата», 2018. — С. 245–252. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35568660> (дата обращения: 25.09.2019).
18. Самсонова А. Российский IoT не справляется с киберугрозами [Электронный ресурс] // COMNEWS: новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ. — URL: https://www.comnews.ru/content/204931/2020-03-10/2020-w11/rossiyskiy-iot-nespravlyaetsya-kiberugrozami?utm_source=telegram&utm_medium=general&utm_campaign=general (дата обращения: 31.03.2020).
19. Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д. Искусственный интеллект в аспекте ноосферы: почти фантастика? // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — 2017. — № 2. — С. 61–65.
20. Сулейманов М.Д. Цифровизация: угрозы или прорывная трансформация экономики? [Электронный ресурс] // Фонд науки и образования: официальный сайт. — URL: <http://фонд-науки.пф/menu/novosti-fonda/558-tsifrovizatsiya-ugroza-ili-proryvnyaya-transformatsiya-ekonomiki.html> (дата обращения: 15.03.2020).
21. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 5–17, 53.
22. Халин В.Г., Чернов Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. — 2018. — № 10. — С. 46–63.
23. Шестопал С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 1(30). — С. 398–403.
24. MyHeritage Statement About a Cybersecurity Incident. URL: <https://blog.myheritage.com/2018/06/myheritage-statement-about-a-cybersecurity-incident/>.
25. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A., Kupchina E.V. Implementation of the smart-contract construction in the legal system. *6th international conference on education, social sciences and humanities*. 2019, pp. 748–753.
26. The Global Risks Report 2018 13th Edition. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GRR18_Report.pdf (accessed 26 March 2020).

References

1. Baranov P.P., Mamychyev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. Human rights and freedoms in the digital age: problems and prospects of political and legal dynamics. *Baltic humanitarian journal*. 2019, no. 4(29), pp. 320–324, 359.
2. Beher V.V., Zelenykh E.V. Digital technologies: threats and risks of implementation. *Eurasian scientific association*. 2019, no. 1–3(47), pp. 145–146. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36993290> (accessed 15 March 2020).
3. In the UK created the Department for the investigation of cybercrime. *Tass.ru*. 3 March 2020. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7889859> (accessed 15 March 2020).
4. Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Legal problems of digitalization: theoretical and legal aspect. *Legal concept = legal paradigm*. 2019, no. 18(4), pp. 27–34.
5. Dremlyuga R.I., Dremlyuga O.A. Artificial intelligence — the subject of law: arguments for and against. *Legal policy and legal life*. 2019, no. 2, pp. 120–125.
6. Carchia A.A. the Digital revolution: new technologies and the new reality. *Legal Informatics*. 2017, no. 1, pp. 13–18.
7. Kaspersky N. Leaks of confidential information: why are there more and more of them and how to deal with them. *Tass.ru*. 21 November 2019. URL: <https://tass.ru/opinions/7164059> (accessed 15 March 2020).
8. Mamychyev A.Yu., Miroshnichenko O.I. Modelling the future of law: problems and contradictions of legal policy in the sphere of regulatory regulation of artificial intelligence systems and robotic technologies. *Legal policy and legal life*. 2019, no. 2, pp. 125–133.
9. Martianov N.R. Criminal and legal fight against cybercrime at the present stage. *State service and personnel*. 2020, no. 1, pp. 175–177.
10. The national programme “Digital economy of the Russian Federation” (includes 6 Federal projects): approved by the report of presidium of the government commission on digital development, use of information technologies for improvement of quality of life and conditions of conducting business activity from the 28th of May 2019 no. 9. *Official website of the Ministry of digital development, communications and mass communications of the Russian Federation*. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.
11. The control system implementation of the national programme “Digital economy of the Russian Federation”: Resolution of the Russian Federation Government from the 2nd of March 2019 no. 234. *Official web portal of legal information*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903070015>.
12. Oganesyan A. The disease of the digital world: how to protect yourself from personal data leaks. *Forbes*. 23 May 2019. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Ftehnologii%2F376499-bolezn-cifrovogo-mira-kak-zashchititsya-ot-utechek-personalnyh-dannyh>.
13. Passport of the national project “National program of the digital economy of the Russian Federation”: approved by the presidium of the Presidential Council for Strategy Development and National Projects, report no. 7 from the 4th of June 2019. *ConsultantPlus*.
14. Piskunov A.I. Challenges, threats and expectations of digitalization for industrial enterprises. *Organizer of production*. 2019, no. 27(2), pp. 7–14.
15. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law. *Vestnik RUDN*. Series: Legal Sciences. 2018, no. 22(1), pp. 91–109.
16. Popov E.V., Semyachkov A.A. Problems of economic security of digital society in the conditions of globalization. *Regional economy*. 2018, no. 14(4), pp. 1088–1101.
17. Roizenzon G.V. Problems of formalization of the concept of ethics in artificial intelligence. *Shestnadchataya nacional'naya konferenciya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodny'm uchastiem KII-2018. Trudy konferencii: v 2 tomah [Sixteenth national conference on artificial intelligence with international participation CII-2018. Proceedings of the conference: in 2 volumes]*. Moscow, publishing House: federal state unitary enterprise “Information Telegraph Agency of Russia (ITAR-TASS)” branch “the Russian book chamber”, 2018, pp. 245–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35568660> (accessed 25 September 2019).
18. Samsonova A. Russian IOT does not cope with cyber threats. *COMNEWS: news of digital transformation, telecommunications, broadcasting and IT*. URL: <https://www.comnews.ru/content/204931/2020-03-10/2020-w11/>

- rossiyskiy-iot-ne-spravlyaetsya-kiberugrozami?utm_source=telegram&utm_medium=general&utm_campaign=general (accessed 31 March 2020).
19. Sterledev R.K., Sterledeva T.D. Artificial intelligence in the aspect of the noosphere: almost fiction? *PNRPU Mechanics Bulletin. Culture. History. Philosophy. Right*. 2017, no. 2, pp. 61–65.
 20. Suleymanov M.D. Digitalization: threats or breakthrough transformation of the economy? *Foundation of science and education: official website*. URL: <http://фонд-науки.рф/menu/novosti-fonda/558-tsifrovizatsiya-ugroza-ili-proryvnaya-transformatsiya-ekonomiki.html> (accessed 15 March 2020).
 21. Talapina E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects. *Journal of Russian law*. 2018, no. 2, pp. 5–17, 53.
 22. Khalin V.G., Chernov G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Management consulting*. 2018, no. 10, pp. 46–63.
 23. Shestopal S.S., Mamychev A.Yu. Sovereignty in the global digital dimension: modern trends. *Baltic humanitarian journal*. 2020, no. 1(30), pp. 398–403.
 24. MyHeritage Statement About a Cybersecurity Incident. URL: <https://blog.myheritage.com/2018/06/myheritage-statement-about-a-cybersecurity-incident/>.
 25. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A., Kupchina E.V. Implementation of the smart-contract construction in the legal system. *6th international conference on education, social sciences and humanities*. 2019, pp. 748–753.
 26. The Global Risks Report 2018 13th Edition. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GRR18_Report.pdf (accessed 26 March 2020).

Проблема правового регулирования цифровой реальности как вызов общей теории права

УДК 340.01

Уханов Антон Дмитриевич

Ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; E-mail: vin-chun.95@list.ru.

Статья получена: 29.04.2020. Рассмотрена: 08.04.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. В статье анализируется проблема правового регулирования новых общественных отношений, возникающих в эпоху цифровизации, как вызов системе юридического знания. Обосновывается позиция, согласно которой социально-политические и правовые процессы, наблюдаемые на современном этапе, определяющим трендом которого является цифровизация, вынуждают исследователей не просто предложить привычные меры по урегулированию возникающих отношений, а качественно пересмотреть наиболее глубинные философско-и теоретико-правовые конвенции и допущения юриспруденции. В основной части работы выделяются потенциальные направления пересмотра.

Ключевые слова: цифровизация, правовое регулирование, искусственный интеллект, право, вызовы и угрозы, история правовой мысли, теоретико-методологические основания, правовая политика, понятийно-категориальный аппарат

Проблематика совершенствования правового регулирования в последние несколько лет является одной из ключевых тем для рассмотрения в юридической науке. При этом, конечно же, следует упомянуть, что умеренный и устойчивый интерес к ней наблюдался всегда, но всё же по ряду причин сейчас следует говорить о некотором тренде, явно не вписывающимся в обычные обсуждения уже каталогизированной проблематики (наряду с темами прецедента как источника права в российской правовой системе, соотношения права и морали, возможности построения правового государства и т.д.). Так, в настоящий момент в связи с особым запросом на подстраивание правовой системы к уникальным историческим условиям данная тенденция, безусловно, обретает полную очевидность и обращает на себя наиболее пристальное внимание.

Совершенно ясно, что новый виток развития цивилизации, наиболее емко описываемый терминами «промышленная революция», «цифровизация», «научно-технический прогресс» и т.д., ставит перед отдельными людьми, теми институционально-организованными сообществами, в которых они находятся,

THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL REALITY AS A CHALLENGE TO THE GENERAL THEORY OF LAW

Ukhanov Anton Dmitrievich

Assistant Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Institute of Law; E-mail: vin-chun.95@list.ru.

Manuscript received: 29.04.2020. Revised: 08.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The article analyzes the problem of legal regulation of new public relations arising in the era of digitalization as a challenge to the system of legal knowledge. You substantiate the position that the socio-political and legal processes observed at the present stage, the defining trend of which is digitalization, force researchers not just to take the usual measures to regulate emerging relations, but to qualitatively review the most profound philosophical and theoretical legal conventions and assumptions of jurisprudence. The main part of the work highlights potential areas for revision.

Keywords: digitalization, legal regulation, artificial intelligence, law, challenges and threats, history of legal thought, theoretical and methodological foundations, legal policy, conceptual and categorical apparatus

а также человечеством в целом массу проблем и вопросов. В связи с этим всё чаще в политико-правовых исследованиях делаются серьезные заявления (возрождающие в памяти сюжеты фантастических книг) о кардинальной трансформации и переформатировании различных моделей и режимов политического и правового взаимодействия [21], средством или даже новым субъектом (впрочем, статус этих явлений представляется одной из основных проблем) которого становятся технологии, программы, роботы, автономные алгоритмы и т.д. [22].

Таким образом, становится ясно, что особый интерес исследователей к проблематике правового регулирования возник не на пустом месте, а связан с вполне определенными процессами. Человеческая жизнедеятельность всё больше сращивается и опосредуется цифровой реальностью, что в свою очередь и порождает сферу относительно автономных, устойчивых общественных отношений, которые могут восприниматься в качестве потенциального профилирующего предмета правового регулирования. На данное обстоятельство указывала, например, Т.Я. Хабриева, утверждая, что «в российской науке заметен интерес к этой теме. Исследования нацелены на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере» [15].

Однако было бы крайне затруднительно в рамках одной статьи проанализировать всё многообразие рассматриваемых учеными «бесспорно важных и требующих решения проблем», привносимых в социально-политическую и правовую «ткань» современного общества происходящими процессами. Более того, мы полагаем, что проблема правового (а, точнее, позитивно-правового) регулирования цифровой реальности является в этом ряду лишь вершиной брошенного всему корпусу правового знания вызова. Но именно от нее необходимо отталкиваться, поскольку естественное стремление юристов урегулировать новые отношения привычным образом (по принципу «подобия») или же вовсе отказаться им в новизне и уникальности встречается с не-

преодолимыми в имеющихся системах координат трудностями.

Поэтому мы считаем, что преждевременно говорить как о рецептах урегулирования, так и, собственно, об этих изменениях в отрыве от качественного осмысления мировоззренческой и теоретико-методологической составляющих тех форм мышления и понятийно-категориального аппарата, с помощью которых собираются, обрабатываются и воспринимаются факты. Более того, на наш взгляд, ранее обозначенный вызов в первую очередь обращен к теоретико-методологической части юриспруденции. Характер этого вызова как создает угрозы, так и открывает окно возможностей для теоретической юриспруденции, вынуждая ее пересматривать свои базовые различия, допущения, установки и т.д.

При этом мы полагаем, что в силу ряда особенностей данный пересмотр окажет существенное влияние на отраслевую и прикладную юриспруденцию. Дело в том, что не первый раз в теоретической юриспруденции идут дискуссии о кардинальной смене «парадигмальных установок» и обновлении «познавательного инструментария». Например, от представителей неклассических и(или) постклассических подходов к пониманию права часто можно услышать призывы к фундаментальному пересмотру теоретико-методологических оснований юриспруденции. Последнее, как правило, аргументируется тем, что, во-первых, в философии и социо-гуманитарных науках в XX в. произошли значительные аксиоматические изменения, и, во-вторых, тем, что существующая система юридического знания не соответствует наличной реальности, «схватить» которую и поможет улучшенный теоретико-методологический инструментарий.

Видный представитель постклассической теории права И.Л. Честнов отмечает, что «лингвистический, практический и антропологический повороты не затронули юридическую науку, прежде всего отраслевую» [16]. Тогда как среди событий и процессов, показывающих несостоятельность существующего юридического знания, весьма часто указываются глобализация, конфликт прав человека и социо-

культурных аспектов права, трансформация роли государства и т.д.¹

Однако все эти процессы и тем более «аксиоматические сдвиги» за пределами узкого круга пост(не)классиков фактически не возымели никакого влияния не только на отраслевую, но и на теоретическую юриспруденцию. Поэтому то обстоятельство, что в обсуждении цифровизации участвуют как философы с теоретиками права, так и отраслевые специалисты и практики [2; 3; 7]² указывает на совершенно особый характер имеющейся ситуации. Повторимся, что вряд ли такое можно хотя бы представить в отношении обсуждения значения «лингвистического поворота» для юриспруденции.

Попытаемся проиллюстрировать это следующим образом. Так, А.Ю. Мамычев и П.П. Баранов в качестве проблемы регулирования «цифровых технологий, автономных алгоритмов, машин и роботов» выделяют антиномичный характер их природы. Ее суть состоит в том, что они создаются и используются людьми в качестве объектов, но в то же время «выступают новыми «субъектами истории», поскольку кардинально влияют на взаимодействия людей, являются посредниками и участниками цифровых отношений, на которых сегодня разворачиваются разнообразные процессы» [1].

Выделяемая антиномия, как представляется, не является чем-то характерным исключительно для перечисленных «объектов — субъектов». Мы думаем, что в данном случае исследователи весьма точно общую антиномию неклассической рациональности, суть которой сводится к отказу от субъектно-объектной дихотомии, применяют к сфере цифровизации. Именно проблема регулирования правовой реальности способна сделать очевидные для современной философии положения также очевидными и для юриспруденции. Более того, по этой же причине приемлемыми для познания

сложной системы взаимодействий человека, робота, автономного алгоритма, различных вещей, событий и т.д. методологическими программами объявляются неклассические философские, социологические и прочие подходы, в которых размывается четкая грань между субъектом и объектом. Примером может служить акторно-сетевая теория Бруно Латура.

Таким образом, именно цифровизация может стать той «дверью», через которую в юридическую науку войдут в качестве действительно эвристически полезных не только для теоретиков, но для отраслевиков (после обработки теоретиками) современные философские и социологические подходы.

Мы полагаем это возможным еще по одной причине — в силу «вызов ответного» характера развития юридического знания [6]³. Исторически юриспруденция как свод сложносоставного знания развивалась под влиянием тех или иных вызовов. В целом и истории мысли в качестве вызова могут рассматриваться как некоторые внешние события (например, дискриминация искусственным интеллектом определенных категорий населения, транспортная авария с участием беспилотного автомобиля, создание искусственным интеллектом произведений искусства и т.д.), так и некоторая идея, находящая выражение, например, в тексте (позиция одного правоведа, касаемо проблем правового регулирования правовой реальности, точка зрения другого ученого о возможности признания робота в качестве субъекта права и т.п.).

Частным случаем последнего варианта является ранее приводимая нами ситуация с реагированием юриспруденции на существенные изменения в философии. Однако, как мы попытались показать, такие чисто теоретические дискуссии вряд ли способны повлиять на всю юриспруденцию. Чаще всего значительные трансформации в юриспруденции происходят на стыке ситуации и ее теоретического осмысления.

Например, возникновение исторической школы права (к которой напрямую генетически восходят трактовки множества понятий и категорий (правоотношение, юридическое

¹ Можно заметить, что большая часть текстов представителей пост(не)классической юриспруденции была написана до начала активной проблематики юристами процессов цифровизации. Хотя это и сказано, скорее, в защиту данного теоретического направления, тем не менее нам важно подчеркнуть, что основной повод к пересмотру науки о праве его представители видят не столько в практике, сколько в философии.

² В целом примечательно, что в российской юриспруденции по данной проблематике крайне редко можно встретить публикацию, изданную ранее 2017 г.

³ В данном источнике можно увидеть методологические основания подхода, с позиции которого излагается фрагмент, посвященный интеллектуальной истории правовой науки.

лицо, способы толкования права и т.п.) известной нам общей теории права) стало результатом ответа на вызов, брошенный как теоретической юриспруденции, так и практической юридической деятельности процессами кодификации права в немецких землях, последовавших за принятием Гражданского кодекса Наполеона. Вместе с тем внутри юриспруденции этот вызов был представлен через статью А. Тибо, на которую Савиньи ответил собственной работой, от которой отсчитывают начало исторические школы права [12].

Современная, преимущественно позитивистская (господствующая по словам Р. Дворкина) теория права, представленная в первую очередь позитивизмом, органически связана с вызовами и общей исторической ситуацией XIX в., т.е. возрастанием могущества национальных государств, расширением их участия в частной жизни людей и организованных групп, завершением процесса кодификации и т.д. [18]. Что характерно, в процессе определенной селекции теоретиками правового позитивизма из исторической школы права был отобраны наиболее удобные фрагменты при полном отрицании положений исторического правопонимания.

В свою очередь реакцией на чрезмерную государственную претензию создавать и определять право, а также особенности позитивно-правового мышления юристов в начале XX в. становится социологическое направление в праве. Например, именно против позитивистской юриспруденции с характерными для нее допущениями направляет свой знаменитый труд Эрлих Ойген. В частности, он отмечает, что в позитивистской логике «решение вопроса факта представлено как подчинение установленных обстоятельств дела правовому предложению», что, в свою очередь, объясняется «юридической (позитивно-правовой — автор) манерой мышления» [19].

Приведенные иллюстрации выбраны нами не случайно, и их мы еще коснемся. Подводя итог по этой части, прежде чем перейти к направлениям пересмотра юридического знания отметим, что совершенный историко-идейный экскурс, помимо ранее сказанного, был также призван показать, насколько существу-

ющая теория права укоренена в определенных идейно-исторических контекстах. Поэтому, вероятно, текущая ситуация является подобным вызовом, который требует от юридической науки ответа. Более того, можно предположить, что ученые, занимающиеся проблематикой правового регулирования цифровой реальности, могут воспринимать свои действия, т.е. исследования, рекомендации для органов власти, проведение конференций и т.д., не только как чистое познание, но и как противодействие неумолимо протекающим процессам, т.е. как ответ на вызовы и угрозы цифровизации для права⁴.

Таким образом, расценивая в целом проблему совершенствования правового регулирования цифровой реальности как вызов для юридического знания, наконец обозначим более конкретно некоторые направления, по которым, как видится, возникает новое пространство для осуждения (мы коснемся только философско- и теоретико-правовых аспектов, поскольку по отраслевым и прикладным вызовам и так различными специалистами сказано довольно много).

Во-первых, как можно догадаться, нельзя обойти стороной наиболее фундаментальную проблему понимания права. Однако обратиться к ней хотелось бы, как может показаться, с несколько неожиданной стороны. Ранее уже были упомянуты случаи дискриминации искусственным интеллектом отдельных категорий населения. Это наблюдалось, например, при использовании искусственного интеллекта работодателями при приеме на работу [20], при расчете вероятности рецидива в амери-

⁴ Здесь важно сделать методологический комментарий. Мы полагаем, что по этому аспекту внутри юриспруденции можно выделить две модели, выкристаллизовавшиеся в истории правовой мысли. Первую условно можно назвать шмиттианская (от К. Шмитта), а вторую — кельзенианская (от Г. Кельзена), поскольку именно у этих авторов они представлены в наиболее чистом виде. Шмиттианская позиция состоит в том, что правовой науке в лице правоведов надлежит реагировать на вызовы времени наиболее непосредственно, путем формулирования направлений и конкретных требований для проводимой государством правовой политики. Тогда как кельзенианская модель предполагает максимальное отдаление науки от решения вопросов правовой политики (в духе «как сделать лучше») и концентрации лишь на описании явлений, входящих в предмет правоведения.

канских судах [23] и других случаях. Нам представляется, что именно проблема дискриминации, наблюдаемая в указанных случаях, наиболее очевидно (и радикально) ставит вопрос о сущности права и универсальности права, а также его месте в культуре.

В настоящий момент право понимается как явление, сущностно связанное с некоторым набором естественных прав, равенством и особой моделью рациональности. Например, в этой логике весьма часто воспроизводимым находится «эмансипаторский аргумент», суть которого сводится к тому, что роботы со временем получают весь объем прав так же, как его когда-то получили рабы, третье сословие, чернокожие, женщины и т.д. Это случится, поскольку «вся история права указывает на то, что каждое последующее расширение прав на новую общность прежде кажется немислимым. Мы склонны верить в то, что чье-либо бесправие является естественным положением вещей, а не юридической конвенцией, действующей в поддержку определенного статуса-кво» [24].

Однако именно претензию на универсальность такого понимания права и ставят под сомнение факты дискриминации, которые вскрывают фундаментальные черты права как культурного явления. Важно отметить, что культура — это не область гомогенизации, сливания и уравнивания, а, напротив, пространство различия, что с необходимостью требует его признания, поскольку сама культура как явление начинается с момента различия искусственного и естественного. Например, культуролог Р. Жирар отмечает, что «культурный порядок — не что иное, как упорядоченная система различий; именно присутствие дифференциальных интервалов позволяет индивидам обрести собственную «идентичность» и расположиться относительно друг друга» [4].

Как ни странно, в этом контексте наблюдаемые примеры дискриминации, подобно знакомству европейцев в ходе колониальной политики во второй половине XIX в. с новыми «культурно-правовыми мирами», могут актуализировать социокультурное направление теоретической юриспруденции, для которого ха-

рактерна плюрализация (или даже релятивизация) права⁵. Это связано с тем, что робот в этом смысле есть нечто вроде «чистого листа», на котором в ходе машинного обучения запечатлеются самые неочевидные аспекты тех или иных правовых практик. То обстоятельство, что искусственный интеллект несет на себе неизгладимый отпечаток материала (а следовательно, социокультурной среды), на котором он обучен, вряд ли можно подвергать сомнению. Например, обученный на российской судебной практике ИИ склонен выносить оправдательные приговоры столь же редко, как обычный судья [14].

⁵ Конечно, вряд ли современные так называемые цивилизованные страны (к числу которых, безусловно, относится и существующая Российская Федерация) могут на официальном уровне обсуждать факты дискриминации не в отрицательном контексте. Напомним, что ч. 2 ст. 19 действующей Конституции РФ запрещает дискриминацию и гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и т.п. Это касается не только законодательства России. Так, Европейская этическая хартия использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной деятельности указывает недискриминацию в качестве одного и важнейших принципов выстраивания правовой политики в сфере искусственного интеллекта. Эти обстоятельства, разумеется, сводят к минимуму заинтересованность как государственных, так и международных органов в подобного рода исследованиях.

Однако, мы считаем, что в более широком политическом спектре размышления на эту тему могут быть интересны представителям самых разных политических движений, которые классически можно разделить на левые и правые. Для первых факт дискриминации со стороны роботов, наученных на примерах деятельности людей, в очередной раз подтвердит неравенство, эксплуататорский характер существующего общества, скрытый ширмой лозунгов о равных возможностях и гарантиях, естественных правах и т.д., что станет дополнительным аргументом в пользу преобразований и необходимости продолжения борьбы за всеобщее равенство. Тогда как для вторых данное обстоятельство, скорее, напротив, докажет представления о естественном порядке, иерархии и неравенстве, над которыми оказался не властен эмансипаторский проект, в практическом плане берущий свое начало во Французской революции.

Впрочем, если отвлечься от подобного уровня допущений, в академическом пространстве, правда, в ином контексте, высказывались мысли относительно роли социокультурного измерения в цифровизации. Так, при «формировании правовой концепции и разработке этических стандартов» регулирования создания и использования роботизированных технологий и искусственного интеллекта предлагается, помимо учета требований, предъявляемых универсальными принципами и моделями регулирования, а также спецификой формально-юридического языка, принимать во внимание социокультурную составляющую.

Всё это вписывается в противостояние друг другу разных типов правопонимания и поднимает ряд старых проблем вроде наличия единого понятия права, что достижимо в позитивизме, но невозможно в социологической юриспруденции (к которой примыкает социокультурный подход к праву). Однако в еще более широком философско-правовом контексте может идти речь о праве как «оплоте человечности». Дело в том, что универсалистское понимание права не столько подчеркивает уникальность человеческого существа, сколько размыкает и постоянно расширяет «человечность» (humanity), тогда как социологическое, напротив, может выступать в качестве философско-правовой модели, внутри которой «человечность» сохраняется через приобщенность существа к определенной системе различий и месту в ней (что, впрочем, теоретически не исключает и признания правосубъектности роботов в таких локальных сообществах).

Конечно, особую опасность представляет ситуация, когда робот начинает дискриминировать человека не за какие-то отдельные качества, а за его человеческий статус. Но тут мы, скорее, покидаем культурный уровень и переходим на антропологический (если он есть как нечто отличное от сугубо биологической составляющей человека). Такое в полной мере возможно лишь с еще не созданным «сильным» искусственным интеллектом⁶, для которого в то же время понятие «человек» может означать что-то совершенно особое. Иначе говоря, теории права, прежде чем продумывать теоретические и практические меры защиты от потенциала «сильного» искусственного интеллекта, следует решить проблемы, которые уже сейчас ставятся практикой использования «слабого» искусственного интеллекта.

Таким образом, уже на этом этапе мы сталкиваемся с большим количеством вызовов, на

⁶ Нам кажется, что здесь следует ввести и прояснить разницу между «слабым» и «сильным» искусственным интеллектом. Под «слабым» искусственным интеллектом понимается алгоритм, способный, обобщая массив полученной информации, делать выводы применительно к ранее неизвестным ему примерам. Тогда как под «сильным» искусственным интеллектом подразумевается интеллект, обладающий сознанием. Такой вариант искусственного интеллекта до сих пор не создан.

которые теория права может попытаться отреагировать. При этом в рамках разных теоретико-методологических схем и концептуализаций имеющиеся факты могут восприниматься по-разному, выстраиваясь в общее пространство того или иного правового учения.

Во-вторых, огромные затруднения вызывает представление о статусе и социальной функции права. Иными словами, на данном уровне необходимо выяснить, является ли право сугубо инструментальным явлением или же оно имеет субстанциональный характер. Эта философско-правовая проблема, безусловно, зависит от типа правопонимания, а на прикладном уровне она наиболее тесным образом коррелирует с представлением о возможностях правовой политики в сфере нормативно-правового регулирования цифровой реальности. Можно сказать, что тот или иной образ правовой политики основан именно на тех допущениях, о которых сейчас пойдет речь.

Споры о предмете и содержании правового регулирования цифровой реальности ставят важный вопрос о роли права в целом. Здесь наиболее отчетливо прослеживаются две тенденции — догоняющего (оформляющего, подстраивающегося) и опережающего (превентивного) развития, каждая из которых основана на особом представлении о социальной функции права.

Например, А.Ю. Мордовцев, указывая на «оформляющий» (догоняющий, подстраивающийся) характер правового регулирования, отмечает, что «в правовой сфере не может быть применен принцип «опережающего развития» (некий принципиальный «правовой контур» создается как юридическая модель до появления соответствующих ей общественных отношений), в противном случае в юридической науке следует признать возможность построения предметной области «юридической футурологии» [10]. Соответственно, в этом контексте задача права состоит в юридизации (через огосударствление) самостоятельно складывающихся общественных отношений, связанных с обращением и использованием роботов, цифровых алгоритмов, технологий дополненной реальности, искусственного интеллекта

и т.д. То есть право лишь поддерживает, защищает и закрепляет наиболее полезные с точки зрения государства отношения.

Вместе с тем представляется, что «юридическая футурология» как направление или раздел юриспруденции, а также необходимое для его возникновения признание возможности «опережающего развития» не только не является делом будущего, но, напротив, отсылает нас к прошлому. Дилемма между «оформляющим» и «опережающим» правовыми развитиями проистекает в современном виде из XIX в. (собственно, отсюда она в силу нерешенности и была унаследована) в связи с теми событиями, которые уже были обозначены (кодификации, рост и расширение государственного участия в жизни, бюрократизация, трансформация и ломка привычных форм организации социума и т.д.).

Логику опережающего развития очень четко иллюстрирует следующее высказывание В.Г. Мальцева: «Право никогда не бывает лишь инструментом в руках государства, оно по сути должно нести некий «высший план» общественного развития, предначертанный правопорядок, по отношению к которому государство и его управление, в свою очередь, выступают в инструментальной роли, т.е. являются средством его достижения, постоянно корректируемыми по юридическим схемам» [8]. Тут как раз и идет речь о том самом «юридическом контуре» (А.Ю. Мордовцев), который, являясь «предначертанным правопорядком», накладывается на существующие, зарождающиеся и потенциальные общественные отношения с целью трансформировать их и придать им в перспективе соответствующий заявленному моделью будущего вид. Таким образом, в этом случае идет речь о социальном конструировании посредством права.

Однако нам бы хотелось отметить, что оба этих подхода инструментальны. Данное утверждение можно попытаться обосновать тем, что в первом случае право воспринимается в качестве инструмента отбора и фиксации наиболее полезных, устойчивых, распространенных, выгодных отношений в сфере применения роботизированных технологий, виртуальных пространств, автономных алгоритмов и т.д.

Тогда как во втором случае право является инструментом достижения определенного состояния всё в той же сфере.

Таким образом, на наш взгляд, имеющая место ситуация и запрос на правовое регулирование цифровых и роботизированных систем отлично иллюстрируют, что право в современной теории права понимается скорее инструментально, что в целом не удивительно. Однако вновь оговоримся, если потенциальной задачей урегулирования является фундаментальная защита человека, то для этой цели выглядит более пригодным субстанциональное понимание права, что выводит нас не только за рамки XIX в. (повторимся — откуда и растут противоречия между догоняющим и опережающим характерами права), но и за границы Нового времени, отсылая к античной и средневековой политико-правовой мысли.

В-третьих, речь может идти о комплексе теоретико-правовых проблем, касающихся принципов права и понятийно-категориального аппарата правовой теории. Именно в эту группу среди прочего как понятийные проблемы следует поместить наиболее часто обсуждаемые вопросы юридической ответственности роботов и трансформацию категории «субъекта права» (включая возможность признания робота субъектом права). Бесспорно, последнее может обсуждаться на философско-правовом уровне (достаточно вспомнить выделяемую учеными антиномичную природу цифровых технологий, которые могут обладать свойствами как объекта, так и в особом смысле субъекта), однако не будем углубляться в обсуждения, в которых и так много сказано, но лишь подчеркнем связь категории «субъект права» с иными понятиями юриспруденции.

Трансформация субъекта права с необходимостью влечет пересмотр теории правовых отношений, а поскольку последние теснейшим образом связаны с представлениями о правовых нормах, то и учение о них нуждается в качественном дополнении. Таким образом, и здесь возникает целый комплекс теоретико-правовых проблем, которые требуют своего решения.

По какому пути пойдет юриспруденция, пытаясь урегулировать цифровую реальность, —

невозможно предугадать, поскольку, как мы убедились ранее, для нее характерна контингентность в развитии. Тем не менее можно предположить, что именно в наше время живут и трудятся теоретики, которые зададут вектор

ее изменения, а их имена и подходы войдут в учебники по истории правовой мысли. Но останется ли в этом мире субъект, который сохранит чувствительность к истории? Этот вопрос мы оставим открытым.

Литература

1. Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский журнал гуманитарных исследований. — 2020. — № 1. — С. 357–361.
2. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 31–34.
3. Ефимова О.В., Балдина С.А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2019. — № 3. — С. 45–47.
4. Жирар Р. Насилие и священное. — М., 2010.
5. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции. — М.: Государство: право и политика, 2013. — С. 359–410.
6. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. — М., 1980.
7. Лебедев В.А. Пределы цифровизации трудовых прав // Бухучет в здравоохранении. — 2019. — № 11. — С. 58–65.
8. Мальцев В.Г. Социальные основания права. — М., 2007.
9. Мамычев А.Ю., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (на примере автономных необитаемых подводных аппаратов) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2018. № 10(3). — С. 135–150.
10. Мордовцев А.Ю. Социальная природа права и робототехника: особенности предмета правового регулирования // Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: коллективная монография. — М.: РИОР, 2020. — С. 11–15.
11. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. — М., 2006.
12. Савиньи Ф.К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Система современного римского права. — Т. 1. — М., 2011.
13. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. — М., 2018. — С. 53–122.
14. Скугаревский Д., Титаев К. Спасут ли роботы-судьи российскую судебную систему [Электронный ресурс]. Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/19/819082-spasut-roboti-sudi>.
15. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.
16. Честнов И.Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. — 2016. — № 2. — С. 7–15.
17. Шмитт К. Гарант конституции. — М.: Государство: право и политика, 2013. — С. 28–220.
18. Шмитт К. О трех видах юридического мышления. — М.: Государство: право и политика, 2013.
19. Эрлих О. Основы социологии права. — СПб., 2011.
20. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias. There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. *ProPublica*. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>.
21. Civilizational modeling of political and legal development of the society in the XXI century. A. Mamychev, A. Okorokov, T. Bepalova et al. *Revista Amazonia Investiga*. 2018, no. 7(15), pp. 49–57.
22. Doctrinal-legal and ethical problems of developing and applying robotic technologies and artificial intelligence systems (using autonomous unmanned underwater vehicles). P. Baranov, A. Mamychev, A. Mordovtsev et al. *Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв*. 2018, no. 2, pp. 465–472.
23. Rise of the racist robots – how AI is learning all our worst impulses. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/aug/08/rise-of-the-racist-robots-how-ai-is-learning-all-our-worst-impulses>.
24. Stone C.D. Should Trees Have Standing: Towards Legal Rights for Natural Objects. *Los Altos, CA: William Kaufmann*. 1974, 102 p.

References

1. Baranov P.P., Mamychev A.Yu. Digital transformation of law and political relations: main trends and guidelines. *Baltic journal of Humanities research*. 2020, no. 1, pp. 357–361.
2. Gladysheva O.V. Digitalization of criminal proceedings and problems of ensuring the rights of its participants. *Legal Bulletin of the Kuban state University*. 2019, no. 1, pp. 31–34.
3. Efimova O.V., Baldina S.A. Digital rights as a new object of civil law. *The works of scientists of the Russian Academy of advocacy and notaries*. 2019, no. 3, pp. 45–47.
4. Girard R. *Violence and the sacred*. Moscow, 2010. 400 p.
5. Kelsen G. *Who should be the guarantor of the Constitution?* Moscow: State: law and politics, 2013. Pp. 359–410.
6. Collingwood P. *The idea of a story. Autobiography*. Moscow, 1980. 486 p.
7. Lebedev V.A. Limits of digitalization of labor rights. *Accounting in healthcare*. 2019, no. 11, pp. 58–65.
8. Maltsev V.G. *Social foundations of law*. Moscow, 2007. 800 p.
9. Mamychev A.Yu., Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Modern doctrinal-legal and ethical problems of development and application of robotic technologies and artificial intelligence systems (on the example of Autonomous uninhabited underwater vehicles). *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok state University of Economics and Service*. 2018, no. 10(3), pp. 135–150.
10. Mordovtsev A.Yu. Social nature of law and robotics: features of the subject of legal regulation. *Robots declare their rights: doctrinal and legal bases and moral and ethical standards for the application of Autonomous robotic technologies and devices: collective monograph*. Moscow, 2020, pp. 11–15.

11. Russell S., Norvig P. *Artificial intelligence: a modern approach*. Moscow, 2006. 1410 p.
12. Savigny F.K. von. On the calling of our time to legislation and jurisprudence. *System of modern Roman law*. Vol. 1. Moscow, 2011. 343 p.
13. Skinner K. Meaning and understanding in the history of ideas. *Cambridge school: theory and practice of intellectual history*. Moscow, 2018, pp. 53–122.
14. Skugarevsky D., Titaev K. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/19/819082-spasut-roboti-sudi>.
15. Khabrieva T.Ya. Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian law*. 2018, no. 9, pp. 5–16.
16. Chestnov I.L. Scientific novelty of post-classical jurisprudence. *Russian journal of legal research*. 2016, no. 2, pp. 7–15.
17. Schmitt K. *The guarantor of the Constitution*. Moscow: State: law and politics, 2013. Pp. 28–220.
18. Schmitt K. *On three types of legal thinking*. Moscow: State: law and politics, 2013. 448 p.
19. Ehrlich O. *Fundamentals of the sociology of law*. St. Petersburg, 2011. 704 p.
20. Angwin J., Larson J., Mattu S. Kirchner L. Machine Bias. There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. *ProPublica*. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>.
21. Civilizational modeling of political and legal development of the society in the XXI century. A. Mamychev, A. Okorokov, T. Bespalova et al. *Revista Amazonia Investiga*. 2018, no. 7(15), pp. 49–57.
22. Doctrinal-legal and ethical problems of developing and applying robotic technologies and artificial intelligence systems (using autonomous unmanned underwater vehicles). P. Baranov, A. Mamychev, A. Mordovtsev et al. *Bulletin of the National Academy of Management Personnel of Culture and Arts*. 2018, no. 2, pp. 465–472.
23. Rise of the racist robots – how AI is learning all our worst impulses. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/aug/08/rise-of-the-racist-robots-how-ai-is-learning-all-our-worst-impulses>.
24. Stone C.D. Should Trees Have Standing: Towards Legal Rights for Natural Objects. *Los Altos, CA: William Kaufmann*. 1974, 102 p.

Искусственный интеллект: новые вызовы и перспективы

УДК 34(340)

Матюк Юлия Сергеевна

аспирант, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; E-mail: 5080mm@mail.ru.

Научный руководитель:

Мамычев Алексей Юрьевич

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет политологии.

Статья получена: 27.04.2020. Рассмотрена: 12.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В статье анализируются риски и новые возможности, возникающие перед человеком и современным обществом в свете развития в условиях четвертой промышленной революции искусственного интеллекта и робототехники. Стремительное развитие ИИ свидетельствует об отсутствии единых подходов к оценке рисков и перспектив, связанных с использованием ИИ. С помощью анализа PESTEL в статье рассматриваются ключевые сферы взаимодействия ИИ и человека, новые вызовы и перспективы, открывающиеся перед человечеством в эпоху новых технологий. **Ключевые слова:** искусственный интеллект, человек-машинный симбиоз, машинное обучение, робототехника, сокращение рабочих мест

Искусственный интеллект (ИИ) быстро становится частью нашей повседневной жизни, предлагая бесчисленные выгоды для общества, происходит трансформация общественных отношений под воздействием развития технологий ИИ. Это ставит перед обществом и государством ряд важнейших вопросов в области регулирования данного феномена. Быстрое развитие ИИ позволяет сделать вывод об отсутствии единых подходов к оценке рисков, связанных с использованием ИИ. Рассмотрим ИИ с точки зрения потенциальных угроз при его использовании с помощью анализа PESTEL. PESTEL-анализ — это инструмент, предназначенный для выявления политических (political), экономических (economic), социальных (social), технологических (technological), экологических (environmental) и юридических (legal) аспектов внешней среды, которые влияют на исследуемый объект. Понимание потенциального будущего ИИ позволит правительствам, корпораци-

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS

Matyuk Yulia Sergeevna

Postgraduate student, Assistant of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok Institute of Economics and Service, Institute of Law;
E-mail: 5080mm@mail.ru.

Scientific supervisor:

Mamychev Alexey Yurievich

Doctor of Political Science, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Research Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science.
Manuscript received: 27.04.2020. Revised: 12.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The article analyzes the risks and new opportunities that arise before man and modern society in the light of the development of artificial intelligence and robotics in the conditions of the fourth industrial revolution. The rapid development of AI indicates the absence of uniform approaches to assessing the risks and prospects associated with the use of AI. Using PESTEL analysis, the article examines the key areas of interaction between AI and humans, new challenges and prospects that open to humanity in the era of new technologies.

Keywords: artificial intelligence, human-machine symbiosis, machine learning, robotics, work displacement

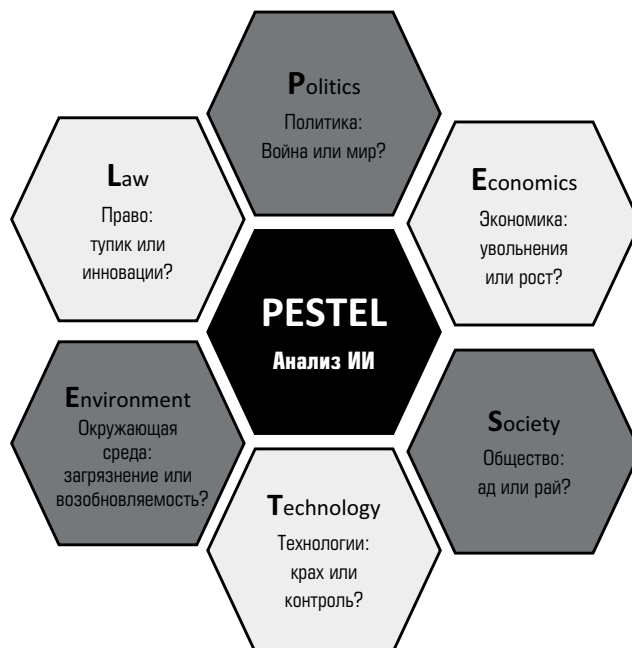
ям и обществу в целом комплексно оценить риски и быть готовыми к новым вызовам.

Русский писатель Александр Солженицын однажды сказал, что «линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека». То же самое можно сказать и об искусственном интеллекте. Учитывая актуальность этого явления, неясно, как добро и зло проявят себя в мире ИИ. Проиллюстрируем шесть ключевых проблем ИИ, используя метод PESTEL [3]. На рисунке эта структура применяется к ИИ.

1. Политика: война или мир?

Существует множество способов использования ИИ и робототехники в военных целях [16, с. 341–358]. Это касается не только военных роботов и автономных дронов, но и экзоскелетов, которые увеличивают силу и выносливость солдат-людей. Основные правовые и нравственно-этические проблемы возникают при передаче автономной интеллектуальной системе вооружений правомочия принимать критические решения, в особенности если основной целью такой системы является причинение вреда [10, с. 12]. И речь здесь не только о несовершенстве ИИ, но и о возможности манипулирования устройствами с помощью взлома, помимо того, что они могут сами отклониться от правильного пути из-за возможных проблем алгоритма и т.п. Возможно использовать и более тонкие методы и повлиять на процесс голосования, как показали примеры Cambridge Analytica и Facebook на президентских выборах 2016 г. в США. Британская компания Cambridge Analytica, созданная в 2013 г., собрала личные данные 50 млн пользователей Facebook, затем она смоделировала поведение десятков миллионов американцев для того, чтобы показывать им релевантную политическую рекламу, тем самым, как считается, повлияв на результаты выборов.

Однако эти примеры не должны создавать ложное впечатление, что ИИ несет исключительно вред. Ведь можно использовать военного робота, например, для нанесения минного поля на карту или исследовать неизвестное здание, а не полагаться на людей-военных, которые в процессе могут и погибнуть. Помимо того, что

PESTEL-анализ искусственного интеллекта

ИИ может использоваться как инструмент влияния, на него также можно положиться, чтобы помочь людям принимать лучший вариант решения. Давно известно, что люди не идеальны в принятии решений [12, с. 263–291; 13, с. 453–458]. Уже существуют такие инструменты, как RoboVote [24], чтобы помочь людям сделать выбор, например определить лучшую партию для голосования с учетом их предпочтений. Стоит также упомянуть системы предиктивной аналитики, использующиеся в сфере правоприменения, судопроизводства и правоохранительной деятельности. (Palantir, COMPAS, Harm Assessment Risk Tool, ePOOLICE и др.). Еще один интересный факт на тему аутсорсинга принятия решений: недавний опрос, проведенный Центром управления изменениями (Center for the Governance of Change) в IE University в Испании, показал, что 25% европейцев предпочли бы, чтобы политические решения принимались ИИ, а не политиками [7, с. 6].

2. Экономика: увольнения или рост?

Кажется, что в какой-то момент любое обсуждение ИИ приходит к проблеме сокращения рабочих мест и вопросу о том, нужны ли еще работники-люди, если машины могут делать всё.

Основной аргумент прозвучал почти столетие назад, когда в 1930 г. Джон Кейнс представил концепцию технологической безработицы [14]. В своем знаменитом исследовании «Будущее занятости» Фрей и Осборн [8, с. 254–280] отметили, что 47% всех рабочих мест в США могут быть автоматизированы в течение предстоящих 10–20 лет. Зогнер считает, что ожидаемые изменения трудового статуса, такие как потеря работы, понижение в должности или необходимость сменить профессию, обычно объясняются высоким риском компьютеризации соответствующих видов деятельности. Интересно, что к предпринимательству, индивидуальному либо связанному с использованием наемных работников, чаще переходят лица, чьи специальности сохраняют «устойчивость» к роботизации. Так, подъем предпринимательской активности обусловлен скорее не сокращением рабочих мест в связи с автоматизацией, а новыми возможностями, появляющимися в цифровую эпоху [23, с. 37–48].

В то время как некоторые исследователи утверждают, что технологические изменения всегда разрушали одни рабочие места и создавали другие взамен, есть мнение, что достаточно продвинутая система ИИ может справляться с задачами эффективнее людей и с меньшими финансовыми затратами [5, с. 51–70]. В таком случае почему кто-то всё еще хочет нанимать людей, если машина справится лучше? Когда автомобили стали более распространены, лошади, которые в то время были основным видом транспорта, практически исчезли с наших улиц. Возможно, кого-то пугает подобная перспектива и для человека.

Однако такой негативный прогноз маловероятен. Среднестатистический сотрудник выполняет десятки, если не сотни различных задач в день, и лишь немногие из них могут быть фактически выполнены машинами. Учитывая высокую стоимость покупки системы искусственного интеллекта, а также ее настройки и обслуживания, маловероятно, что предприятия заменят людей машинами, если эти машины смогут выполнять только часть своей работы. Другие виды занятости, в том числе те, которые связаны с выполнением межличностных и эмпатических задач, вероятно, станут еще более важными в будущем [11, с. 43–65]. Все-

мирный экономический форум 2018 предсказал, что в течение следующих 5 лет посредством ИИ будет создано более 50 млн новых рабочих мест [26]. Вполне вероятно, что будущее автоматизации заключается в улучшении работы, а не в замене человека [18, с. 84–109], когда системы искусственного интеллекта берут на себя рутинные и однообразные задачи, которые люди предпочитают не выполнять в первую очередь, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

3. Общество: ад или рай?

Две проблемы, которые создают напряжение в обществе сегодня, — это рост неравенства и одиночества. ИИ, скорее всего, окажет влияние на обе. Хотя технологические изменения, которые будут инициированы ИИ, могут не привести к исчезновению рабочих мест, они, скорее всего, отделят производительность предприятия от производительности труда. Следовательно, увеличение производительности, вызванное ИИ, может не принести одинаковой выгоды всем, что приведет к росту неравенства. Было показано, что норма прибыли на капитал, как правило, выше, чем темпы экономического роста [21], и ИИ, вероятно, еще больше увеличит этот разрыв. Согласно прогнозам Всемирного экономического форума этот рост неравенства является самой большой социальной проблемой робототехнической революции.

Кроме того, ИИ может привести к усилению изолированности человека, если, например, медсестры заменяются роботами по уходу как следствие нехватки рабочей силы в больницах, учреждениях социального обслуживания или домах престарелых. Но посмотрим на ситуацию с другой стороны. Во всё более стареющем обществе проблема одиноких граждан, особенно пожилых, будет становиться всё более острой. Социализация роботов является неизбежным процессом, соответствующим не только технологической динамике «обыскуствления» всех человеческих функций (труд, память, зрение и т.д.), но и культурным механизмам обучения и передачи опыта [1, с. 173]. Роботы, такие как Pepper, полугуманоидный робот, производимый Softbank Robotics, уже оснащены ИИ, который

позволяет им обнаруживать эмоции и реагировать соответствующим образом. Хотя они и не идеальны, они могут оказаться очень полезными для людей, которые иначе были бы ограничены в социальных контактах. В области медицины ИИ также может помочь в прогнозировании серьезных рисков для здоровья, таких как рак кожи и инсульты. Тогда возникает вопрос: если система искусственного интеллекта может с полной уверенностью определить, какое заболевание вы получите в следующем десятилетии и какое заболевание может вас убить, хотели бы вы знать? Или лучше пребывать в неведении?

4. Технологии: крах или контроль?

В мире, в котором ИИ будет контролировать всё больше сфер деятельности, как люди могут гарантировать, что они всё еще держат руку на пульсе? Сценарий со «злым роботом», конечно, экстремальный, но есть много других вариантов развития событий, когда ИИ может выйти из-под контроля.

Во-первых, система ИИ может просто неправильно интерпретировать запрос пользователя, воспринимать его слишком буквально или не понять контекста. В качестве примера можно вспомнить виртуального собеседника Тау, который предназначен для ведения дружеских бесед языком 19-летней девушки. Но машина не смогла распознать императивы «дружеский» и «разумный», установленные разработчиками, поэтому виртуальный собеседник подавал расистские, сексистские и просто оскорбительные реплики [15]. Или, если когда-нибудь появится система ИИ, которую можно было бы попросить спасти мир или принести мир во всем мире, вполне эффективным может оказаться искоренение людей. Каким бы умным ни казался ИИ, его всё равно можно сделать глупым, если интерпретировать нечеткие человеческие требования.

Во-вторых, системы ИИ могут быть предвзятыми изначально. Работа ИИ — это интерпретация внешних данных и их изучение [20]. Если внешние данные, используемые для обучения ИИ, необъективны (например, потому что они были получены с использованием предвзятой эвристики), то такая предвзятость будет перене-

сена или даже усилена в системе ИИ [19, с. 555–556]. Например, было установлено, что система COMPAS для прогнозирования риска повторного совершения правонарушения предсказывает более высокие значения риска для чернокожих обвиняемых (и более низкие для белых), чем оказывается в действительности [4] (расовая предвзятость). В другом случае было установлено, что рекламный инструмент Google для целевой рекламы позволяет показывать значительно меньше объявлений о высокооплачиваемых работах для женщин, чем для мужчин [6, с. 92–112] (гендерная предвзятость). Тем не менее само выявление предвзятости было признано дискриминацией даже при условии привлечения для этого экспертов высокого уровня и средств правовой защиты [17, с. 4656–4674].

В-третьих, как только системы ИИ будут становиться всё более производительными и, следовательно, более сложными, людям будет всё труднее их понимать. Искусственные нейронные сети и глубокое обучение — лишь некоторые из наиболее распространенных инструментов машинного обучения, используемых в ИИ, — по своей сути являются черным ящиком [15]. Это, в принципе, открывает возможность для ИИ перехитрить человека. Люди смогли управлять планетой не потому, что самые быстрые или сильные, а потому, что самые умные. Если мы больше не самые умные, как мы можем обеспечить контроль?

5. Окружающая среда: загрязнение или возобновляемость ресурсов?

Каждое серьезное изменение в экономике оказывает значительное воздействие на окружающую среду. Сельскохозяйственная революция, которая помогла людям бороться с голодом, привела к исчезновению целых лесов, чтобы освободить место для сельского хозяйства, и выбросу огромных количеств углекислого газа (например, от разведения крупного рогатого скота). Промышленная революция привела к зависимости от ископаемого топлива и связанному с этим изменению климата. К сожалению, ИИ не освобожден от этой закономерности. Серверы, которые выполняют вычисления в облаке или хранят большие данные, требуют огромно-

го количества энергии для охлаждения. И как только они устаревают, они генерируют электронные отходы, переработка которых влияет на здоровье человека и наносит еще больший вред окружающей среде.

Тем не менее вполне возможно, что выгоды от использования ИИ перевесят эти затраты. Человечество сталкивается с серьезными проблемами, среди которых наиболее заметно изменение климата, которое, кажется, трудно решить, используя имеющиеся подходы. ИИ в этом контексте может изменить ситуацию [25, с. 1–6]. Используя свою систему глубокого обучения ИИ, Google удалось сократить расходы на охлаждение своих центров обработки данных на 40% — производительность, которую было бы трудно достичь при использовании более традиционных подходов. В Норвегии ИИ помог создать гибкую энергетическую сеть, которая объединяет больше возобновляемых источников энергии, чем раньше [22, с. 62–77]. Сегодня предприятия должны обращать внимание и на экологическую составляющую своего бизнеса, а не только сосредоточить свое внимание на максимизации прибыли. Всё больше и больше фирм получают сертификаты В-корпорации, а для этого нужно учитывать не только интересы акционеров, но и интересы сотрудников и общества в целом, а также окружающей среды. Вероятно, ИИ может быть союзником в сбережении природы и борьбе с изменением климата в результате человеческой деятельности.

6. Право: тупик или инновации?

Легко заметить, что ИИ и внешние данные неразрывно связаны. Это сулит как минимум две глобальные юридические проблемы. Первая — это вопрос конфиденциальности. Питер Флейшер, консультант по защите персональных данных корпорации Alphabet Inc., отметил, что новой проблемой, связанной с развитием методов машинного обучения, является возможность машин находить способы деанонимизации данных [9]. Алгоритм ИИ обучается на больших массивах данных, которые могут включать деперсонифицированную информацию о людях (пол, возраст, заболевания, рабочий стаж

и т.д.). Проблема состоит в том, что ИИ способен при совместном анализе двух и более анонимизированных баз деанонимизировать данные этих баз. Иными словами, алгоритм ИИ может при совместном анализе двух деанонимизированных баз установить конкретного человека. Помимо этого различные приложения и программы всевозможных гаджетов могут собирать информацию о владельце (разговоры, местоположение, поисковые запросы и т.д.). Законодатель может оказаться в сложном положении относительно защиты персональных данных; слишком слабое регулирование может неизбежно привести к нарушению гражданских прав [2], в то время как чрезмерное может побудить фирмы перевести свои инвестиции в ИИ в другую юрисдикцию.

Вторая проблема — это ответственность. Причинение вреда жизни или здоровью в процессе эксплуатации систем ИИ не является редкостью. В настоящее время дискуссии об ответственности за деликты, основанные ранее на сугубо теоретических примерах, основываются на фактах. Так, в 2018 г. самоуправляемый автомобиль Uber сбил насмерть женщину в США. Автопилот не знал, что пешеходы могут нарушать правила дорожного движения. Интересно, что в ходе испытаний самоуправляемых автомобилей Uber с сентября 2016 по март 2018 г. беспилотники компании попали в 37 аварий. Кто должен нести ответственность, если система ИИ принимает решение, которое приносит вред? Разработчик основного алгоритма? Производитель программного обеспечения? Владелец базы данных, которая предоставила внешние данные для обучения системы или клиент, который купил и использовал систему? В деле причинения вреда беспилотной машиной Uber стороны заключили мировое соглашение. Однако очевидно, что развитие машинного обучения делает эту проблему одной из наиболее неотложных, требующей юридического разьяснения. Так, например, предлагается рассматривать систему искусственного интеллекта как животное и привлекать владельца или собственника к ответственности за любой причиненный вред. В качестве альтернативы системы ИИ могут получить свои собственные права.

Например, такой подход некоторые юрисдикции уже использовали в отношении природных явлений. Новая Зеландия в 2017 г. признала статус реки Уангануи в качестве юридического лица. Также нельзя не упомянуть, что в 2017 г. роботу Софии было предоставлено гражданство в Саудовской Аравии и резидентство умному боту Shibuya Mirai в Токио (Япония).

Сегодня ИИ стал частью нашей повседневной жизни, нашего мира. Мира, в котором роботы могут выйти из-под контроля, мы все скоро останемся без работы, потому что ИИ может делать всё лучше и быстрее, чем мы, и неравен-

ство достигнет новых уровней. Но в то же время мира, в котором ИИ поможет нам бороться с изоляцией, сотрудникам больше не придется заниматься рутинными задачами, и у нас может быть есть шанс найти решение проблем, которые мы не можем решить сегодня. Поэтому взгляд на ИИ исключительно как на угрозу одноклассника и не соответствует реалиям нашей жизни. ИИ прежде всего открывает для людей новые возможности и перспективы, что, разумеется, не отменяет благоразумности и предусмотрительности человека в отношении этого достижения науки и технологий.

Литература

1. Галкин Д.В. Основания социальной робототехники в контексте социально-гуманитарных исследований [Электронный ресурс] // Вестник ОмГУ. — 2014. — №2(72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sotsialnoy-robototekhniki-v-kontekste-sotsialno-gumani-tarnyh-issledovaniy> (дата обращения: 15.03.2020).
2. Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения. Обзор сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. / А.И. Овчинников, О.В. Ахрамеева, С.А. Воронцов и др. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2019. — № 2. — С. 111–122.
3. Aguilar F.J. Scanning the business environment. *Macmillan*. New York. 1967.
4. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine bias. *ProPublica*. 2016. May 23.
5. Atack J., Margo R., Rhode P. “Automation” of manufacturing in the late nineteenth century: The hand and machine labor study. *The Journal of Economic Perspectives*. 2019, no. 33(2), pp. 51–70. DOI: 10.1257/jep.33.2.51.
6. Datta A., Tschantz M.C., Datta A. Automated experiments on ad privacy settings. *Privacy Enhancing Technologies*. 2015, no. 1, pp. 92–112.
7. European Tech Insights 2019. *Center for the Governance of Change*. 2019. URL: <https://docs.ie.edu/cgc/European-Tech-Insights-2019.pdf>.
8. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*. 2017, no. 114, pp. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
9. Gardner S. Artificial Intelligence Poses Data Privacy Challenges. *Bloomberg Law Privacy and Data Security*. 2016. URL: <https://www.bna.com/artificial-intelligence-poses-n57982079158/>.
10. Geiss R. The International-Law Dimension of Autonomous Weapons Systems. *International Dialogue department of the Friedrich-Ebert-Stiftung*. 28 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/11673.pdf>.
11. Huang M.-H., Rust R.T., Maksimovic V. The feeling economy: Managing in the next generation of AI. *California Management Review*. 2019, no. 61(4), pp. 43–65. DOI: 10.1177/0008125619863436.
12. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. 1979, no. 47(2), pp. 263–291.
13. Kahneman D., Tversky A. The framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 1981, no. 211(4481), pp. 453–458.
14. Keynes J.M. Economic Possibilities for Our Grandchildren. In: *Essays in Persuasion*. *Palgrave Macmillan*. London. 1930.
15. Kissinger H. Henry Kissinger argues that A.I. could mean the end of human history. *The Atlantic*. 2018. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/?utm_source=twitter&utm_medium=social&utm_campaign=share.
16. Leveringhaus A. What’s so bad about killer robots? *Journal of Applied Philosophy*. 2018, no. 35(2), pp. 341–358. DOI: 10.1111/japp.12200.
17. Manzi G., Forster M. Biases in bias elicitation. *Communications in Statistics – Theory and Methods*. 2019, no. 48(18), pp. 4656–4674.
18. Metcalf L., Askay D., Rosenberg L. Keeping humans in the loop: Pooling knowledge through artificial swarm intelligence to improve business decision making. *California Management Review*. 2019, no. 61(4), pp. 84–109. DOI: 10.1177/0008125619862256.
19. Morstatter F., Pfeffer J., Liu H. When is it biased? Assessing the representativeness of twitter’s streaming API. In *WWW (companion volume)*. 2014, pp. 555–556.
20. Ntoutsis E., Fafalios P., Gadiraju, U. et al. Bias in data driven artificial intelligence systems — An introductory survey. *WIREs Data Mining Knowl Discov*. 2020, no. e1356. URL: <https://doi.org/10.1002/widm.1356>.
21. Piketty T. Capital in the twenty-first century. *Harvard University Press*. Cambridge, MA. 2014.
22. Porter M. Creating shared value. *Harvard Business Review*. 2011, no. 89(1/2), pp. 62–77.
23. Sorgner A. The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities? *Foresight and STI Governance*. 2017, no. 11(3), pp. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48.
24. Spice B. *RoboVote helps groups make decisions using AI-driven methods*. URL: <https://www.seas.harvard.edu/news/2016/11/robovote-helps-groups-make-decisions-using-ai-driven-methods>.
25. VoPham T., Hart J.E., Laden F., Chiang Y.-Y. Emerging trends in geospatial artificial intelligence (geoAI): Potential applications for environmental epidemiology. *Environmental Health*. 2018, no. 17(40), pp. 1–6.
26. World Economic Forum. Machines will do more tasks than humans by 2025 but robot revolution will still create 58 million net new jobs in next five years. 2018. URL: <https://www.weforum.org/press/2018/09/machines-will-do-more-tasks-than-humans-by-2025-but-robot-revolution-will-still-create-58-million-net-new-jobs-in-next-five-years/>.

References

- Galkin D.V. Foundations of social robotics in the context of social and humanitarian research. *Bulletin of Omsk State University*. 2014, no. 2(72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sotsialnoy-robototekhniki-v-kontekste-sotsialno-gumanitarnykh-issledovaniy> (accessed 15 March 2020).
- Digital security of the individual, society and state in the context globalization: legal mechanisms of ensuring. Review of the session in the framework of SPIEF 2019. A.I. Ovchinnikov, O.V. Akhrameeva, S.A. Vorontsov et al. *Bulletin of the faculty of law of the southern Federal University*. 2019, no. 2, pp. 111–122.
- Aguilar F.J. Scanning the business environment. *Macmillan*. New York. 1967.
- Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine bias. *ProPublica*. 2016. May 23.
- Atack J., Margo R., Rhode P. “Automation” of manufacturing in the late nineteenth century: The hand and machine labor study. *The Journal of Economic Perspectives*. 2019, no. 33(2), pp. 51–70. DOI: 10.1257/jep.33.2.51.
- Datta A., Tschantz M.C., Datta A. Automated experiments on ad privacy settings. *Privacy Enhancing Technologies*. 2015, no. 1, pp. 92–112.
- European Tech Insights 2019. *Center for the Governance of Change*. 2019. URL: <https://docs.ie.edu/cgc/European-Tech-Insights-2019.pdf>.
- Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*. 2017, no. 114, pp. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
- Gardner S. Artificial Intelligence Poses Data Privacy Challenges. *Bloomberg Law Privacy and Data Security*. 2016. URL: <https://www.bna.com/artificial-intelligence-poses-n57982079158/>.
- Geiss R. The International-Law Dimension of Autonomous Weapons Systems. *International Dialogue department of the Friedrich-Ebert-Stiftung*. 28 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/11673.pdf>.
- Huang M.-H., Rust R.T., Maksimovic V. The feeling economy: Managing in the next generation of AI. *California Management Review*. 2019, no. 61(4), pp. 43–65. DOI: 10.1177/0008125619863436.
- Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. 1979, no. 47(2), pp. 263–291.
- Kahneman D., Tversky A. The framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 1981, no. 211(4481), pp. 453–458.
- Keynes J.M. Economic Possibilities for Our Grandchildren. In: *Essays in Persuasion*. *Palgrave Macmillan*. London. 1930.
- Kissinger H. Henry Kissinger argues that A.I. could mean the end of human history. *The Atlantic*. 2018. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/?utm_source=twitter&utm_medium=social&utm_campaign=share.
- Leveringhaus A. What’s so bad about killer robots? *Journal of Applied Philosophy*. 2018, no. 35(2), pp. 341–358. DOI: 10.1111/japp.12200.
- Manzi G., Forster M. Biases in bias elicitation. *Communications in Statistics – Theory and Methods*. 2019, no. 48(18), pp. 4656–4674.
- Metcalf L., Askay D., Rosenberg L. Keeping humans in the loop: Pooling knowledge through artificial swarm intelligence to improve business decision making. *California Management Review*. 2019, no. 61(4), pp. 84–109. DOI: 10.1177/0008125619862256.
- Morstatter F., Pfeffer J., Liu H. When is it biased? Assessing the representativeness of twitter’s streaming API. In *WWW (companion volume)*. 2014, pp. 555–556.
- Ntoutsis E., Fafalios P., Gadiraju, U. et al. Bias in data driven artificial intelligence systems — An introductory survey. *WIREs Data Mining Knowl Discov*. 2020, no. e1356. URL: <https://doi.org/10.1002/widm.1356>.
- Piketty T. Capital in the twenty-first century. *Harvard University Press*. Cambridge, MA. 2014.
- Porter M. Creating shared value. *Harvard Business Review*. 2011, no. 89(1/2), pp. 62–77.
- Sorgner A. The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities? *Foresight and STI Governance*. 2017, no. 11(3), pp. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48.
- Spice B. *RoboVote helps groups make decisions using AI-driven methods*. URL: <https://www.seas.harvard.edu/news/2016/11/robovote-helps-groups-make-decisions-using-ai-driven-methods>.
- VoPham T., Hart J.E., Laden F., Chiang Y.-Y. Emerging trends in geospatial artificial intelligence (geoAI): Potential applications for environmental epidemiology. *Environmental Health*. 2018, no. 17(40), pp. 1–6.
- World Economic Forum. Machines will do more tasks than humans by 2025 but robot revolution will still create 58 million net new jobs in next five years. 2018. URL: <https://www.weforum.org/press/2018/09/machines-will-do-more-tasks-than-humans-by-2025-but-robot-revolution-will-still-create-58-million-net-new-jobs-in-next-five-years/>.

Онлайн-судопроизводство в Российской Федерации

УДК 347.93

Русакова Екатерина Петровна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский институт дружбы народов, Юридический институт; E-mail: rusakova-ep@rudn.ru.

Зайцев Виктор Васильевич

Студент, Российский институт дружбы народов, Юридический институт; E-mail: vickt.zayczev2012@yandex.ru.

Статья получена: 08.05.2020. Рассмотрена: 18.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. В данной статье рассматриваются тенденции внедрения процедуры онлайн-разрешения споров в судопроизводство России, что в настоящее время представляет наибольший интерес. Анализируется существующая нормативно-правовая база, которая оказывает значительное влияние на процесс создания необходимых условий для онлайн-разрешения споров. Подчеркивается исключительное значение деятельности Верховного Суда Российской Федерации в развитии онлайн-процедур. Сформулированы четкие требования, на которых должна базироваться платформа для онлайн-разрешения споров. Выдвигается вывод о том, что в России существует необходимый фундамент для развития онлайн-разрешения споров.

Ключевые слова: онлайн-разрешение споров, судопроизводство, видеоконференцсвязь, платформа, «мой арбитр», Винтео, NetCase

В ситуациях, требующих больших изменений, необходимо осуществлять новые формы взаимодействия общества и государства. Пандемия коронавируса подтолкнула к реализации множества задач во многих сферах развития государства. Одной из задач в Российской Федерации является национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [12], которая заключается в создании нормативно-правовой базы, позволяющей многие сферы общественной жизни перевести на цифровую основу, в том числе в создании специального механизма для разрешения споров, т.е. разработки онлайн-процедуры разрешения споров [1].

Несомненно, государство должно находиться в постоянном движении, институты государственной власти и гражданского общества не могут прекращать свою работу ни при

ONLINE LEGAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION Rusakova Ekaterina Petrovna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Procedure Law, Private International Law, Russian Institute of Peoples' Friendship, Law Institute; E-mail: rusakova-ep@rudn.ru.

Zaytsev Viktor Vasilyevich

Student, Russian Institute of Peoples' Friendship, Law Institute; E-mail: vickt.zayczev2012@yandex.ru.

Manuscript received: 08.05.2020. Revised: 18.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 "National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century".

Abstract. This article examines the trends in the introduction of online dispute resolution procedures in Russian legal proceedings, which is currently of the greatest interest. The author analyzes the existing legal framework, which has a significant impact on the process of creating the necessary conditions for online dispute resolution. The exceptional importance of the Supreme Court of the Russian Federation in the development of online procedures is emphasized. There are clear requirements on which the platform for online dispute resolution should be based. It is concluded that Russia has the necessary Foundation for the development of online dispute resolution.

Keywords: online dispute resolution, legal proceedings, videoconferencing, platform, "my arbitrator", Vinteo, NetCase

каких условиях [23]. Ситуация с пандемией коронавируса заставляет работать все институты власти таким образом, чтобы они отвечали всем законодательным требованиям, а также политике правового государства. В связи с этим предлагается рассмотреть, каким образом справляется с данной задачей судебная система в Российской Федерации, каково дальнейшее развитие онлайн-разрешения споров в России при таких условиях и как повлияет пандемия на развитие онлайн-разрешения споров.

21 апреля 2020 г. Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) провел первое онлайн-заседание [3]. Всего в этот день ВС РФ было проведено 6 онлайн-заседаний. Отмечается, что некоторые из них сопровождались организационными трудностями, которые успешно были разрешены. Однако следует отметить, что зачатки проведения онлайн-разрешения споров были зафиксированы в 2000 г. 19 апреля 2000 г. было проведено первое слушание в режиме удаленного присутствия осужденных. С этого момента началось формирование использования видео-конференц-связи и непосредственно онлайн-разрешения споров.

Важным моментом является формирование четкого и правильного понятийного аппарата. Онлайн-разрешение споров (ODR — Online Dispute Resolution) представляет собой исключительно определенную систему, направленную на урегулирование спора или совокупность множества систем, которые способствуют успешному разрешению спора [16; 17; 18; 19; 20; 25]. Важная задача — определить, что представляет собой видеоконференцсвязь и веб-конференция. Принято, что веб-конференция — это онлайн-мероприятие в реальном времени, которое сопровождается демонстрацией контента, например презентаций. Суть веб-конференции заключается в том, что главной задачей является передача информации одним человеком, обратную связь для слушателей представляет чат. Видеоконференцсвязь представляет собой непосредственно общение, обсуждение между несколькими людьми, т.е. как выступающими, так и слушателями. Однако привычное нам понимание расходится с толкованием данных понятий, которые дает ВС РФ. ВС РФ определяет следующее:

- видеоконференцсвязь — это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном времени, с учетом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи;
- веб-конференция — технология и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет, а это негарантированные каналы связи [2].

Отличие между двумя формами заключается в гарантированности передачи данных. Гарантированный канал характеризуется фиксированной скоростью передачи данных в заявленную единицу времени, соответственно, негарантированный канал связи не характеризуется фиксированной скоростью, но может предоставить большую потенциальную максимальную скорость. Так, различия заключаются только в техническом характере и не влияют никак на правовую сторону видеоконференцсвязи или веб-конференции. Следовательно, существенной разницы ВС РФ не проводит. В данной статье использование двух понятий будет являться равнозначным.

Считается, что проведение видеоконференцсвязи на данный момент не представляет существенного труда, особенно в ВС РФ. Однако стоит учитывать, что необходимо масштабное применение технологий, а для этого следует провести интеграционные и коммуникационные мероприятия, а также согласование всех процессуальных процедур. Необходимо обратиться к зарубежному опыту внедрения инновационных технологий в судопроизводство, например: Китай, который создал три интернет-суда, где все производство переведено на цифровой формат, причем их эффективность доказана и подтверждена статистическими данными [21].

Известно, что ВС РФ использует многоточечную веб-конференцию Винтео. Следует признать, что организация видеоконференцсвязи не требует больших затрат, необходима лишь четкая исполнительность, которая приведет к тому, что во всей судебной системе может быть реализована видеоконференцсвязь.

Выше было указано, что понимается под онлайн-разрешением споров. Преимуществом онлайн-разрешения споров является свободная коммуникация между пользователями, которая, вероятнее всего, положительно отразится на непредвзятости выносимых решений [16]. Онлайн-процедура делает доступной возможность обратиться сторонам к записи судебного заседания в случае возникновения спора, а также представляет большую ценность для формирования единообразной судебной практики.

Также ряд авторов отмечают, что коммуникация способна снизить уровень правонарушений, связанных с покушением на раскрытие личных данных. Суть заключается в том, что потенциальному правонарушителю придется задуматься об этом, так как при наступлении правовых последствий его данные могут стать доступными другим пользователям. Считается, что онлайн-разрешение споров эффективно для решения незначительных споров, в частности онлайн-арбитраж в интернет-среде. Но задачей данной статьи является рассмотреть онлайн-разрешение споров в государственных судах и дальнейшее развитие в судебной системе [6].

В Российской Федерации готовится база для нормативно-правового регулирования онлайн-разрешения споров. Необходимо проанализировать законопроект, подготовленный Минюстом России [8]. В частности, предлагается создание платформы онлайн-урегулирования споров, которая подразумевает под собой определенный сайт и программу, обеспечивающую досудебное урегулирование споров. Важные функции отводятся оператору платформы онлайн-урегулирования споров, который обязан фиксировать требования потребителя и момент их направления; хранить в неизменном виде информацию о дате подачи требования потребителя, о дате рассмотрения требования потребителя и о содержании сообщений, которыми обмениваются стороны [15]. Предусмотрена обязанность оператора предоставлять информацию, указанную выше, по требованию стороны, а также обеспечивать защиту сведений, составляющих коммерческую, служебную, иную охраняемую тайну, и персональных данные потребителей.

Для онлайн-разрешения споров законопроект предусматривает необходимость исполнителя присоединиться к какой-либо из функционирующих в Российской Федерации платформ онлайн-урегулирования споров или создать такую платформу и являться ее оператором. До потребителя должна быть доведена информация о возможности онлайн-разрешения спора. Законопроект предусматривает наличие договора между сторонами с указанием на использование платформы онлайн-урегулирования споров. Также законопроект устанавливает общие правила проведения процедур разрешения споров с использованием платформы онлайн-урегулирования споров.

Следует отметить, что данный законопроект направлен именно на урегулирование спора в потребительских отношениях, а также заключается в досудебном разрешении спора [26]. Тем не менее анализ этого законопроекта был необходим для того, чтобы показать возможность дальнейшего развития онлайн-разрешения споров в России, а также наличие некоторой базы для онлайн-разрешения споров.

Более важным представляется онлайн-разрешение споров в государственных судах. Онлайн-разрешение споров предполагает разбирательство, проводимое с использованием технологий удаленной коммуникации между участниками процесса [11]. Онлайн-разрешение споров заключается в ведении переписки между участниками процесса по электронной почте, подачи процессуальных бумаг и доказательств в электронной форме, организации совещания и допросов свидетелей, проведении слушаний целиком с применением видеоконференции, протоколировании слушаний с использованием специальной системы, которая позволит участникам процесса видеть стенограмму в реальном времени.

Для осуществления онлайн разбирательства необходима специальная платформа, которая позволит участникам процесса обмениваться информацией. Это намного упростит ведение процесса, который станет более доступным для участников процесса. Выше было отмечено, что ВС РФ использует программу Винтео. Платформа не будет исключать возможности

обычной формы передачи информации и ведения процесса. Платформа для онлайн-разрешения спора должна обладать следующими преимуществами: платформа должна гарантировать безопасность; каждый документ и каждое сообщение, передаваемое между браузером пользователя и платформой, должно шифроваться для того, чтобы исключить возможность их прочтения в ходе передачи. Также плюсами платформы будет являться мгновенность доступа, передача сообщений в рамках защищенной платформы с ограниченными правами в отличие от передачи сообщения по электронной почте.

Платформа должна уметь организовывать материалы дела, т.е. все документы должны быть выделены под конкретное дело, дабы упростить их поиск участниками процесса. Необходимо предусмотреть наличие проверки документов на вирусы. Пользователям будет присваиваться имя и предоставляться пароль с целью обеспечения конфиденциальности каждого рассматриваемого дела. Документы, как и сообщения, должны находиться в определенной последовательности, которую будет обеспечивать система.

Данные требования должны быть обязательно соблюдены при выборе или создании платформы для онлайн-разрешения споров. В качестве опыта предлагается использовать платформу Международного арбитражного суда при ICC NetCase, которая прошла определенную проверку временем и имеет устоявшуюся практику.

Стоит отметить, что в России существует нормативно-правовая база для электронной подачи документов, что значительно облегчает процесс создания платформы для онлайн-разрешения споров. Для арбитражных судов и судов общей юрисдикции предусмотрен порядок, который регламентируется приказами Судебного департамента [9; 10], для ВС РФ предусмотрен отдельный порядок [13]. На примере арбитражных судов рассмотрим, какие перспективы имеет электронная подача документов для создания и развития системы онлайн-разрешения споров.

Пользователь подает документы через специальную информационную систему «Мой ар-

битр», предусмотрены специальные требования к электронным образцам документов и электронным документам. При подаче документов пользователь вводит необходимую информацию и отправляет пакет документов, после документы поступают работнику аппарата суда, который осуществляет проверку на соответствие всех требований и уведомляет о принятии или не принятии документов пользователя. Следовательно, существует определенная информационная система — «Мой арбитр», однако она действует индивидуально в отношении определенного пользователя, что отличает ее от системы онлайн-разрешения споров. Платформа для онлайн-разрешения споров, как уже ранее было отмечено, будет охватывать и информировать всех участников процесса с момента инициирования разбирательства.

Появление онлайн-разрешения споров значительно упростит ведение процесса и станет наиболее доступным для участников правоотношений. Бесспорно, онлайн-разрешение споров ускоряет разрешение дел, более того, необходимо освободить суды от чрезмерной нагрузки дел. Для этого необходимо выявить перечень дел, которые в обязательном порядке должны рассматривать в онлайн-разбирательстве, за исключением особых случаев. Такие дела должны являться несложными, часто повторяющимися в практике судов, данный перечень необходимо определить самостоятельно судам, проанализировав практику разрешения дел. На данный момент такими делами могут стать: имущественные споры, возникающие в сфере защиты прав потребителей, при цене иска, не превышающей 100 тыс. руб.; споры, субъектами, которых выступает Федеральная налоговая служба, Пенсионный фонд Российской Федерации и предприятия ЖКХ, сумма иска которых не превышает 50 тыс. руб.; дела о разводах и иные. Это объясняется тем, что зачастую судебная система работает вхолостую по таким делам. Суды по гражданским делам удовлетворяют 95,9% исков, по делам о разводах — 99,8% исков [5]. То есть, учитывая, что онлайн-разрешение споров только ускоряет разрешение спора, следует ряд определенных дел рассматривать в формате онлайн-разбирательства [24].

Важным вопросом является создание или выбор из существующих систем платформы для онлайн-разрешения споров. Такая платформа должна отвечать тем критериям, которые были представлены выше. В первую очередь необходимо ее внедрять на ранних этапах судебного разбирательства. Если использовать какую-либо платформу из существующих (Винтео, Zoom, Microsoft Teams), можно минимизировать бюджетные затраты, но важно соблюдать определенные критерии. Реализа-

ция данной идеи в условиях пандемии хороший шаг в развитии онлайн-разрешения споров. Таким образом, онлайн-разрешение споров имеет ряд преимуществ, а также является востребованным в определенных ситуациях. В судебной системе России, безусловно, существуют успешные зачатки онлайн-разрешения споров. На данный момент важной задачей является осуществление следующих шагов, которые были обозначены в данной статье, для формирования онлайн-разрешения споров.

Литература

1. Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 1(30). — С. 357–361.
2. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vsrff.ru/files/28862/>.
3. Виртуальный процесс: Верховный суд провел первое онлайн-заседание [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravo.ru/story/220874/>.
4. Засемкова О.Ф. Международное частное право в XXI веке: современные вызовы и перспективы развития // Lex Russica. — 2019. — № 11(157). — С. 30–35.
5. Как разгрузить российские суды // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/14/733703-razgruzit-sudi>.
6. Лисицын-Светланов И.А. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. — 2015. — С. 25–31.
7. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. — 2019. — № 2(147). — С. 107–119.
8. О внесении изменений в закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров: Проект федерального закона / СПС КонсультантПлюс.
9. Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа») / СПС КонсультантПлюс.
10. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 05.11.2019) / СПС КонсультантПлюс.
11. Панов А.А. Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 2: сб. ст. / Под. ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходькина. — М., 2014. — С. 111–153.
12. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) / СПС КонсультантПлюс.
13. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П) / СПС КонсультантПлюс.
14. Приженникова А.Н., Коляда Г.Ю. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. — 2020. — № 2. — С. 240–249.
15. Русакова Е.П. Новеллы процессуального законодательства о медиации в РФ // Социально-политические науки. — 2018. — № 2. — С. 253–255.
16. Braun F.E. Online Dispute Resolution: Answer to Consumer Complaints about E-commerce Transactions in both a National and a European Context. *Journal of Economics & Management*. 2012, no. 9, pp. 88–96.
17. Breaux P.W. Online Dispute Resolution: A Modern Alternative Dispute Resolution Approach. *Computer & Internet Lawyer*. 2015, no. 5, pp. 1–4.
18. Kaufmann-Kohler G., Schultz T. *Online Dispute Resolution: Challenges for Contemporary Justice*. P. 5.
19. Lodder A. The Third Party and Beyond: An Analysis of the Different Parties, in Particular the Fifth, Involved in Online Dispute Resolution. *Information and Communications Technology Law*. No. 15(2), pp. 143, 144
20. Petrauskas F., Kybartien E. Online Dispute Resolution in Consumer Disputes. *Jurisprudence*. 2011, no. 3, pp. 921–941.
21. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law. *Advances in intelligent systems and computing*. 2020, pp. 665–673.
22. Rusakova E.P., Frolova E.E., Zankovsky S.S., Kupchina E.V. Problems of implementation of leadership in dispute resolution of the BRICS countries (on the examples of the Russian Federation, China, India). 2019. *6th International Conference on Education, Social Science and Humanities*. Pp. 754–759.
23. Russia in global economy and international relations: economic aspect of social and economic history of the 2nd half of the 19th century. M.N. Dudin, E.E. Frolova, M.N. Kuznetsov et al. *International Journal of Economic Research*. No. 13(9), pp. 3803–3813.

24. Studying concepts of the breakthrough economic reforms in selected developed and developing countries and regions of the world: economic and legal aspect. E.E. Frolova, S.S. Zankovsky, M.N. Dudin et al. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. Vol 9, no. 4(34), pp. 123–124.
25. Stylianou P. Online Dispute Resolution: The Case for a Treaty between the United States and the European Union in Resolving Cross-border Consumer Disputes. *Syracuse Journal of International Law and Commerce*. 2008, no. 1, pp. 117–143.
26. The implementation of conciliation procedures in the civil process: the experience of Russia and Brazil. E.P. Rusakova, E.E. Frolova, M.I. Kleandrov et al. *5TH International conference on advances in education and social sciences*. Ocerint, 2019, pp. 278–284.

References

1. Baranov P.P., Mamychev A.Yu. Digital transformation of law and political relations: main trends and guidelines. *Baltic Humanitarian Journal*. 2020, vol. 9, no. 1(30), pp. 357–361.
2. Virtual process: The Supreme Court held its first online meeting. URL: <https://pravo.ru/story/220874/>.
3. Web-conference in the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28862/>.
4. Zasedkova O.F. Private international law in the XXI century: modern challenges and development prospects. *Lex Russica*. 2019, no. 11(157), pp. 30–35.
5. Lisitsyn-Svetlanov I.A. Social and human sciences. *Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Review Journal*. 2015, pp. 25–31.
6. How to unload the Russian courts. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/14/733703-razgruzit-sudi>.
7. Majorina M.V. Digital platforms and private international law, or is there a future for cyber law? *Lex Russica*. 2019, no. 2(147), pp. 107–119.
8. On amendments to the law of the Russian Federation “On consumer protection” and the Federal law “On alternative dispute resolution procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)” in terms of creating a legal framework for the development of alternative online dispute resolution mechanisms: Draft Federal law. *ConsultantPlus*.
9. On approval of the Procedure for submitting documents to the arbitration courts of the Russian Federation in electronic form, including in the form of an electronic document: Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated December 28, 2016. No. 252 (amended on February 20, 2018) (together with the “Procedure filing documents in electronic form to the arbitration courts of the Russian Federation, including in the form of an electronic document”). *ConsultantPlus*.
10. On approval of the procedure for submitting documents to the Federal Courts of general jurisdiction in electronic form, including in the form of an electronic document: Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016. No. 251 (amended on November 5, 2019). *ConsultantPlus*.
11. Panov A.A. Online arbitration: problems, solutions, prospects. *New horizons of international arbitration*, vol. 2: Sat Art. Ed. by A.V. Asoskov, A.I. Muranov, R.M. Khodykin. Moscow, 2014. Pp. 111–153.
12. Passport of the national project “National program “Digital economy of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for strategic development and national projects, Protocol no. 7 dated 4 June 2019). *ConsultantPlus*.
13. The procedure for submitting documents to the Supreme Court of the Russian Federation in electronic form, including in the form of an electronic document (approved by order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016. No. 46-P). *ConsultantPlus*.
14. Prizhennikova A.N., Kolyada G.Yu. Digitalization of justice: theoretical and practical aspects. *Education and Law*. 2020, no. 2, pp. 240–249.
15. Rusakova E.P. Novels of the procedural legislation on mediation in the Russian Federation. *Socio-political sciences*. 2018, no. 2, pp. 253–255.
16. Braun F.E. Online Dispute Resolution: Answer to Consumer Complaints about E-commerce Transactions in both a National and a European Context. *Journal of Economics & Management*. 2012, no. 9, pp. 88–96.
17. Breaux P.W. Online Dispute Resolution: A Modern Alternative Dispute Resolution Approach. *Computer & Internet Lawyer*. 2015, no. 5, pp. 1–4.
18. Kaufmann-Kohler G., Schultz T. *Online Dispute Resolution: Challenges for Contemporary Justice*. P. 5.
19. Lodder A. The Third Party and Beyond: An Analysis of the Different Parties, in Particular the Fifth, Involved in Online Dispute Resolution. *Information and Communications Technology Law*. No. 15(2), pp. 143, 144.
20. Petrauskas F., Kybartien E. Online Dispute Resolution in Consumer Disputes. *Jurisprudence*. 2011, no. 3, pp. 921–941.
21. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law. *Advances in intelligent systems and computing*. 2020, pp. 665–673.
22. Rusakova E.P., Frolova E.E., Zankovsky S.S., Kupchina E.V. Problems of implementation of leadership in dispute resolution of the BRICS countries (on the examples of the Russian Federation, China, India). 2019. *6th International Conference on Education, Social Science and Humanities*. Pp. 754–759.
23. Russia in global economy and international relations: economic aspect of social and economic history of the 2nd half of the 19th century. M.N. Dudin, E.E. Frolova, M.N. Kuznetsov et al. *International Journal of Economic Research*. No. 13(9), pp. 3803–3813.
24. Studying concepts of the breakthrough economic reforms in selected developed and developing countries and regions of the world: economic and legal aspect. E.E. Frolova, S.S. Zankovsky, M.N. Dudin et al. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. Vol 9, no. 4(34), pp. 123–124.
25. Stylianou P. Online Dispute Resolution: The Case for a Treaty between the United States and the European Union in Resolving Cross-border Consumer Disputes. *Syracuse Journal of International Law and Commerce*. 2008, no. 1, pp. 117–143.
26. The implementation of conciliation procedures in the civil process: the experience of Russia and Brazil. E.P. Rusakova, E.E. Frolova, M.I. Kleandrov et al. *5TH International conference on advances in education and social sciences*. Ocerint, 2019, pp. 278–284.

Цифровизация юридической профессии: о рисках и угрозах цифровизации рынка труд

УДК 34(340)

Гайворонская Яна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: yanavl@yandex.ru.

Каримова Юлия Ибрагимовна

Студент, Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: karimova2001@bk.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 06.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В работе рассмотрена проблема технологической безработицы в условиях масштабной цифровой трансформации общества. Особо выделены перспективы цифровизации юридической профессии. Цифровую трансформацию юриспруденции авторы анализируют в двух ракурсах: с позиций возможной замены человеческого труда машинным и с позиций внедрения в профессиональную юридическую деятельность новых цифровых технологий (LegalTech). Перспективы отмирания юридической профессии в цифровую эпоху оцениваются скептически. Авторы приходят к выводу, что цифровизация порождает качественную модификацию юриди-

ческой профессии, связанную с изменением содержания и форм организации профессиональной юридической деятельности.

Ключевые слова: цифровизация, технологическая безработица, цифровые технологии, LegalTech, юридическая профессия, юриспруденция, роботы, искусственный интеллект, информационные технологии, риски и угрозы цифровизации

Присущая человеку потребность контролировать различные процессы и явления, происходящие с ним, приводит к желанию заглянуть за занавес реальности, увидеть или хотя бы спрогнозировать свое будущее. Именно этим желанием и обусловлено огромное количество мифов вокруг цифровой трансформации общества. У любых масштабных преобразований, какую бы выгоду они ни сулили, всегда есть оборотная сторона. Так, технологии — от роботов-пылесосов, помогающих в хозяйстве, до машин, чита-

DIGITALIZATION OF THE LEGAL PROFESSION: ON THE RISKS AND THREATS OF DIGITALIZATION OF THE LABOR MARKET

Gaivoronskaya Yana Vladimirovna

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University Law School; E-mail: yanavl@yandex.ru.

Karimova Yulia Ibragimovna

Student, Far Eastern Federal University Law School; E-mail: karimova2001@bk.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 06.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The problem of technological unemployment in the context of large-scale digital transformation of society is contemplated. The prospects for digitizing legal profession are emphasized. The authors analyse the digital transformation of jurisprudence in two ways: from the standpoint of possible replacement of human labor with machine labor and from the standpoint of introducing of new digital technologies into legal profession (LegalTech). The prospects of the withering away of the legal profession in the digital age are reckoned up as sceptical ones. The authors conclude that digitalization causes qualitative modification of the legal profession, related to changes in content and forms of organization of professional legal activity.

Keywords: digitalization, technological unemployment, digital technology, LegalTech, legal profession, law, robots, Artificial Intelligence, Information Technology, risks and threats of digitalization

ющих рентгеновские снимки, — повышают производительность труда и улучшают качество жизни. Но, с другой стороны, эти же блага технологий таят в себе угрозы для человечества. Например, вытесняют человека с рынка труда и провоцируют тем самым кризисные социально-экономические изменения, заменяя человека в некоторых видах деятельности.

Оценивая сложившуюся ситуацию, Клаус Шваб, президент всемирного экономического форума в Давосе, отметил: «Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит то, как мы живем, работаем и общаемся друг с другом. По масштабу, объему и сложности Четвертая промышленная революция не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [31, с. 4].

Одно из последствий промышленной революции — технологическая безработица, одна из известных и широко обсуждаемых угроз цифровизации. Начиная с восстания луддитов 1811 г. и до современности, рынок труда и карта профессий периодически менялись под влиянием механизации, автоматизации, затем — компьютеризации и информатизации. Новый виток таких изменений связан с масштабной цифровизацией различных видов человеческой деятельности. Цифровая трансформация общества отличается от предыдущих промышленных революций с точки зрения как количественных, так и качественных изменений рынка труда. Пессимистические футурологические прогнозы прочат противостояние человечества и искусственного интеллекта, а нейтральные констатируют передачу искусственному интеллекту существенной части выполняемых человеком функций и отмирание ряда профессий в ближайшей перспективе.

Эксперты Всемирного экономического форума, неправительственной швейцарской организации, опубликовали исследование *Future of Jobs 2018*, данные для которого собирали с помощью онлайн-анкет в течение 9 месяцев [12]. Были исследованы промышленные и финансовые компании из 20 стран. Согласно отчету *Future of Jobs 2018* автоматизация до 2022 г. уничтожит 75 млн рабочих мест, и исчезнут многие знакомые профессии. Роботы по прогнозу заменят менеджеров, секретарей, ча-

стично бухгалтеров, кассиров, фабричных рабочих и кладовщиков. Машины заменят людей в сфере поиска, обработки и передачи информации, координации проектов, консультирования и управления. Правда, по мнению экспертов, это не должно привести к росту безработицы, так как технический прогресс в то же время создаст 130 млн новых рабочих мест.

В 2018 г. на долю людей приходился 71% часов, потраченных на работу, а на долю машин — 29%. В 2025 г. на долю машин будет приходиться 52% часов, потраченных на работу, а на долю людей — 48%. К 2022 г. 50% всех компаний, участвовавших в опросе, ожидают, что смогут сократить число сотрудников, работающих полный день, на 40% за счет автоматизации процессов. Компании признают, что переобучать придется 54% сотрудников до 2022 г., однако часть из них предпочитает нанять новых специалистов, а не тратить деньги на переобучение имеющихся [34].

McKinsey Global Institute провел исследование *Jobs lost, jobs gained: Workforce transitions in a time of automation*, в котором проанализировано более 800 профессий различных специализаций из 46 стран мира (отчет опубликован в декабре 2017 г.). Исследователи сделали вывод о том, что очень немногие профессии — менее 5% — полностью состоят из видов деятельности, которые могут быть автоматизированы. Однако примерно в 60% профессий *основные* виды деятельности могут быть автоматизированы. При этом деятельность, наиболее восприимчивая к автоматизации, включает физические действия в предсказуемых условиях, такие как эксплуатация оборудования и приготовление фастфуда. Другие две категории действий, которые всё чаще можно выполнять лучше и быстрее с помощью машин — это сбор и обработка данных. Следовательно, компьютеры могут вытеснить большое количество рабочей силы, например, при оформлении ипотеки, работе юриста и в бухгалтерском учете. По прогнозам McKinsey Global Institute к 2030 г. может быть автоматизировано и роботизировано до 800 млн рабочих мест. Причем в Китае к 2030 г. роботами может быть заменено до 236 млн человек [34].

Эксперты российского Института развития интернета прогнозируют, что в первую очередь могут исчезнуть такие профессии, как водитель такси, продавец и грузчик [16].

По словам министра просвещения О. Васильевой, с 1 сентября 2020 г. в российских колледжах из перечня профессий вычеркнут почти 100 наименований [29]. Ткачи, сушильщики, радиооператоры, сборщики изделий электронной техники, изготовители эмалированной посуды уступят место мехатроникам и робототехникам. Новые популярные направления: «мехатроника и мобильная робототехника», «графический дизайн», «техническая эксплуатация и обслуживание роботизированного производства», «аддитивные технологии», «техническое обслуживание и ремонт биотехнических медицинских аппаратов и систем».

По результатам опроса ВЦИОМ в августе 2019 г. на сегодняшний день противостояние с роботами на рынке труда не особо беспокоит россиян. Так, перспектива замены людей на рабочих местах роботами не пугает 78% опрошенных из работающих россиян. Более половины опрошенных не считают, что роботы смогут заменить людей во многих сферах деятельности в ближайшее время (51%). С другой стороны, 47% придерживаются обратного мнения, причем в этой группе большинство составили лица от 18 до 34 лет [23].

На самом деле перспектива исчезновения многих профессий и серьезного переустройства рынка труда в целом абсолютно реальна. Имеющиеся прогнозы, в среднем на период до 2030 г., показывают тенденцию расширения сферы машинного труда. Очевидно, что новые профессии, преимущественно технической направленности, ждут вчерашних школьников, в то время как цифровизация высвобождает с рынка труда взрослое население с «гуманитарным» образованием. Это приведет к росту технологической безработицы и сделает труд миллионов работников невостребованным, лишив их возможности получения трудового дохода [15, с. 43].

Переобучение сможет предложить значительной части бывших менеджеров и прочих гуманитариев менее квалифицированную работу с меньшей оплатой, т.е. снижение социального статуса и качества жизни. Такой прогноз заставляет экс-

пертов задумываться о пределах цифровизации и возможности внешнего контроля за эволюционным развитием технического прогресса ради сохранения социальной стабильности.

Применительно к юриспруденции в России о кризисе профессии стали много говорить после скандально известного заявления президента Сбербанка Германа Грефа во время лекции в Балтийском федеральном университете им. Канта (2017 г.). Выступая перед студентами, он заявил, что Сбербанк перестает брать на работу юристов, «которые не знают, что делать с нейронной сетью». По мнению Г. Грефа, современным компаниям не нужны юристы без знаний в области искусственного интеллекта и понимания того, как работают компьютерные сети [8].

Автоматизация юридической деятельности активно обсуждается профессиональным сообществом. Актуальность темы подчеркивается хотя бы тем фактом, что вопрос о том, заменят ли роботы юристов, обсуждался на Петербургском международном юридическом форуме 2019 г. в рамках дискуссии «Legal Tech: от права к коду» [2].

Снижение спроса на юридические услуги — мировая тенденция. Британское отделение крупнейшей международной аудиторской фирмы Deloitte по результатам исследований рынка труда сообщило, что юридический бизнес в Великобритании уже сейчас находится в лидерах по числу увольнений, и в течение ближайших 20 лет вследствие автоматизации в нем сократится еще около 140 000 рабочих мест. А исследования Центра изучения юридической профессии Джорджтаунского университета показывают, что на американском рынке в 2014–2015 гг. спрос на юридические услуги оставался примерно на одинаковом уровне, несмотря на рост экономики, — это равносильно фактическому падению [22].

По данным Центра занятости и экономического развития Финляндии, на учете безработными в январе 2018 г. состояли 386 юристов, 961 доктор наук и 2682 магистра философии [11, с. 18]. Это объясняется тем, что уже сегодня искусственный интеллект способен производить обработку и анализ документов, решать стандартизированные юридические задачи, вытесняя с рынка дипломированных специалистов.

По прогнозам исследователей, технологическая безработица в развитых странах (включая Россию) неизбежно будет нарастать под влиянием автоматизации и роботизации различных сфер общественной жизни, а также развития искусственного интеллекта [6].

Однако всё не так однозначно. Чтобы оценить, какие угрозы для будущего юридической профессии несет в себе цифровая трансформация, нужно представлять, в чем именно эта трансформация состоит.

Здесь важно отличать гипотетические рассуждения о цифровом будущем профессии и анализ реальных технологий, имеющих на данный момент или находящихся в разработке.

Одним из наиболее известных проявлений цифровизации юридической деятельности является LegalTech. Обобщенно LegalTech означает использование информационных технологий, онлайн-сервисов и специального программного обеспечения для повышения эффективности юридической деятельности.

Зарубежные платформы широко используют искусственный интеллект и машинное обучение, поэтому их функционал широк и предполагает в том числе проверку и трактовку сложных правовых текстов (Luminance, Leverton, Contract room) [18, с. 42]. Еще несколько лет назад СМИ сообщали, что в Америке разработали виртуального юридического ассистента [21]. Это программа, оснащенная вопросно-ответной системой искусственного интеллекта, которая использует естественный язык для того, чтобы понять вопросы юристов и сообщить им информацию по интересующим их судебным делам и законодательству с необходимыми ссылками. Машина избавляет юристов от необходимости просматривать множество материалов в поисках наиболее подходящих прецедентов.

Робот Ross, специализирующийся на делах с банкротством, работает в адвокатском агентстве Baker & Hostelter в Америке с 2016 г. Ross функционирует на базе самообучаемого искусственного интеллекта Watson, т.е. чем больше дел он рассмотрит, тем более опытным он становится. В функции робота входит сканирование заложенной в нем базы, чтобы помочь адвокатам выбрать информацию, которая могла бы иметь какое-то отношение к определенному делу [3, с. 462].

Специализированное программное обеспечение (Discovery Cracker, IBM-Watson и др.) может автоматически выполнять сложные юридические операции, например подготовку к судебному процессу или анализ документов по M&A сделке [22].

На российском рынке есть достаточно много разработок, помогающих оптимизировать юридический бизнес или (их меньше) организовать правовое консультирование населения. В качестве примеров программ сегмента LegalTech на российском рынке можно назвать: Preferentum Правовая Экспертиза (программный комплекс, предназначенный для сокращения сроков и повышения качества проверки документов при согласовании и проведении экспертизы проектов нормативно-правовых актов, контрактов, договоров и других документов); Casebook (сервис мониторинга судебных дел и контроля за деятельностью контрагентов); Caselook (инструмент для поиска и анализа судебной практики); Case.pro (система автоматизации юридических процессов); LawMatic (программное обеспечение для юристов); Юрайт (программа для учета судебных дел и претензионно-исковой работы); FreshDoc (онлайн-конструктор документов); Jeffit (сервис для учета текущей загруженности юристов) и т.д.

Сетевой ресурс «Робот-юрист», работающий на платформе DokUs, помогает самостоятельно составить юридические документы, разобраться в делах, с которыми сталкиваются автовладельцы, собственники квартир, те, кто купил некачественный товар или не может вернуть свои деньги, данные в долг [25]. Бесплатную услугу по разработке договора практически любой сложности предлагают разработчики проекта Freshdoc [14]. Они заявляют, что данный онлайн ресурс — «ваш личный робот-юрист». На сайте представлены почти 1500 шаблонов различных документов в таких направлениях, как документы для банкротства, образцы доверенностей, документы для регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя, в сфере защиты персональных данных и интеллектуальной собственности.

Робот, составляющий иски, используется Сбербанком России: он собирает необходимую информацию, вносит данные

в бланк и распечатывает необходимый пакет документов.

Цифровизация правоохранительной деятельности уже давно идет по пути создания электронных учетов, реестров и баз данных. Примером является банк оперативно-справочной и розыскной информации с единым местом хранения в Главном информационном центре Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГИЦ МВД РФ) [9]. Электронные учеты позволяют гораздо эффективнее раскрывать, расследовать и предупреждать преступления, успешно осуществлять розыск преступников, устанавливать личности неизвестных граждан и определять принадлежность изъятого имущества [26, с. 53].

Наиболее известным широкому пользователю и давно вошедшим в практику примером информационных технологий в юриспруденции являются справочные правовые системы, такие как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и т.д. Они представляют собой обширные базы данных, включающие материалы официального законодательства и судебной практики и оснащенные развернутой системой поиска по отдельным реквизитам.

Привести примеры сервисов, созданных именно для правотворческой или государственной правоприменительной деятельности, не так просто, но они всё же есть. Например, компания «Преферентум» создает автоматизированные информационные системы, основанные на интеллектуальных технологиях анализа массивов неструктурированной информации, как для коммерческих, так и для государственных структур. Среди проектов компании — разработка и внедрение системы правового мониторинга (АИС «Мониторинг») и системы правовой экспертизы (АИС «Мониторинг-М») для МВД России (система находится в эксплуатации с 2009 г.) [20].

Интересные примеры применения цифровых технологий в законотворческой деятельности дает опыт Исландии. Страна со сравнительно небольшим населением в 2011 г., нуждаясь в принятии новой Конституции, доверила ее разработку не профессиональным политикам, а рядовым гражданам. Проходил весь этот процесс в электронной форме. Кон-

ституционный Совет активно применял интерактивные методики, используя сайт Совета, аккаунты в Facebook, Twitter, Flickr и на YouTube, личные сайты и страницы членов Совета. Эти механизмы позволили организовать обсуждение разных версий проекта. Заседания Совета и комитетов транслировались на сайте и в YouTube в прямом эфире [5, с. 59].

Перспективы цифровизации нотариата связывают с распространением электронных подписей. Есть мнение, что необходимость в этом институте отпадает в случае, если жилищные реестры будут оцифрованы, децентрализованы и отказоустойчивы, а для передачи прав собственности на жилье можно будет использовать автоматические алгоритмы. Однако такой позиции придерживаются не все. Полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных инстанциях М. Барщевский, комментируя аналогичные предложения, отметил: «...я не понимаю, как компьютер сможет удостоверить завешание, разъяснив при этом завещателю его права» [27, с. 493].

С 1 января 2018 г. нотариусы перешли на работу в рамках Единой информационной системы нотариата (ЕИС), которая подключена к системе электронного межведомственного обмена данными. Через ЕИС нотариусы подключены к базам МВД, Росреестра, ФНС и других структур.

Некоторые считают, что появление роботов-судей, прокуроров, адвокатов, коллекторов, риелторов и даже депутатов — это дело ближайшего будущего. Исследователи рассуждают о достоинствах электронных юристов, говоря об их справедливости, беспристрастности, способности выдерживать заданные параметры объективности и гуманизма, не брать взятки, не требовать привилегий и быть бескорыстно преданными клиенту (если речь идет о роботе-адвокате) [10, с. 14].

Сегодня «Робот-судья» является одним из самых амбициозных проектов Министерства юстиции в Эстонии. Робот-судья сможет разрешать споры по мелким претензиям на сумму менее 7000 евро, что должно снизить нагрузку на судей. По задумке разработчиков, обе стороны будут загружать в систему документы и другую соответствующую информацию, а искусственный интеллект примет решение, которое может быть обжа-

ловано в суде [33]. Проект находится на стадии разработки, и пока информации об обещанном пилотном запуске на официальном сайте Минюста Эстонии и в новостных СМИ нет.

Однако такие технологии — дело далекого будущего. На сегодняшний день «роботы-юристы» — это справочно-правовые системы, базы данных, программы-анализаторы, программы-конструкторы документов, чат-боты для первичного консультирования.

Причем передача многих из интеллектуальных и распорядительных функций юристов и государственных служащих искусственному интеллекту находится под большим вопросом независимо от технической возможности реализации таких решений. Юриспруденция — во многом творческая деятельность, поэтому сложные логические задачи, построение тактики защиты или обвинения, ораторское мастерство — всё это не сможет осуществить робот [19].

Специалисты справедливо подчеркивают, что «...важнейшую роль в судебном процессе играет судебное усмотрение, т.е. мыслительная деятельность конкретного судьи по конкретному делу, которая в качестве результата представляет собой вполне определенное решение, принятое на основе анализа альтернативных вариантов, предлагаемых законодательством» [27, с. 492]. А электронный судья-робот при всем своем совершенном устройстве к мыслительной деятельности не способен, поэтому невозможна и реализация такого неотъемлемого атрибута судопроизводства, как судебное усмотрение. Применение в ходе осуществления правосудия информационных и коммуникационных технологий нельзя рассматривать как переход к новому типу правосудия — электронному правосудию [27, с. 492].

Менеджер по маркетингу BGP Litigation Светлана Зеленова считает, что «Legal IT будет и дальше развиваться в области статистики и аналитики массивов данных, что существенно сэкономит время юристов и даст конкурентные преимущества тем фирмам, у которых эти системы очень хорошо структурированы и работают эффективно» [24].

Системы поддержки принятия решений, основанные на искусственном интеллекте, высокоскоростном Интернете, облачных техно-

логиях и т.д., могут стать будущим LegalTech и в правотворческой, и в судебной, и в правоприменительной деятельности. При всем этом, как отмечают специалисты, на данный момент «юриспруденция остается аналоговой» [32]. В плане технического прогресса ожидается вторичный технологический сдвиг, связанный с развитием блокчейна и иных технологий, что принципиально изменит экономику, а следовательно, и юридическую работу. Юристы начали разбираться в вопросах искусственного интеллекта, но блокчейн и его возможности остаются за гранью понимания большинства. К тому же эксперты подчеркивают, что цифровизация — это лишь средство. Без человеческой эрудиции, опыта, даже при наличии необходимых технических средств она безжизненна [7, с. 17].

Если вернуться к вопросу о востребованности юридических услуг в век IT-технологий, то здесь тоже все не столь однозначно. Например, в 2019 г. Всероссийский научно-исследовательский институт труда представил топ-10 самых востребованных профессий (среди профессий рабочих и специалистов среднего звена). Лидируют в рейтинге востребованных профессий продавцы-кассиры, далее идут повара, педагоги проф. обучения и проф. образования и юристы. Кроме того, в топ-10 вошли специалисты по социальной работе, по закупкам, педагоги доп. образования, медсестры, делопроизводители, бухгалтеры и педагоги-дефектологи. Перечень был составлен на основе анализа вакансий трех известных в России интернет-сервисов по трудоустройству, а также опроса представителей 26,9 тыс. компаний [17].

Сопоставляя исследования, можно увидеть интересный нюанс: и в списке тех, кому грозит исчезновение в связи с распространением цифровых технологий, и в перечни самых востребованных в современной России входят одни и те же профессии. Специалисты по работе с информацией неактуальны с точки зрения большинства прогнозов цифровой трансформации рынка труда, но именно к этой группе можно отнести делопроизводителей и специалистов по закупкам. По прогнозам распространения технологической безработицы, преподаватели вузов (которыми являются

педагоги проф. обучения, проф. образования и доп. образования), бухгалтеры и юристы тоже входят в основную группу риска с точки зрения замены машинным трудом. Однако эти же специалисты оказываются в лидерах востребованности в современной России.

Такая ситуация еще раз возвращает нас к необходимости разграничивать прогнозы долгосрочные (перспективные) и ближайшие. Теоретические возможности цифровой революции и реальный уровень развития (и главное — доступности широкому кругу потребителей) компьютерных технологий — это разные вещи. С этих позиций говорить о невостребованности или тем более об отмирании юридической профессии в ближайшие десятилетия преждевременно. Равно как преждевременно прогнозировать существенное снижение доходности юридического бизнеса и сокращение сферы юридических услуг в целом. Это касается не только российского рынка труда.

По мнению бизнес-аналитиков, потенциальная прибыльность отрасли юридических услуг должна возрасти, так как высокая степень автоматизации работы ведет к серьезному снижению издержек. Кроме того, «автоматизация анализа информации вовсе не означает автоматизацию принятия решений на основе этой информации» [22]. Человеческий надзор за аналитической деятельностью искусственного интеллекта необходим, причем осуществлять такой контроль должны высокопрофессиональные специалисты со стажем и опытом.

Инсайдеры юридического бизнеса считают, что опасения в части роботизации юридического труда явно преувеличены. По мнению управляющего партнера Национальной юридической службы «Амулекс» Е. Коваленко, корни проблемы в том, что многие юристы не хотят менять подход к своей работе, не желают смотреть в будущее и видят угрозу там, где ее нет. «Такой информационный фон мешает развитию отрасли, приводит к тому, что процессы внедрения автоматизации саботируются изнутри, из страха перед переменами» [13], — говорит он. В результате технологии становятся более дорогими, внедрение протекает медленно, а профессиональное сообщество не может в полной мере оценить все достоинства LegalTech.

При всем этом невозможно отрицать существенного влияния цифровизации на рынок юридических услуг и юридическую профессию в целом. Эксперты подчеркивают кардинальные изменения, произошедшие в индустрии за последние десять лет. Так, управляющий партнер Deloitte Legal в СНГ Анна Костыра, участник форума Skolkovo LegalTech, считает, что «восприятие профессии юриста в традиционном значении изменилось, несмотря на то, что юриспруденция труднее поддается технологизации, учитывая необходимость в высокой степени интеллектуальной вовлеченности по множеству вопросов» [28].

В современных условиях нужно говорить об изменении содержания юридического труда. Появление новых требований к работникам и новых компетенций, прежде всего в области компьютерных и информационных технологий, а также новых методов организации юридической работы — это те реальные изменения юридической профессии, которые происходят уже сейчас, и удельный вес которых будет нарастать в ближайшее время. Современные юристы должны разбираться в информационных технологиях, использовать их в своей профессиональной деятельности и уметь с их помощью регулировать общественные отношения [30, с. 86].

Сооснователь международной школы United World College Вероника Зонабанд относит к необходимым навыкам будущего: 1) умение критически мыслить, находить нестандартные решения, т.е. креативность, творческие способности; 2) адаптивность, т.е. готовность воспринимать неопределенность не как трагедию, а как возможность; 3) социальную коммуникацию, т.е. умение общаться с людьми разных национальностей [1]. Согласно отчету Всемирного экономического форума The Future of the Jobs 2018, среди самых важных навыков будущего опрошенные представители российских компаний отметили креативность, оригинальность и инициативность, аналитическое мышление, активное обучение и стратегический подход к нему, технологический дизайн и программирование, критическое мышление и анализ, эмоциональный интеллект, способность решать комплексные проблемы, лидерство и социальное влияние [4].

Цифровая трансформация юридической профессии — это не столько количественные изменения (хотя они, несомненно, есть), связанные с числом востребованных в отрасли юристов, доходностью юридического бизнеса

или распространенностью в обществе юридических услуг, сколько качественные, связанные с изменением содержания и форм организации профессиональной юридической деятельности.

Литература

- 80% профессий исчезнут через 20 лет [Электронный ресурс] // Forbes. — 31.08.2018. — URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svooy-biznes/366255-veronika-zonabend-80-professii-ischeznut-cherез-20-let> (дата обращения: 23.03.2019).
- Legal Tech: от права к коду // LF: Петербургский международный юридический форум — Официальный сайт форума. — URL: <https://spblegalforum.ru/ru/programme/1556426551143> (дата обращения: 23.03.2020).
- Ахмеджанова Р.Р. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием. — М.: РУДН, 2017. — С. 461–467.
- Будущее рабочих мест. Главное из отчета Всемирного экономического форума [Электронный ресурс] // Хабр. 21.09.2018. — URL: <https://habr.com/ru/post/423869/>.
- Васильева Т.А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 3(83). — С. 55–62.
- Ваторопин А.С., Ваторопин С.А., Четваева Н.Г. Автоматизация и роботизация как факторы роста технологической безработицы в современном обществе [Электронный ресурс] // Вопросы управления. — 2017. — № 3. — URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2017/04/09/>.
- Воронцов С.А., Мамычев А.Ю. «Искусственный интеллект» в современной правовой и политической жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2019. — № 4. — С. 9–22.
- Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию». [Электронный ресурс] // Информационный портал РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d> (дата обращения: 10.05.2019).
- Главный информационный центр МВД РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://xn--blaew.xn--plai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/Ustav.
- Глебов И.Н. Правовая Футурология: постановка проблемы искусственного юридического разума // Российское государственное управление. — 2018. — № 1. — С. 12–29.
- Жилкин В.А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 5. — С. 16–21.
- Какие профессии исчезнут в ближайшие 4 года, а какие станут лишь популярнее [Электронный ресурс] // Информационный портал AdMe: творчество, свобода, жизнь. — URL: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/kakie-professii-ischeznut-v-blizhajshie-4-goda-a-kakie-stanut-lish-populyarnее-1891065/> (дата обращения: 25.09.2019).
- Коваленко Е. Legal Tech: больше плюсов, чем минусов [Электронный ресурс] // АГ: Адвокатская газета. Орган федеральной палаты адвокатов РФ — Официальный сайт. — URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zamenyat-li-advokatov-roboty/> (дата обращения: 23.03.2019).
- Конструктор документов: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.freshdoc.ru/>.
- Мальшева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. — 2018. — № 1. — С. 40–46.
- Названы наиболее подверженные риску исчезновения профессии [Электронный ресурс]. — URL: <https://russian.rt.com/russia/news/689228-podverzhennye-risku-ischeznoveniya-professii> (дата обращения: 21.03.2020).
- Очередь на кассира: самая востребованная профессия в России — продавец [Электронный ресурс] // Информационный портал «Известия». 23.12.2019. — URL: <https://iz.ru/956712/anna-ivushkina/ochered-na-kassira-samaia-vostrebovannaa-professii-v-rossii-prodavets> (дата обращения: 21.03.2020).
- Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное поведение юристов в электронном государстве в случаях несовершенства законодательства // Журнал российского права. — 2018. — № 6. — С. 40–49.
- Петухов С.В., Рачеева Ю.В. Трансформация юридической профессии в условиях цифровизации // Устойчивое развитие науки и образования. — 2018. — № 10. — С. 247–251.
- Преферентум: официальный сайт Юридический вестник кубанского государственного университета. — URL: <http://preferentum.ru/index.php?id=12>.
- Робот, а не человек: как искусственный интеллект перестроит работу юристов [Электронный ресурс] // Информационный портал «Право.ру». — 03.08.2016. — URL: <https://pravo.ru/story/view/131655/>.
- Робот-адвокат: как юристам не остаться без работы [Электронный ресурс] // Forbes. — 24.04.2017. — URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/343269-robot-advokat-kak-yuristam-ne-ostatsya-bez-raboty> (дата обращения: 23.03.2019).
- Работы и работа: мифы и реальность. Опрос от 20 августа 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9855> (дата обращения: 25.09.2019).
- Работы-правоведы: как технологии изменят работу юридических компаний [Электронный ресурс] // Информационный портал «Право.ру». 02.02.2016. — URL: <https://pravo.ru/story/view/125603/>.
- Робот-юрист: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://robot-urist.ru/index.php#sp-users-wrapper>.
- Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 52–56.
- Тонков Е.Е., Пожарова Л.А. Правовое регулирование в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы // Научные ведомости. — 2019. — № 3. — С. 490–497.
- Трансформация неизбежна: в преддверии Skolkovo LegalTech. BlackEdition эксперты обсудили новую роль юриста [Электронный ресурс]. — URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/deloitte-in-press/2019/transformaciia-neizbezhna-v-preddverii-skolkovo-legaltech-blackedition-eksperty-obsudili-novuiu-rol-yurista.html> (дата обращения: 23.03.2019).
- Фалыхов Р. Минус сто: какие профессии исчезнут в России [Электронный ресурс] // Информационный портал Газета.ру. — 11.08.2019. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/08/11/12572611.shtml> (дата обращения: 25.09.2019).
- Храмцова Н.Г., Майборода Т.Ю. Подходы к развитию цифровых компетенций студентов юридических вузов //

- Перспективы науки и образования. — 2019. — № 1(37). — С. 80–93.
31. Шwab К. Четвертая промышленная революция. — М.: Эксмо, 2020. — 288 с.
32. Юриспруденция остается «аналоговой» — интервью с блокчейн-экспертом Беттиной Варбург [Электронный ресурс] // Информационный портал Право.ру. — URL: https://pravo.ru/news/218249/?desc_chrono_3_3= (дата обращения: 09.02.2020).
33. Can AI Be a Fair Judge in Court? Estonia Thinks So. URL: <https://www.wired.com/story/can-ai-be-fair-judge-court-estonia-thinks-so/> (accessed 11 September 2019).
34. James Manyika. Jobs lost, jobs gained: Workforce transitions in a time of automation. *McKinsey Global Institute*. December 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages>.

References

- 80% of professions will disappear in 20 years. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/366255-veronika-zonabend-80-professii-ischeznut-cherez-20-let> (accessed 23 March 2019).
- LegalTech: from law to code. *LF: St. Petersburg international legal forum — official website of the forum*. URL: <https://spblegalforum.ru/ru/programme/1556426551143> (accessed 23 March 2020).
- Akhmedzhanova R.R. Can artificial intelligence replace a human judge? *Jurisprudence 2.0: a new view on law: materials of the interuniversity scientific and practical conference with international participation*. Moscow, Moscow: RUDN, 2017. Pp. 461–467.
- The future of jobs. The main thing from the report of the world economic forum. *Habr*. URL: <https://habr.com/ru/post/423869/>.
- Vasileva T.A. Constitutional reforms in the digital age: the experience of Iceland. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia*. 2019, no. 3(83), pp. 55–62.
- Vatoropin A.S. Vatoropin A.S., Chevtaeva N.G. Automation and robotics as growth factors technological unemployment in the modern society. *Management Issues*. 2017, no. 3. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2017/04/09/>.
- Vorontsov S.A., Mamychev A.Yu. “Artificial intelligence” in modern legal and political life of society: problems and contradictions of digital transformation. *Territory of opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2019, no. 4, pp. 9–22.
- Herman Gref advised lawyers to “forget the profession”. *RBC information portal*. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d> (accessed 10 May 2019).
- Main information center of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/Ustav.
- Glebov I.N. Legal Futurology: statement of the problem of artificial legal reason. *Russian state studies*. 2018, no. 1, pp. 12–29.
- Zhilkin V.A. Artificial intelligence and digital technologies in legal activity in digital reality (on the example of Finland). *Journal of foreign legislation and comparative law*. 2018, no. 5, pp. 16–21.
- What professions will disappear in the next 4 years, and which will only become more popular. *AdMe information portal: creativity, freedom, life*. URL: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/kakie-professii-ischeznut-v-blizhajshie-4-goda-a-kakie-stanut-lish-populyarnee-1891065/> (accessed 25 September 2019).
- Kovalenko E. LegalTech: more pros than cons. *AG: Lawyer’s newspaper. Body of the Federal chamber of lawyers of the Russian Federation—Official website*. URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zamenyat-li-advokatov-roboty/> (23 March 2019).
- Document constructor: official website. URL: <https://www.freshdoc.ru/>.
- Malysheva G.A. On socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society. *Power*. 2018, no. 1, pp. 40–46.
- The most vulnerable professions are named. *RT*. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/689228-podverzhennye-risku-ischeznoeniya-professii> (21 March 2020).
- Queue for the cashier: the most popular profession in Russia is salesman. *Izvestia Information portal*. URL: <https://iz.ru/956712/anna-ivushkina/ocheder-na-kassira-samaia-vostrebovannaia-professii-v-rossii-prodavetc> (accessed 21 March 2020).
- Pevtsova E.A., Sokolov N.Ya. Professional behavior of lawyers in the electronic state in cases of imperfection of legislation. *Journal of Russian law*. 2018, no. 6, pp. 40–49.
- Petukhov S.V., Racheeva Yu.V. Transformation of the legal profession in the conditions of digitalization. *Sustainable development of science and education*. 2018, no. 10, pp. 247–251.
- Preferentum: official website. URL: <http://preferentum.ru/index.php?id=12>.
- Robot, not human: how artificial intelligence can rebuild the work of lawyers. *Information portal Law.ru*. URL: <https://pravo.ru/story/view/131655/>.
- Robot lawyer: how lawyers don’t lose their jobs. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/343269-robot-advokat-kak-yuristam-ne-ostatsya-bez-raboty> (accessed 23 March 2019).
- Robots and work: myths and reality. Poll of August 20, 2019. *Official website of VTSIOM*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9855> (accessed 25 September 2019).
- Robots lawyers: how technologies will change the work of law firms. *Information portal Law.ru*. URL: <https://pravo.ru/story/view/125603/>.
- Robot lawyer: official website. URL: <https://robot-urist.ru/index.php#sp-users-wrapper>.
- Sementsov V.A. Digitalization of law enforcement activities and robotization of the legal profession. *Legal Bulletin of Kuban state University*. 2019, no. 1, pp. 52–56.
- Tonkov E.E., Pozharova L.A. Legal regulation in the conditions of digitalization of society: problems and prospects. *Scientific reports*. 2019, no. 3, pp. 490–497.
- Transformation is inevitable: in the run-up to Skolkovo LegalTech. Black Edition experts discussed the new role of a lawyer. *Deloitte*. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/deloitte-in-press/2019/transformaciia-neiz-bezhna-v-preddverii-skolkovo-legaltech-blackedition-eksperity-obsudili-novuiu-rol-iurista.html> (accessed 23 March 2019).
- Falyakhov R. Minus one hundred: what professions will disappear in Russia. *Information portal Gazeta*. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/08/11/12572611.shtml>.
- Khrantsova N.G., Mayboroda T.Y. Approaches to developing digital competences of law students. *Prospects of science and education*. 2019, no. 1(37), pp. 80–93.
- Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2020. 288 p.
- Law remains “analog” — interview with blockchain expert Bettina Warburg *Information portal*. URL: https://pravo.ru/news/218249/?desc_chrono_3_3= (accessed 9 February 2020).
- Can AI Be a Fair Judge in Court? Estonia Thinks So. URL: <https://www.wired.com/story/can-ai-be-fair-judge-court-estonia-thinks-so/> (accessed 11 September 2019).
- James Manyika. Jobs lost, jobs gained: Workforce transitions in a time of automation. *McKinsey Global Institute*. December 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages>.

Использование автономного оружия с позиций принципов международного гуманитарного права

УДК 34(341.1/8)

Дремлюга Роман Игоревич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права, Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 14.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

Аннотация. В работе уделяется внимание ряду принципов международного гуманитарного права, которым должно соответствовать как оружие, так и способ его применения: проведение различия, военная необходимость и соразмерность, запрет на причинение излишних страданий и гуманность. В работе даются рекомендации и оценки по каждому из рассматриваемых принципов.

Автор обосновывает необходимость не запрещать автономное оружие, а выработать правила его использования и участия человека в его функционировании. Существенным вызовом для разработки таких правил является непрозрачность автономных систем вооружения, если рассматривать их как сложную интеллектуальную компьютерную систему.

Ключевые слова: автономные системы вооружения, искусственный интеллект, международное гуманитарное право, прозрачность систем ИИ, автономные роботизированные системы

Системы искусственного интеллекта уже используются практически во всех сферах нашей жизни. Как любая перспективная технология, искусственный интеллект не мог не попасть в сферу интересов вооруженных сил по всему миру. Интеллектуальные системы могут применяться вооруженными силами в разных сферах, от повышения эффективности обучения военнослужащих до анализа стратегических рисков, но наибольшее внимание мировой общественности привлекло использование искусственного интеллекта в качестве «цифрового мозга» автономного оружия [6]. В основном дискуссия сосредоточена на способности существующих автономных систем вооружения удовлетворять юридическим требованиям международного гуманитарного права (МГП) и на прогнозах о том, что будущие технологии смогут удовлетворять этим требованиям.

Автономное оружие принято на вооружение во многих странах мира, и его наличие определяет стратегический потенциал государства и его место на стратегической карте мира в будущем [19]. Преимущества автономного оружия очевидны, оно зачастую точнее, эффективней и не подвержено «человеческим

THE USE OF AUTONOMOUS WEAPONS FROM THE PERSPECTIVE OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Dremluga Roman Igorevich

PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Public and Privat Law, Far Eastern Federal University Law School; E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 14.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of research project No. 18-29-16129.

Abstract. The work focuses on a number of principles of international humanitarian law that must be met by both weapons and the

way they are used: distinction, military necessity and proportionality, the prohibition of causing unnecessary suffering, and humanity. The paper provides recommendations and assessments for each of the principles under consideration.

The author justifies the need not to prohibit Autonomous weapons, but to develop rules for their use and human participation in their functioning. A significant challenge to the development of such rules is the opacity of Autonomous weapons systems, if we consider them as a complex intelligent computer system.

Keywords: Autonomous weapons systems artificial intelligence, international humanitarian law, transparency of AI systems, Autonomous robotic systems

слабостям». Такое оружие может быть дешевле в эксплуатации и легко усовершенствовано посредством обновления программного обеспечения. В то же время существуют опасения о несоответствии такого оружия международному праву.

Красный крест определяет автономную систему вооружений как «любую систему вооружения, которая автономна в реализации ее ключевых функций». Под такими функциями в тексте понимаются «выбор цели», «поражение цели» без вмешательства человека [4]. Такое оружие зачастую называют автономным оружием, смертельным (летальным) автономным оружием (от англ. lethal autonomous weapon (LAW)) или смертельными автономными вооруженными системами (от англ. lethal autonomous weapon system (LAWS)) [15].

Многие страны определяют смертельное автономное оружие по-своему. Например, Нидерланды определяют «смертельные автономные вооруженные системы» как «оружие, которое без вмешательства человека выбирает и поражает цели, удовлетворяющие некоторому предопределенному критерию, в соответствии с решением активировать оружие оператора, понимающего, что однажды запущенное оно не может быть остановлено в течение атаки» [40]. Франция дает следующее определение полностью автономной системы. Это система, которая подразумевает полное отсутствие вмешательства человека, что означает отсутствие связи с каким-либо военным подразделением. Также это означает, что она (система) сможет передвигаться, адаптируясь к среде (суша, вода, воздух) и целиться и поражать цели каким-либо образом (пули, бомбы, ракеты и т.д.) без какого-либо вмешательства или одобрения человеком [14]. Министерство обороны США определяет смертельные автономные системы как способные будучи однажды активированы, выбирать и поражать цели без дальнейшего вмешательства человека-оператора [34]. Подобные определения даются и некоторыми другими странами [36].

Исходя из приведенных определений ключевой характеристикой таких систем, является именно их автономность, т.е. возможность

действовать независимо от действий человека. Автономность может быть полной, когда система с момента запуска самостоятельно принимает все решения, и частичной, когда человек принимает участие в принятии некоторых решений в той или иной форме. Но исходя из анализа дефиниций, проведенного выше, под такими системами подразумеваются именно полностью автономные системы.

Под принятием решений подразумевается выбор мишени и применение поражающей военной силы к этой мишени. То есть, прежде всего, это автоматизированный выбор цели, а не управление передвижением или другой деятельностью системы вооружения. Например, автономное транспортное средство, оборудованное пулеметом, который дистанционно наводится на цель оператором, не будет относиться к автономному вооружению.

Полная автономность — это свойство, характеризующееся самостоятельным функционированием и поведением. Несмотря на то, что такие системы разрабатываются человеком, предсказать, как поведет себя система в тот или иной момент, достаточно сложно. Более того, некоторые авторы высказывают мнение что автономное оружие гарантировано поведет себя непредсказуемо в сложных условиях реального боя [15]. Таким образом, автономность подразумевает возможность действия без участия человека и некоторую степень непредсказуемости.

Такие системы могут оперировать на земле [24], в воздухе [38] и на море [39], а также в условиях, которые непригодны для человека (зоны радиационного заражения, высокие температуры, сверхперегрузки). В настоящее время существует достаточно много примеров того, как использование автономных систем вооружения повышало эффективность решения боевых задач. Так, США и Израиль совместно разработали и ввели в эксплуатацию систему «Железный купол» (Iron Dome), которая защищает Израиль от оружия класса «земля — земля», такого как мины из минометов и ракеты. Железный купол состоит из двух подсистем: противоракетной, артиллерийско-минометной и ПВО ближнего действия. Система перехватывает в автоматическом режиме до

90% всех ракет, запущенных с территорий, окружающих Израиль [21].

Несмотря на то, что автономные вооруженные системы демонстрируют высокую эффективность в рамках испытаний и реальной эксплуатации, высказываются опасения, что использование такого вооружения может нарушать нормы и принципы международного гуманитарного права [18]. Некоторые авторы утверждают, что использование автономных вооруженных систем в целом угрожает мировому порядку [31].

Нормы, относящиеся к легальности использования того или иного оружия, содержатся во многих международных соглашениях, но прежде всего они сформулированы в Женевских конвенциях 1949 г. [10; 11; 12; 13] и протоколах к ним [25; 26; 27]. Основой для оценки легитимности использования автономного оружия является ряд принципов, которым должно соответствовать как оружие, так и способ его применения. Среди этих принципов: проведение различия (от англ. *distinction*), военная необходимость (от англ. *necessity*), соразмерность (от англ. *proportionality*), запрет на причинение излишних страданий (от англ. *prohibition on causing unnecessary suffering*), гуманность (от англ. *humanity*) [17; 22]. Целью, объединяющей эти принципы, является минимизация жертв, страданий и материальных потерь среди гражданского населения. Идеальной войной с точки зрения международного гуманитарного права, которая, наверное, невозможна в действительности, является вооруженный конфликт, который не приносит никаких неудобств мирному населению.

Проведение различия (distinction). Согласно этому принципу воюющие стороны должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами и между гражданскими и военными объектами. Использование оружия, которое не позволяет отделить комбатантов от некомбатантов (например, оружия массового поражения), недопустимо. Участники вооруженного конфликта должны направлять свои действия только против военных объектов. Данный принцип не означает, что нарушением международного гуманитарного права является любая гибель гражданско-

го населения или поражение гражданских объектов, но воюющие стороны обязаны свести к минимуму такие ситуации. Ст. 48 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям предусматривает, что стороны должны всегда иметь возможность проводить различие как между комбатантами и гражданскими лицами, так и между военными и гражданскими объектами и инфраструктурой. Таким образом, правомерность использования новых систем вооружения должна проверяться с точки зрения способности выбирать в качестве цели военный контингент и военные объекты.

Автономные системы вооружения могут успешно справляться с данной задачей, по мнению некоторых авторов [23]. В некоторых случаях развертывание дистанционно управляемого оружия или роботов может привести к меньшему числу случайных жертв среди гражданского населения и к меньшему ущербу для гражданского населения по сравнению с применением обычного оружия [23]. Исследования и практика показывают, что искусственный интеллект при распознавании образов превосходит человека как в скорости, так и в качестве [3]. Таким образом, автономные системы вооружения могут точнее отличить комбатанта от некомбатанта по визуальным признакам. Интеллектуальные системы уже умеют определять эмоции и враждебную настроенность по мимике [35] и различать людей даже с частично закрытым лицом [9]. Всё вышперечисленное позволяет сторонникам использования автономных систем вооружения утверждать, что принцип проведения различия (*distinction*) будет реже нарушаться с распространением применения таких систем.

Несмотря на многообещающие результаты в развитии когнитивных способностей машин, существуют поводы для опасений. Во-первых, изменилась тактика ведения войн. Сейчас более распространены войны с участием повстанческих или террористических формирований. Такие подразделения зачастую смешиваются с мирным населением, не носят знаки отличия и образуют временные военные группы, которые собираются под конкретную задачу. Такие группы делают всё возможное, чтобы их не отличали от гражданского населения. Во-вторых, некоторые исследования показывают,

что несмотря на лучшие результаты в распознавании образов, выявлении эмоций и т.д., автономные машины могут быть умышленно введены в заблуждение [29]. Такой вид умышленных атак называется *adversarial example* и, по сути, представляет из себя небольшое изменение входных данных, которое приводит непредсказуемому поведению интеллектуальных систем. Например, в известном эксперименте по распознаванию образов фотография с пандой была распознана интеллектуальным программным обеспечением корректно с уверенностью 57,7%. После того, как исследователи наложили некоторый невидимый глазу шум на исходную картинку (всего 0,04% от картинки), она была распознана глубокой нейронной сетью как гиббон с 99,3% уверенностью. Несмотря на то, что ученые приложили значительные усилия для решения этой проблемы [2], до окончательного ее преодоления еще далеко [28]. Таким образом, решение по каждой отдельно взятой системе вооружения должно приниматься индивидуально с учетом того, насколько такая система устойчива к провокациям и условиям гибридной войны.

Военная необходимость (necessity) и соразмерность (proportionality). Два данных принципа нераздельно связаны друг с другом. В рамках вооруженного конфликта военная необходимость может потребовать причинения ущерба гражданскому населению и гражданским объектам для достижения цели победы над противником [16]. В этом случае должен соблюдаться баланс между предполагаемой целью и попутным причиняемым ущербом. Таким образом, жертвы среди гражданского населения не должны быть «чрезмерными» по отношению к конкретному военному преимуществу, полученному в результате атаки. Данный принцип не поддается количественному исчислению, т.е. не существует какой-либо формулы или определенной пропорции, которая обосновывала достижение конкретного военного результата.

Многие авторы высказывают разумные сомнения в том, что автономные системы вооружения смогут действовать в соответствии с данным принципом [6; 20]. Для следования этому правилу интеллектуальной системе воо-

оружения необходимо самостоятельно оценить соразмерность достигаемых результатов применения военной силы с потенциальными жертвами среди мирного населения. У автономной системы вооружения, чтобы следовать этой норме, должно быть четкое понимание того, когда ожидаемый ущерб гражданскому населению будет чрезмерным по отношению к полученному военному преимуществу. Это требует от интеллектуальной системы понимания военной стратегии, оперативных вопросов и тактики [15]. В настоящий момент интеллектуальные системы не могут самостоятельно понимать такую многоконтекстную среду с множеством связей и зависимостей, а следовательно, автономное оружие не сможет следовать этому принципу без помощи человека.

Несмотря на то, что автономная система не сможет самостоятельно понять соразмерность предполагаемого военного результата с потенциальными гражданскими жертвами, она это может сделать в рамках совместного с человеком принятия решений. В таком случае именно человек заранее будет определять границы применения автономного оружия, а оно самостоятельно будет действовать в условиях реального мира в рамках установленных границ. Таким образом, автономной системе не придется решать сложную для нее дилемму, и в то же время предварительное определение границ не снизит ее эффективность в рамках выполнения боевой задачи. Например, принимать решение об использовании автономного оружия в густонаселенном районе будет человек, оценивая потенциальные жертвы среди мирного населения в сравнении с предполагаемым достижением военной цели. В случае подобного использования в связке «человек — машина» автономные средства вполне могут соответствовать принципам военной необходимости (*necessity*) и соразмерности (*proportionality*).

Запрет на причинение излишних страданий (prohibition on causing unnecessary suffering), гуманность (humanity). Эти два принципа также лучше рассматривать вместе, так как они оба направлены на минимизацию страданий, причиняемых в ходе военных действий. Право на гуманное обращение является абсолютным и применяется не только к военнопленным

и гражданскому населению оккупированных территорий, но к жителям территорий, находящихся под контролем противника. Запрет на излишние страдания, в свою очередь, подразумевает, что запрещены к использованию виды оружия и методы его использования, которые вызывают избыточное причинение вреда и излишние страдания [5].

Оба принципа подразумевают что будут учитываться как биологические и психофизические, так и моральные особенности человека. Например, расстрел под угрозой смерти своих односельчан не связан с физическим страданием или пытками, но негуманен, так как вызывает существенные моральные страдания. В этом смысле, чтобы следовать этому запрету, необходимо не только понимать сущность человека и аспекты причинения стараний, но и понимать суть гуманного поведения.

Многие авторы сходятся во мнении, что в настоящее время и в ближайшем будущем роботы не смогут понимать основы гуманного поведения, и использование автономного оружия приведет к дегуманизации вооруженных конфликтов [6; 31; 32]. Следует согласиться с авторами, ведь сложный контекст термина «гуманность» понятен только для еще не созданного сильного искусственного интеллекта (от англ. strong AI) широкого профиля [33]. В настоящее время системам искусственного интеллекта доступны только узкие (от англ. narrow) специфичные задачи, а следовательно, ему сложно принимать выбор с учетом принципа гуманности.

Проблема с автономным оружием заключается и в том, что достаточно сложно оценить возможность соблюдения конкретной системой принципов и правил международного гуманитарного права в бою до того, как появится информация о первых нарушениях этих принципов. Несмотря на то, что отрасль разработки и эксплуатации вооружений жестко контролируется правительством, полностью отсутствует независимый общественный контроль. Таким образом, система, декларируемая как соответствующая принципам международного гуманитарного права, может на практике представлять угрозу для ведения войны в рамках правил.

Современным интеллектуальным системам, которые и являются ядром автономных систем вооружения, свойственна непрозрачность (от англ. opacity).

Непрозрачность условно можно разделить на три типа. Первый — это юридическая непрозрачность, когда алгоритм или автономная система защищены правом. В случае автономных систем доступ к их устройству ограничен не только правом интеллектуальной собственности (intellectual property law) и правом коммерческой тайны (trade secret law) [37], но и законами о защите военных и стратегических секретов. Доступ к устройству такой системы неуполномоченным лицом может быть рассмотрен как шпионаж, а корпорации, занимающиеся разработкой, даже имея такое намерение, не могут публиковать данные, представляющие военную тайну.

Другие два вида непрозрачности связаны с технической сложностью алгоритма или системы, принимающей решение. Во-первых, система может быть сложна для понимания без необходимых знаний в области математики и компьютерных наук [7]. Таким образом, даже если мы опубликуем материалы, которые объясняют принципы работы автономной системы вооружения, никто за пределом узкого круга специалистов ее не поймет. Во-вторых, система может быть настолько сложной, что ее понимание лежит за пределами человеческих возможностей [7]. Часто такую проблему обозначают как Black Box problem (проблема черного ящика), когда даже разработчик до конца не понимает, что происходит внутри системы. Более того, авторы сходятся во мнении, что «расшифровка черного ящика стала экспоненциально сложнее и более востребована. Технология (имеется ввиду ИИ) сама по себе стала более сложной и широко применимой» [8]. То есть проблема непрозрачности с каждым днем становится всё более острой.

Получается, что вопрос соответствия систем автономного вооружения международному гуманитарному праву может быть рассмотрен при накоплении достаточного опыта использования такого оружия в реальных условиях. Очевидно, что автономная система, предназначенная для функционирования в сложных полевых условиях, должна быть достаточно

сложной с точки зрения устройства. Таким образом, даже в случае длительной проверки в условиях реального боя система не застрахована от непредсказуемого поведения в силу высокой сложности ее устройства.

Подводя итоги, отметим, что нельзя сказать о несоответствии автономных систем вооружения принципам гуманитарного права в общем. Некоторые принципы, например, гуманизма, по сути, не предназначены для выполнения современными машинами. В то же время принцип проведения различия (от англ.

distinction) может исполняться автономным оружием даже лучше, чем оружием под контролем человека. По мнению автора, необходимо не запрещать автономное оружие, потому что оно не соответствует принципам международного гуманитарного права, а выработать правила его использования и участия человека в его функционировании. Существенным вызовом для разработки таких правил является непрозрачность автономных систем вооружения, если рассматривать их как сложную интеллектуальную компьютерную систему.

Литература

- Петрова Д.А., Гайворонская Я.В., Мамычев А.Ю. Смертоносные автономные системы: этические, юридические, политические проблемы и перспективы их решения // Территория новых возможностей. вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2019. — № 11(4). — С. 33–43.
- Adversarial image detection in deep neural networks. F. Carrara, F. Falchi, R. Caldelli et al. *Multimedia Tools and Applications*. 2018, pp. 1–21. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11042-018-5853-4>.
- Are Computers Already Smarter Than Humans? *Time*. URL: <https://time.com/4960778/computers-smarter-than-humans/>.
- Article 1. Views of the International Committee of the Red Cross (ICRC) on autonomous weapon system Convention on Certain Conventional Weapons (CCW). Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems 11–15 April 2016. URL: <https://www.icrc.org/en/download/file/21606/ccw-autonomous-weapons-icrc-april-2016.pdf>.
- Article 35, Protocol I. Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts of 8 June 1977.
- Asaro P. On banning autonomous weapon systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International Review of the Red Cross*. 2013, no. 94(886), pp. 687–709.
- Burrell J. How the machine “thinks”: Understanding. *Big Data & Society*. 2016, no. 3(1), pp. 1–12. DOI: 10.1177/2053951715622512.
- Castelvecchi D. Can we open the black box of AI? *Nature*. 2016. URL: <http://www.nature.com/nature/index.html>. DOI: 10.1038/538020a.
- China’s facial-recognition giant says it can crack masked faces during the coronavirus. URL: <https://qz.com/1803737/chinas-facial-recognition-tech-can-crack-masked-faces-amid-coronavirus/>.
- Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodes/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/4825657B0C7E6BF0C12563CD002D6B0B/FULLTEXT/GC-I-EN.pdf>.
- Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodes/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/2F5AA9B07AB61934C12563CD002D6B25/FULLTEXT/GC-II-EN.pdf>.
- Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodes/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/77CB9983BE01D004C12563CD002D6B3E/FULLTEXT/GC-III-EN.002.pdf>.
- Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodes/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/AE2D-398352C5B028C12563CD002D6B5C/FULLTEXT/AT-TXSYRB.pdf>.
- Convention on Certain Conventional Weapons (CCW). Meeting of experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS). Geneva, 11–15 April 2016. France opinion. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/httpAssets/5FD844883B46FEACC1257F8F00401FF6/\\$file/2016_LAWSMX_CountryPaper_France+CharacterizationofaLAWS.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/httpAssets/5FD844883B46FEACC1257F8F00401FF6/$file/2016_LAWSMX_CountryPaper_France+CharacterizationofaLAWS.pdf).
- Egeland K. Lethal Autonomous Weapon Systems under International Humanitarian Law. *Nordic Journal of International Law*. 2016, no. 85(2), pp. 89–118.
- Fran oise Hampson Military necessity in “Crimes of War” webpage, 2011. URL: <http://www.crimesofwar.org/a-z-guide/military-necessity/>.
- Fundamentals of IHL. URL: https://casebook.icrc.org/law/fundamentals-ihl#d_iii.
- Garcia D. Lethal artificial intelligence and change: The future of international peace and security. *International Studies Review*. No. 20(2), pp. 334–341.
- Gill S. Artificial Intelligence and International Security: The Long View. *Ethics & International Affairs*. 2019, no. 33(2), pp. 169–179.
- Grimal F., Sundaram J. Combat drones: Hives, swarms, and autonomous action? *Journal of Conflict and Security Law*. 2018, no. 23(1), pp. 105–135.
- Grudo G. Iron dome. *Air Force Magazine*. 2016, no. 99(4), pp. 48–51.
- IHL: general information. URL: https://www.redcross.ru/sites/default/files/books/mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo_obshchiy_kurs.pdf.
- Kellenberger J. Keynote Address. *International Humanitarian Law and New Weapon Technologies, 34th Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law*. San Remo. 8–10 September 2011. Pp. 5–6. URL: <http://www.ihl.org/ihl/Documents/JKBSan%20Remo%20Speech.pdf>.
- Nguyen H.G., Laird R., Kogut G. Land, sea, and air unmanned systems research and development at SPAWAR systems center pacific. *Proceedings of SPIE — The International Society for Optical Engineering*. No. 7332. 2009.

25. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/D9E6B6264D7723C3C12563CD002D6CE4/FULLTEXT/AP-I-EN.pdf>.
26. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), 8 June 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/AA0C5BCBAB-5C4A85C12563CD002D6D09/FULLTEXT/AP-II-EN.pdf>.
27. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Adoption of an Additional Distinctive Emblem (Protocol III), 8 December 2005. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/8BC1504B556D2F80C125710F002F4B28/FULLTEXT/AP-III-EN.pdf>.
28. Papernot N., McDaniel P., Goodfellow I. Practical black-box attacks against machine learning. *ASIA CCS 2017 — Proceedings of the 2017 ACM Asia Conference on Computer and Communications Security*. 2017, pp. 506–519.
29. Robust Physical-World Attacks on Deep Learning Visual Classification. K. Eykholt et al. *2018 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition*. Salt Lake City, 2018, pp. 1625–1634. DOI: 10.1109/CVPR.2018.00175.
30. Rosert E., Sauer F. Prohibiting Autonomous Weapons: Put Human Dignity First. *Global Policy*. 2019, no. 10(3), pp. 370–375.
31. Sharkey N. Saying “no!” to lethal autonomous targeting. *Journal of Military Ethics*. 2010, no. 9(4), pp. 369–383.
32. Szpak A. Legality of Use and Challenges of New Technologies in Warfare — The Use of Autonomous Weapons in Contemporary or Future Wars. *European Review*. 2020, no. 28(1), pp. 118–131.
33. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/jan/29/artificial-intelligence-strong-concern-bill-gates>.
34. US Department of Defense, Autonomy in Weapons Systems, Directive 3000.09. 21 November 2012.
35. Wang X., Chen X., Cao C. Human emotion recognition by optimally fusing facial expression and speech feature. *Signal Processing: Image Communication*. 2020, no. 84, 115831.
36. Weapons that would search for, identify and attack targets, including human beings, using lethal force without any human operator intervening (Norway). CCW Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS). 13–17 November 2017. General statement by Norway. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/DF861D82B90F3BF4C125823B00413F73/\\$file/2017_GGE+LAWS_Statement_Norway.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/DF861D82B90F3BF4C125823B00413F73/$file/2017_GGE+LAWS_Statement_Norway.pdf).
37. Wexler R. Life, Liberty, and Trade Secrets: Intellectual Property in the Criminal Justice System. *Stanford Law Review*. 2017, no. 1343. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2920883.
38. Wingo H. Beyond the loop: Can cyber-secure, autonomous Micro-UAVs stop active shooters? *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security*. ICCWS 2018, pp. 497–502.
39. Wirtz J.J. Innovation for seapower: U.S. Navy strategy in an age of acceleration. *Defense and Security Analysis*. 2020, no. 36(1), pp. 88–100.
40. Yearbook of international humanitarian law. 2016, vol. 19. Correspondents’ reports. URL: <https://asser.nl/media/3717/netherlands-yihl-19-2016.pdf>.

References

1. Petrova D.A., Gaivoronskaya Ya.V., Mamychev A.Yu. Deadly Autonomous systems: ethical, legal, political problems and prospects for their solution. *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2019, no. 11(4), pp. 33–43.
2. Adversarial image detection in deep neural networks. F. Carara, F. Falchi, R. Caldelli et al. *Multimedia Tools and Applications*. 2018, pp. 1–21. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11042-018-5853-4>.
3. Are Computers Already Smarter Than Humans? *Time*. URL: <https://time.com/4960778/computers-smarter-than-humans/>.
4. Article 1. Views of the International Committee of the Red Cross (ICRC) on autonomous weapon system Convention on Certain Conventional Weapons (CCW). Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems 11–15 April 2016. URL: <https://www.icrc.org/en/download/file/21606/ccw-autonomous-weapons-icrc-april-2016.pdf>.
5. Article 35, Protocol I. Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts of 8 June 1977.
6. Asaro P. On banning autonomous weapon systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International Review of the Red Cross*. 2013, no. 94(886), pp. 687–709.
7. Burrell J. How the machine “thinks”: Understanding. *Big Data & Society*. 2016, no. 3(1), pp. 1–12. DOI: 10.1177/2053951715622512.
8. Castelvechi D. Can we open the black box of AI? *Nature*. 2016. URL: <http://www.nature.com/nature/index.html>. DOI: 10.1038/538020a.
9. China’s facial-recognition giant says it can crack masked faces during the coronavirus. URL: <https://qz.com/1803737/chinas-facial-recognition-tech-can-crack-masked-faces-amid-coronavirus/>.
10. Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/4825657B0C7E6BF0C12563CD002D6B0B/FULLTEXT/GC-I-EN.pdf>.
11. Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/2F5AA9B07AB61934C12563CD002D6B25/FULLTEXT/GC-II-EN.pdf>.
12. Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/77CB9983BE01D004C12563CD002D6B3E/FULLTEXT/GC-III-EN.002.pdf>.
13. Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/AE2D-398352C5B028C12563CD002D6B5C/FULLTEXT/AT-TXSYRB.pdf>.
14. Convention on Certain Conventional Weapons (CCW). Meeting of experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS). Geneva, 11–15 April 2016. France opinion. URL: <https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/httpAssets/5FD8448>

- 83B46FEACC1257F8F00401FF6/\$file/2016_LAWSMX_CountryPaper_France+CharacterizationofaLAWS.pdf.
15. Egeland K. Lethal Autonomous Weapon Systems under International Humanitarian Law. *Nordic Journal of International Law*. 2016, no. 85(2), pp. 89–118.
 16. Fran oise Hampson Military necessity in “Crimes of War” webpage, 2011. URL: <http://www.crimesofwar.org/a-z-guide/military-necessity/>.
 17. Fundamentals of IHL. URL: https://casebook.icrc.org/law/fundamentals-ihl#d_iii.
 18. Garcia D. Lethal artificial intelligence and change: The future of international peace and security. *International Studies Review*. No. 20(2), pp. 334–341.
 19. Gill S. Artificial Intelligence and International Security: The Long View. *Ethics & International Affairs*. 2019, no. 33(2), pp. 169–179.
 20. Grimal F., Sundaram J. Combat drones: Hives, swarms, and autonomous action? *Journal of Conflict and Security Law*. 2018, no. 23(1), pp. 105–135.
 21. Grudo G. Iron dome. *Air Force Magazine*. 2016, no. 99(4), pp. 48–51.
 22. IHL: general information. URL: https://www.redcross.ru/sites/default/files/books/mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo_obshchiy_kurs.pdf.
 23. Kellenberger J. Keynote Address. *International Humanitarian Law and New Weapon Technologies, 34th Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law*. San Remo. 8–10 September 2011. Pp. 5–6. URL: <http://www.ihl.org/ihl/Documents/JKBSan%20Remo%20Speech.pdf>.
 24. Nguyen H.G., Laird R., Kogut G. Land, sea, and air unmanned systems research and development at SPAWAR systems center pacific. *Proceedings of SPIE — The International Society for Optical Engineering*. No. 7332. 2009.
 25. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/D9E6B6264D7723C3C12563CD002D6CE4/FULLTEXT/AP-I-EN.pdf>.
 26. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), 8 June 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/AA0C5B-CBAB5C4A85C12563CD002D6D09/FULLTEXT/AP-II-EN.pdf>.
 27. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Adoption of an Additional Distinctive Emblem (Protocol III), 8 December 2005. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/xsp/.ibmmodres/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl.nsf/504B556D2F80C125710F002F4B28/FULLTEXT/AP-III-EN.pdf>.
 28. Papernot N., McDaniel P., Goodfellow I. Practical black-box attacks against machine learning. *ASIA CCS 2017 — Proceedings of the 2017 ACM Asia Conference on Computer and Communications Security*. 2017, pp. 506–519.
 29. Robust Physical-World Attacks on Deep Learning Visual Classification. K. Eykholt et al. *2018 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition*. Salt Lake City, 2018, pp. 1625–1634. DOI: 10.1109/CVPR.2018.00175.
 30. Rosert E., Sauer F. Prohibiting Autonomous Weapons: Put Human Dignity First. *Global Policy*. 2019, no. 10(3), pp. 370–375.
 31. Sharkey N. Saying “no!” to lethal autonomous targeting. *Journal of Military Ethics*. 2010, no. 9(4), pp. 369–383.
 32. Szpak A. Legality of Use and Challenges of New Technologies in Warfare — The Use of Autonomous Weapons in Contemporary or Future Wars. *European Review*. 2020, no. 28(1), pp. 118–131.
 33. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/jan/29/artificial-intelligence-strong-concern-bill-gates>.
 34. US Department of Defense, Autonomy in Weapons Systems, Directive 3000.09. 21 November 2012.
 35. Wang X., Chen X., Cao C. Human emotion recognition by optimally fusing facial expression and speech feature. *Signal Processing: Image Communication*. 2020, no. 84. 115831.
 36. Weapons that would search for, identify and attack targets, including human beings, using lethal force without any human operator intervening (Norway). CCW Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS). 13–17 November 2017. General statement by Norway. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/DF861D82B90F3BF4C125823B00413F73/\\$file/2017_GGE+LAWS_Statement_Norway.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/DF861D82B90F3BF4C125823B00413F73/$file/2017_GGE+LAWS_Statement_Norway.pdf).
 37. Wexler R. Life, Liberty, and Trade Secrets: Intellectual Property in the Criminal Justice System. *Stanford Law Review*. 2017, no. 1343. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2920883.
 38. Wingo H. Beyond the loop: Can cyber-secure, autonomous Micro-UAVs stop active shooters? *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security*. ICCWS 2018, pp. 497–502.
 39. Wirtz J.J. Innovation for seapower: U.S. Navy strategy in an age of acceleration. *Defense and Security Analysis*. 2020, no. 36(1), pp. 88–100.
 40. Yearbook of international humanitarian law. 2016, vol. 19. Correspondents’ reports. URL: <https://asser.nl/media/3717/netherlands-yihl-19-2016.pdf>.

Выход из матрицы: возможен ли отказ от цифровых документов и идентификаторов личности в России

УДК 34(340)

Петрова Дарья Анатольевна

Кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: petrova.dan@dvfu.ru.

Мартьянов Никита Русланович

Студент, Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: martianov.nr@mail.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 06.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. Современная правовая политика России в отношении использования электронных средств идентификации личности достаточно авторитарна. Закономерно, что российское общество не всецело разделяет инициативу властей по оцифровыванию персональных данных ввиду различных опасений. К таким опасениям, прежде всего, относится недостаточная защищенность хранилища данных, а также императивное вмешательство государства в личную жизнь и использование персональных данных без согласия владельца. Несогласные с авторитарной правовой политикой граждане предпринимают попытки отказа от учета в системах идентификации личности. Выявить, возможен

ли подобный отказ на практике, — цель настоящей статьи.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой идентификатор личности, правовая политика, оцифровывание, УЭК, СНИЛС, ИНН

Цифровой век вызывает в основном приятные ассоциации у современного человека: быстрое получение информации через виртуальные поисковики; зарплата на банковскую карту и смс о пополнении счета; дистанционные технологии в обучении и работе; заказ товаров из любой точки планеты и много всего другого. Однако вместе с тем цифровизация имеет и иную более темную сторону — цифровые технологии предоставляют широкие возможности для тотального контроля со стороны государства.

Вместе с благами цифровизация привносит в жизнь человека максимальную прозрачность действий — скрыть какую-либо информацию о себе стало практически невозможно. А тех-

THE WAY OUT OF THE MATRIX: IS IT POSSIBLE TO REFUSE DIGITAL DOCUMENTS AND PERSONAL IDENTIFIERS IN RUSSIA

Petrova Darya Anatolevna

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University Law School; E-mail: petrova.dan@dvfu.ru.

Martyanov Nikita Ruslanovich

Student, Far Eastern Federal University Law School;
E-Mail: martianov.nr@mail.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 06.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The current legal policy of Russia regarding the use of electronic means of identification is quite authoritarian. It is natural that Russian society does not fully share the initiative of the authorities to digitize personal data due to various concerns. These concerns include, first of all, insufficient security of the data warehouse, as well as mandatory state interference in personal life and the use of personal data without the consent of the owner. Citizens who do not agree with the authoritarian legal policy make attempts to refuse registration in the identification systems. The purpose of this article is to determine whether such a refusal is possible in practice.

Keywords: digitalization, digital identity identifier, legal policy, digitization, UEC, SNILS, INN

нологии распознавания мимики, жестов, речи, изображения облегчают задачу правоохранительным органам, которым становится легче найти нарушителей. В зависимости от фантазии руководителей государства к нарушениям может быть отнесено всё, что угодно — от терроризма и несанкционированного митинга до «желания странного», по меткому выражению Стругацких [5]. Так, в новостном пространстве появилась сообщение о том, что в Москве нарушителей режима самоизоляции будут отслеживать при помощи систем видеонаблюдения с функцией идентификации лиц [6].

В условиях недоверия к руководству страны логично, что граждане стремятся минимизировать столь активную роль государства в своей жизни. В России появились целые сообщества, выступающие за отказ от использования персональных данных в государственных электронных системах и аннулирование документов, используемых при этом — СНИЛС, ИНН, банковских карт. Отказываясь от указанных документов, граждане не предполагают отказываться от социальных гарантий, предоставляемых государством — пенсий, всевозможных пособий, а также от заработной платы, получаемой от официального работодателя.

Ожидания граждан, изъявивших желание отказаться от документов, не являются беспочвенными, поскольку ст. 7 Конституции провозглашает Россию социальным государством, гарантирующим меры социальной защиты. Ст. 7 не ставит никакие условия, поэтому ограничение ее действия в отсутствие внятного разъяснения по ст. 55 Конституции может трактоваться как ущемление прав граждан и противоречие Конституции.

Недоверие к современной системе учета граждан сильно среди верующих граждан России. На волне недовольства Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в 2014 г. обратился к Президенту России с просьбой внести изменения в законодательные акты, которые позволили бы использовать традиционные документы, удостоверяющие личность, а также системы учета на бумажных носителях. Президент с пониманием отнесся к опасениям и высказал идею о том, что «любые формы принуждения людей к использованию электронных

идентификаторов личности, автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, личной конфиденциальной информации недопустимы» [14]. Вместе с тем отметил, что «представляется нецелесообразным полностью отказываться от документов нового поколения, содержащих электронные носители информации. Кроме того, граждане Российской Федерации, считающие удобным использование документов нового поколения, содержащих электронные носители информации, также должны иметь право выбора» [14]. Имеют ли граждане право выбора сейчас?

На практике тотальный перевод в цифровое поле навязывается населению без предоставления альтернативы, а несогласные с такой политикой лишаются гарантированного Конституцией права на социальное обеспечение и официальное трудоустройство.

В России введена в действие система индивидуального (персонифицированного) учета, в которой заводится индивидуальный лицевой счет — электронный документ, содержащий сведения о зарегистрированном лице, хранящиеся в информационных ресурсах Пенсионного фонда Российской Федерации [10]. В свою очередь номер этого индивидуального лицевого счета — страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС) — предназначен для обработки сведений о физическом лице в системе электронного учета, а также для идентификации и аутентификации сведений о физическом лице при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций [10].

СНИЛС как значимый идентификатор личности уже без привязки к муниципальным и государственным услугам упоминается в решении Верховного Суда по вопросу признания недействительными отдельных статей Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

Политика использования СНИЛС как идентификатора личности прослеживается в невозможности реализовывать свои права и совершать юридически значимые действия без предоставления указанного документа.

Так, значимость СНИЛС нашла отражение в трудовых отношениях. Новая редакция ст. 65 Трудового кодекса регламентирует список обязательных документов для заключения трудового договора, среди указанных документов значится СНИЛС. Таким образом, человек, пожелавший выйти из системы электронного учета, не сможет заключить трудовой договор, работодатель откажет в заключении договора по формальным основаниям. Оспаривать решение работодателя придется в судебном порядке.

Для заключения служебного контракта в соответствии со ст. 26 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» гражданин, поступающий на гражданскую службу, также представляет нанимателю СНИЛС и ИНН [8]. Для поступления на муниципальную службу СНИЛС и ИНН гражданин тоже представляет согласно ст. 16 ФЗ «О муниципальной службе в РФ» [9].

СНИЛС также в обязательном порядке требуется при подаче документов во всех государственных социальных программах: Материнский капитал, Обеспечение жильем молодых семей, так называемые новые Путинские пособия и т.д. Регламентами данных программ не предусмотрен случай отсутствия СНИЛС участников.

Без СНИЛС также невозможно начисление пенсии. Данный тезис подтвержден судебной практикой. Так, Железнодорожный суд г. Красноярска в своем решении по делу об аннулировании СНИЛС и выплате пенсии без этого документа признал факт того, что согласно нормам действующего законодательства начисление пенсии не производится при отсутствии номера лицевого счета. Заявитель, не желающая получать пенсию по документам, противоречащим ее религиозным убеждениям, вынуждена не получать пенсию вовсе [16].

Таким образом, можно говорить о том, что СНИЛС мыслится как документ первостепенной важности, который используется при аутентификации личности. Желание некоторых

людей отказаться от этого документа может быть понятно, но оставляет ли место законодатель отказу от него?

Граждане, решившие отказаться от СНИЛС, обращаются в региональные отделения Пенсионного фонда. Пенсионный фонд отвечает отказом на заявление, граждане требуют свое право через суд. Анализ судебной практики показывает, что суды не удовлетворяют иски об аннулировании номера индивидуального лицевого счета ввиду того, что эта процедура не предусмотрена законодательством. При этом даже несовершеннолетние граждане не освобождаются от заведения номера лицевого счета. Так, Октябрьский районный суд г. Екатеринбурга отказал в аннулировании СНИЛС несовершеннолетнего на основании того, что номер лицевого счета присваивается всем гражданам вне зависимости от возраста [15].

Суды также констатируют, что в случае противоречия религиозным убеждениям номер СНИЛС можно изменить, однако это показывает в некоторой степени невнимательность судей к предмету спора — истцы не хотят менять номер личного счета, вопрос ставится именно об аннулировании номера и изъятии данных гражданина из системы.

Рассматриваемая в настоящей статье судебная практика связана с исками граждан, которые опасаются тотального контроля со стороны государства. Все рассмотренные нами случаи обращения в суд также опираются на противоречие между религиозными убеждениями и навязываемой государством системой. В частности, граждане выступают против присвоения второго имени. Суды опровергают такие опасения фразой «СНИЛС носит технологический характер и используется только для хранения и обработки информации в базе данных персонифицированного учета» [2; 3; 15]. Однако суды не оговаривают того, что СНИЛС используется для идентификации и аутентификации личности. По сути, в системе хранится цифровой код, по которому устанавливают личность человека. Именно против чего борются протестующие — против приравнивания имени собственного к числовому значению.

Несмотря на то, что обязательность использования цифрового кода — идентификационного

номера налогоплательщика (ИНН) — не так строго регламентируется, как в случае со СНИЛС, вопрос о необходимости присвоения номера этого документа также является предметом споров. В частности, граждане выступают против хранения и использования информации о частной жизни лица без их на то согласия. В 2003 г. в Конституционный суд поступила жалоба на нормы, допускающие присвоение ИНН без согласия налогоплательщика, не соответствующие Конституции Российской Федерации, в частности ст. 17 (ч. 1 и 2), 24 (ч. 1) и 28 [12]. Конституционный Суд не принял дело к рассмотрению, поскольку счел, что дело не находится в его компетенции — процедура отмены или изменения ИНН регламентируется в Приказе Министерства Российской Федерации по налогам и сборам. А проверка соответствия Конституции правовых актов министерств и ведомств не входит в компетенцию Суда. Примечательно, что Армавирский городской суд, куда заявители первоначально направляли жалобу, признал факт нарушения конституционных прав и свобод, однако в удовлетворении требования отказал. Для заявителей круг практически замкнулся.

В России уже 10 лет ведутся разговоры о введении единого документа. Вначале осуществлялись попытки введения универсальной электронной карты (УЭК) — пластиковой карты, объединяющей в себе идентификационное и платежное средство. Универсальная электронная карта представляет собой материальный носитель, содержащий зафиксированную на нем в визуальной (графической) и электронной (машиносчитываемой) формах информацию о пользователе и обеспечивающий доступ к информации о пользователе картой. Предполагалось, что карта будет использоваться для удостоверения прав пользователя на получение государственных и муниципальных услуг, а также для совершения юридически значимых действий в электронной форме (согласно утратившей силу ст. 22 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ [11]). УЭК была введена с 01.01.2013, а прекращен выпуск и выдача данной карты с 01.01.2017.

17 июля 2019 г. вновь возобновилась работа над созданием единого документа. В Прави-

тельстве РФ было проведено совещание о внедрении электронного удостоверения личности гражданина Российской Федерации в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Д.А. Медведев: «Электронный паспорт — это обычное дело во многих странах, он себя неплохо зарекомендовал и с точки зрения удобства, и с точки зрения надежности. Такой документ упрощает взаимодействие с госорганами, получение государственных и коммерческих услуг». По завершении совещания М.А. Акимов, на тот момент Заместитель Председателя Правительства РФ, в ходе брифинга заявил, что в течение 2022 г. завершится выдача паспортов старого образца.

По словам Заместителя Правительства, люди, имеющие на руках бумажные паспорта и не желающие их менять — это привычно, удобно или просто в силу каких-то иных убеждений, — продолжат ими пользоваться. Данная карта будет выдаваться на срок 10 лет, она будет содержать в себе кроме стандартных паспортных данных водительские права, СНИЛС, ИНН [7].

В 2020 г. планировалось начать выпуск первых электронных удостоверений личности, был подготовлен проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 13 марта 1997 года № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина РФ на территории РФ», в котором указано, что с 1 марта 2020 г. на территории Москвы планируется провести данный эксперимент [13].

Однако есть опасения, что возможность выбора для граждан при оформлении электронных паспортов будет реализована так же, как и в отношении СНИЛС. И так ли распространена практика использования единого документа за рубежом?

Великобритания, например, в 2011 г. уничтожила все идентификационные карты и электронную базу данных, связанную с личной информацией граждан [18]. Подданные Великобритании не обязаны иметь какие-либо формы электронного учета, в качестве удостоверения личности используются обычный бумажный паспорт и права. Примечательно, что информация о недействительности идентификационной карты размещена в разделе «Правитель-

ство и демократия», что подчеркивает значимость мнения граждан для государства.

И Бундестаг, и Конституционный Суд Германии высказались против введения в действие единого документа универсального идентификатора личности. Однако в Германии всё же действует электронное удостоверение. Данная карта выдается добровольно и позволяет гражданам Германии получить доступ к государственным услугам, содержит электронную подпись, действует наряду с бумажным носителем и не может быть объединена с другими электронными сервисами [20].

Граждане Соединенных Штатов Америки также не пользуются единым идентификационным документом. Для удостоверения личности в США для граждан используются различные документы: свидетельство о рождении, водительские права, паспорт (его получение обязательно только при поездке за границу), идентификационная карта, свидетельство о гражданстве США. Ни один из перечисленных документов не совмещает в себе информацию о каком-либо еще документе, т.е. не является универсальным. Самым популярным идентификационным документом является водительское удостоверение, правила выдачи которого разнятся в каждом штате. Выдача документов, правила в отношении которых регламентирует Федерация, гражданами не приветствуется ввиду недоверия к хранению персональной информации и общего традиционного настроения в отношении федеральной власти.

В марте 2018 г. Верховный Суд Индии приступил к рассмотрению жалобы жителей о нарушении прав в связи с обязательным представлением идентификационных карт при получении социальных услуг (в том числе пособий) и незаконного сбора биометрических данных. Верховный суд констатировал, что Правительство не может ограничивать граждан в поступлении в школу, открытии банковского счета и получении номера мобильного телефона.

Таким образом, мы видим, что введение как идентификационного кода, так и единого универсального электронного документа является предметом острых дискуссий в мире. Правительство всё же лукавит, когда говорит, что введение этих документов — сложившаяся в мире практика. И надежность этого сервиса также

под большим вопросом. Так, 3 января 2018 г. пришла новость о том, что национальная база данных Индии, хранящая информацию о более чем 1,2 млрд индусов, взломана [19]. После нескольких случаев утечки данных доверие к такому хранению информации было подорвано.

Для авторитарных режимов введение единой идентификационной карты не является проблемой. Так, в Малайзии в сентябре 2001 г. она была введена в рамках программы MSC Malaysia, и с этого момента каждый гражданин Малайзии старше 12 лет обязан иметь при себе электронное удостоверение личности. Инициатором национальной программы с использованием ID карт MSC Malaysia стал бывший премьер-министр государства Dr Mahathir Mohamad. Цель программы — сделать Малайзию передовым информационным государством к концу 2020 г. На момент начала печати персональной идентификационной карты Малайзия стала первым государством, в котором использовалось инновационное решение: ID карта с фото гражданина и биометрической информацией (отпечаток пальца) на встроеном компьютерном чипе.

На данный момент кроме функции удостоверения личности и свидетельства о рождении MyKad служит в качестве водительского удостоверения, банковской карты, открытого ключа, а также может использоваться для работы с электронным кошельком. В общей сумме MyKad может использоваться в более чем 30 приложениях, включая программы лояльности, здравоохранения, транспорта и др.

В Малайзии существует несколько видов национальных карт: MyKid — для малазийских граждан в возрасте до 12 лет, включая новорожденных; MyPR — для постоянных жителей Малайзии; MyTentera — для личного состава Вооруженных сил Малайзии; MyPolis — для персонала Королевской полиции Малайзии [1].

В качестве вывода необходимо отметить, что, когда речь заходит о правовом регулировании цифровых явлений и технологий, обычно говорят о юридическом статусе непосредственно новых цифровых разработок. Прежде всего, речь идет об искусственном интеллекте и роботизированных системах [4; 17] или новых финансовых технологиях. Все эти

проблемы, безусловно, требуют тщательного изучения и осмысления. Однако указанные проблемы не оказывают существенного влияния на повседневную жизнь общества в России. Напротив, на наш взгляд, незаслуженно мало внимания уделяется тому моменту, что практически каждому гражданину России изо дня в день приходится сталкиваться с внедрением цифровых технологий. И не всегда по своей воле, а возможности отказа от электронной практики законодатель не предусматривает.

Авторитарная правовая политика цифровизации идет вразрез с ценностями, закрепленными в Конституции. Особенно печален тот факт, что при наличии позитивной зарубежной практики руководство страны выбирает путь развития авторитарных режимов. На наш взгляд, разработка норм, регламентирующих возможность отказа от электронной документации, является оптимальной государственной практикой для гарантии прав и свобод граждан.

Литература

1. ID-карты малазийских граждан [Электронный ресурс]. — URL: https://smart-card.ru/_news/id_170/ (дата обращения: 27.03.2020).
2. Дело № 2-2176/2008 Решение о признании отказа в аннулировании страхового индивидуального лицевого счета Центрального Районного суда г. Челябинска [Электронный ресурс] // Центральный районный суд г. Челябинска. — URL: http://centr.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=47.
3. Дело № 2-2176/2008 Решение о признании отказа в аннулировании страхового индивидуального лицевого счета Центрального Районного суда г. Челябинска [Электронный ресурс] // Центральный районный суд г. Челябинска. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RdSab2jrtWby/>.
4. Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 125–133.
5. Мир в цифровую эпоху: политика, право и экономика в XXI веке: Коллективная монография / А.Ю. Мамычев, Я.В. Гайворонская, Д.А. Петрова и др. — М.: РИОР: Инфра-М, 2020. — С. 70–80.
6. Нарушителей режима самоизоляции в Москве будут выявлять с помощью видеокамер [Электронный ресурс] // ТАСС. — URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftass.ru%2Fmoskva%2F8077289&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 31.03.2020).
7. О внедрении электронного удостоверения личности гражданина Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://government.ru/news/37379/> (дата обращения: 29.03.2020).
8. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
9. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
10. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
11. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ. — URL: <https://rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html> (дата обращения: 27.03.2020).
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Можнева Ивана Федоровича и коллективной жалобы граждан Гирдюк Татьяны Сергеевны, Маркеловой Людмилы Николаевны, Ращинской Галины Владимировны и других на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 7 статьи 84 Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 № 287-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44620/ (дата обращения: 31.03.2020).
13. Проект Указа Президента РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56710370/> (дата обращения: 29.03.2020).
14. Разъяснения Администрации Президента РФ о ходе рассмотрения законопроекта «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3561086.html> (дата обращения: 31.03.2020).
15. Решение № 2-5478/2018 2-5478/2018-М-4863/2018 М-4863/2018 от 9 ноября 2018 г. по делу № 2-5478/2018 Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2ULFzPfwUyHa/> (дата обращения: 31.03.2020).
16. Решение № М-3162/2013 2-4306/2013 2-4306/2013-М-3162/2013 от 21 октября 2013 г. Железнодорожного районного суда г. Красноярск [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RdSab2jrtWby/> (дата обращения: 31.03.2020).
17. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: Коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. — М.: РИОР, 2020. — 349 с.
18. Identity cards. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/identity-cards> (accessed 29 March 2020).
19. India's National ID Database With Private Information Of Nearly 1.2 Billion People Was Reportedly Breached. *BuzzFeed News*. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/pranavdixit/indias-national-id-database-with-private-information-of#.cigZdGpDp> (accessed 31 March 2020).
20. Overview of the German identity card project and lessons learned (2020 update). *Thales*. URL: <https://www.gemalto.com/govt/inspired/eid-in-germany> (accessed 31 March 2020).

References

1. ID cards of Malaysian citizens. *Smart-cards.ru*. URL: https://smart-card.ru/_news/id_170/ (accessed 27 March 2020).
2. Decision No. 2-2176/2008 on recognition of refusal to cancel the insurance individual personal account of the Central District court of Chelyabinsk. *Central district court of Chelyabinsk official web site*. URL: http://centr.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=47.
3. Decision No. 2-2176/2008 on recognition of refusal to cancel the insurance individual personal account of the Central District court of Chelyabinsk. *Central district court of Chelyabinsk official web site*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RdSab2jrtWby/>.
4. Mamychev A.Yu., Miroshnichenko O.I. Modeling the future of law: problems and contradictions of legal policy in the field of regulatory regulation of artificial intelligence systems and robotic technologies. *Legal policy and legal life*. 2019, no. 2, pp. 125–133.
5. *The world in the digital age: politics, law, and Economics in the twenty-first century. Collective monograph*. A.Yu. Mamychev, I.V. Gaivoronskaya, D.A. Petrova et al. Moscow: RIOR; Infram, 2020. 216 p.
6. Violators of the self-isolation regime in Moscow will be detected using video cameras. *TASS*. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftass.ru%2Fmoskva%2F8077289&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (accessed 31 March 2020).
7. About Implementation of the electronic identity card of the citizen of the Russian Federation. *Russian Federation Government news*. URL: <http://government.ru/news/37379/> (accessed 29 March 2020).
8. On the state civil service of the Russian Federation: Federal law no. 79-FZ of 27 July 2004. *ConsultantPlus*.
9. On municipal service of the Russian Federation: Federal law no. 25-FZ of 02 March 2007. *ConsultantPlus*.
10. On individual (personalized) accounting in the mandatory pension insurance system: Federal law no. 27-FZ of 01 April 1996. *ConsultantPlus*.
11. Organization of state and municipal services: Federal law no. 210-FZ of 27 July 2010. *ConsultantPlus*. URL: <https://rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html> (accessed 27 March 2020).
12. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizen Ivan F. Mozhnev and collective complaints of citizens Tatiana S. Girduc, Lyudmila N. Markelova, Galina Rashinski and others for violation of their constitutional rights the first paragraph of paragraph 7 of article 84 of the Tax code of the Russian Federation: the definition of the constitutional Court of the Russian Federation of 10 July 2003 № 287-O. *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44620/ (accessed 31 March 2020).
13. The draft decree of the President of the Russian Federation. *Garant*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56710370/> (accessed 29 March 2020).
14. Explanations of the Administration of the President of the Russian Federation on the progress of consideration of the draft law “On the main document certifying the identity of a citizen of the Russian Federation”. *Official website of the Moscow Patriarchate*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3561086.html> (accessed 31 March 2020).
15. Decision No. 2-5478/2018 2-5478/2018~M-4863/2018 M-4863/2018 of November 9, 2018 in case no. 2-5478/2018 of the Oktyabrsky district court of Yekaterinburg. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2ULFzPfwUhYa> (accessed 31 March 2020).
16. Decision No. M-3162/2013 2-4306/2013 2-4306/2013~M-3162/2013 from October 21, 2013 of Railway district court of Krasnoyarsk. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RdSab2jrtWby/15> (accessed 31 March 2020).
17. *Robots claim their rights: doctrinal and legal bases and moral and ethical standards for the use of Autonomous robotic technologies and devices: a collective monograph*. Ed. by A.Yu. Mamychev, A.Yu. Mordovtsev, G.V. Petruk. Moscow: RIOR. 2020. 349 p.
18. Identity cards. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/identitycards> (accessed 29 March 2020).
19. India’s National ID Database With Private Information Of Nearly 1.2 Billion People Was Reportedly Breached. *BuzzFeed News*. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/pranavdixit/indias-national-id-database-with-private-information-of#.cigZdGpDp> (accessed 31 March 2020).
20. Overview of the German identity card project and lessons learned (2020 update). *Thales*. URL: <https://www.gemalto.com/govt/inspired/eid-in-germany> (accessed 31 March 2020).

Правовые режимы защиты персональных данных в условиях цифровизации

УДК 34(340)

Петрова Дарья Анатольевна

Кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-Mail: petrova.dan@dvfu.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 06.04.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. Научно-исследовательской целью данной статьи является проблематизация правового регулирования работы с персональными данными и иной конфиденциальной информацией в условиях масштабной цифровизации. Предпринята попытка систематизации основных понятий, используемых при освещении темы информационной безопасности, таких как информация, типы защищаемых данных, утечка информации, типы и каналы утечек информации. Особое внимание уделено режиму безопасности персональных данных: определяются правовая база, особенности назначения санкций, пробелы и коллизии во взаимодействии законодательных актов. Автор приходит к выводу о недостаточности и противоречивости правового регулирования вопросов, связанных с персональными данными и утечками информации, в российском законодательстве.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, персональные данные, утечки информации

Как это ни парадоксально, но в век развития информационных технологий особую актуальность приобрел вопрос информационной безопасности. Перевод практически всех данных в цифровой формат привел к тому, что сохранить значимые сведения становится всё сложнее. Проблема актуальна на всех уровнях: на государственном, корпоративном и личном. Так, на государственном уровне, по словам бывшего министра связи и массовых коммуникаций России, только за один год страна подвергается кибератакам 57 млн раз [7]. Примеры с утечкой информации Сбербанк [16], Альфа-Банк [18], Apple и многих других также говорят о том, что корпорации также не защищены от виртуального взлома. Да и на личном уровне: кто из нас не отвечал с возмущением на телефонные звонки с предложениями записаться на бесплатную пробную процедуру чего-либо? Прежде чем погрузиться в анализ правового регулирования работы с персональными данными, необходимо

LEGAL REGIMES FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Petrova Darya Anatolevna

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University Law School; E-mail: petrova.dan@dvfu.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 06.04.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The research purpose of this article is to problematize the legal regulation of working with personal data and other confidential information in the context of large-scale digitalization. An attempt is made to systematize the main concepts used in covering the topic of information security, such as information, types of protected data, information leaks, types and channels of information leaks. Special attention is paid to the personal data security regime: the legal framework, features of sanctions, gaps and conflicts in the interaction of legislative acts are determined. The author concludes that there is insufficient and contradictory legal regulation of issues related to personal data and information leaks in Russian legislation.

Keywords: information, information security, personal data, information leaks

<i>Вид конфиденциальной информации</i>	<i>Назначение</i>	<i>Уточняющий НПА</i>
Тайна следствия	Данные предварительного расследования не подлежат разглашению без санкции прокурора, следователя и дознавателя	Ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса России
Коммерческая тайна	Сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны	Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»
Служебная тайна	Служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами	Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» как рамочный документ
Персональные данные	Любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)	Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ

определимся с некоторыми ключевыми понятиями, в частности, что именно подразумевается под информацией и защита какой именно информации регламентирована российским законодательством?

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, в том числе и в цифровом формате. Информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на общедоступную и на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа) [11].

В настоящий момент федеральным законодательством охраняются два типа информации — сведения, составляющие государственную тайну, и конфиденциальная информация.

Государственная тайна — защищаемые государством сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации [9]. Правовой

режим государственной тайны регламентируется Законом РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», Постановлением Правительства РФ от 22.08.1998 № 1003 «Об утверждении Положения о порядке допуска лиц, имеющих двойное гражданство, лиц без гражданства, а также лиц из числа иностранных граждан, эмигрантов и реэмигрантов к государственной тайне» и др.

К конфиденциальной информации, согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.12.2019), относятся следующие сведения (см. таблицу).

Данный список не является исчерпывающим, законом предусмотрено существование и иных видов конфиденциальной информации. В отношении всех этих сведений должен соблюдаться ограниченный доступ, однако нередко часть сведений выходит за рамки дозволенных границ хранения информации. В этом случае говорят об утечке информации.

Утечка информации — это неконтролируемое распространение информации за пределы организации, помещения, здания, какой-либо

территории, а также определенного круга лиц, которые имеют доступ к этой информации [12].

Говоря об утечке информации, прежде всего, анализируют каналы ее утечки. Канал утечки информации представляет собой совокупность источника (носителя информации), приемника информации (нарушителя), а также физической среды, по которой происходит распространение информации от источника к приемнику.

Каналы утечки информации, исходя из способов реализации угроз безопасности информации, можно классифицировать следующим образом:

- технические каналы утечки информации;
- несанкционированный доступ к информации;
- каналы утечки информации без использования технических средств.

Утечка информации по техническому каналу — неконтролируемое распространение информации от носителя защищаемой информации через физическую среду до технического средства, осуществляющего перехват информации. Несанкционированный доступ к информации — доступ к информации, осуществляемый с нарушением установленных прав и(или) правил доступа к информации с применением штатных средств информационной системы или средств, аналогичных им по своему функциональному назначению и техническим характеристикам [12].

Согласно ст. 14 Федерального закона «О государственной охране» одной из обязанностей органов государственной охраны является осуществление во взаимодействии с органами федеральной службы безопасности мер по противодействию утечке информации по техническим каналам [8].

Охватить все виды конфиденциальной информации и режимы их безопасности в одной статье не представляется возможным, поэтому в настоящей работе далее речь пойдет об обеспечении сохранности персональных данных.

Если сведения, составляющие государственную, служебную и коммерческую тайну, всегда были целью заинтересованных лиц, то атаки на записи пользовательских данных стали особенно актуальными после вхождения

в практику Big Data. С появлением новой практики возникли и новые игроки — информационные брокеры, или брокеры данных, — компании, специализирующиеся на сборе и продаже личных данных [17]. Особенно брокеры данных популярны в США, где нет специализированного закона о защите персональных данных. Компании составляют досье на человека из различных источников, отражая в нем уровень его дохода, предпочтения в еде, часто используемые сайты, круг знакомств в социальных сетях и т.д., а затем передают эту информацию заинтересованным организациям.

В работе А.И. Савельева содержатся наглядные иллюстрации применения практики информационных брокеров [15]. В частности, одним из наиболее наглядных примеров может являться деятельность сингапурского банка, службы которого отслеживали банковские транзакции, делали вывод о вкусах клиента и направляли ему индивидуальное предложение. Например, клиент расплатился в обеденный перерыв банковской карточкой рядом с улицей, где есть итальянский ресторан. У банка и ресторана заключено партнерское соглашение. Зная, что клиент предпочитает итальянскую еду, банк отправляет смс-уведомление со специальным предложением в этом заведении [15].

Нередко брокеры используют и закрытые данные почтовых учетных записей. В 2019 г. 14 млрд записей пользовательских данных оказались в открытом доступе, что вдвое больше чем в 2018 г., по сведениям Info Watch [17]. В начале декабря 2019 г. в азиатском сегменте Yahoo и Gmail были взломаны и размещены на удаленном сервере 2,7 млрд адресов электронной почты, к половине из этих адресов был и пароль [5]. Поскольку зачастую среди пользователей практикуется использование одного пароля для нескольких учетных записей, то под ударом оказывается информация и данные различных компаний со всего мира.

Утечки персональных данных не обошли стороной и все известные социальные сети. В 2019 г. самый громкий скандал произошел с Facebook, Twitter, LinkedIn и GitHub. По прогнозам специалистов экспертно-аналитического центра InfoWatch, в 2020 г. доля умышленных утечек информации будет только

расти. И основная причина этих утечек — слишком быстрый темп цифровизации [4], в связи с чем компании не успевают разработать эффективный механизм защиты данных.

Проблема сталкеров в Китае также приобретает актуальность в связи со строительством «умных городов», инфраструктура которых основывается на последних технологических разработках [14].

В России деятельность информационных брокеров ограничена Законом о защите персональных данных [10], который требует письменного согласия владельца на обработку информации. Однако, заполняя согласие на обработку при получении дисконтной карты, при подписке на новинки магазина, клиент может обнаружить в форме согласия пункт, позволяющий передавать данные третьим лицам. Это строчка позволит брокерам использовать данные клиентов в дальнейшем.

Каковы же санкции, предусмотренные за утечку персональных данных?

В отношении персональных данных законодатель выбрал бланкетный способ изложения правовых норм, регламентирующих ответственность за нарушение закона о защите персональных данных. Поэтому определить объем и меры ответственности можно, обратившись к Кодексу об административных правонарушениях и Уголовному кодексу.

Кодекс об административных правонарушениях разграничивает сбор данных в автоматизированной форме и неавтоматизированной. Невыполнение оператором обязанности по хранению, систематизации и накоплению информации влечет по п. 8 ст. 13.11 наложение штрафов для граждан от 30 до 50 тыс. руб., на должностных лиц — от 100 до 200 тыс. руб., на юридические лица — от 1 до 6 млн руб.

Ст. 272 Уголовного кодекса устанавливает санкции для лиц за неправомерный доступ к защищаемой информации, если доступ повлек за собой уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. Преступление наказывается штрафом (до 200 тыс. руб.), либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет. С использованием служебного положения

штраф возрастает до 500 тыс. руб, а ограничение свободы изменяется на срок до четырех лет.

Таким образом, можно говорить, что санкции за нарушения закона о защите персональных данных ощутимы, скорее, для граждан и среднего сегмента компаний, которые не располагают значимым количеством данных. Также нам видится по крайней мере две существенные проблемы реализации Закона при утечках персональных данных.

Во-первых, из сферы действия закона выпадает государственное использование фотографии или иного изображения гражданина по основаниям ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ. Так, указанная статья гласит, что согласие гражданина на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен) не требуется в случаях, когда:

1. Использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах.

2. Изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и др.), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

Второй случай имеет принципиальное значение в свете развития информационных технологий, поскольку именно в местах свободного посещения ведется видеосъемка с функцией распознавания лиц [2]. Логично предположить, что раз технология распознает лицо, сличая с изображением на видеосъемке, существует некая база изображений граждан. Информации о ней мало, и согласия как на обработку изображений, так и на их хранение гражданами не давалось. Таким образом, из-под действия закона о защите персональных данных выводится целый пласт данных. Также открытым остается вопрос о том, какова надежность места хранения изображений.

Интересным с точки зрения защиты персональных данных является заявление губерна-

тора Приморского края О.Н. Кожемяко об использовании тепловизоров для выявления граждан, нарушающих режим самоизоляции [3]. Согласно разъяснению Роскомнадзора [13] информация, получаемая при помощи тепловизора — температура, — также относится к персональным данным, и гражданин должен дать письменное согласие на обработку этой информации. Случай с измерением температуры не подходит под перечень случаев, когда письменное согласие не требуется. Также неясно, будет ли храниться эта информация и каким образом. Поэтому правомерность подобных распоряжений достаточно спорна с юридической точки зрения.

Недовольство граждан политикой государства в отношении применения личных данных уже вызвало судебное разбирательство. В Москве 7 октября 2019 г. гражданка Попова оспаривала действия московского Правительства по использованию технологии распознавания лиц в системе видеонаблюдения российской столицы. Гражданка требовала признать действия московского Правительства незаконными. Суд в удовлетворении иска отказал, однако оговорился, что система сравнивает изображение с видеокамеры с фотографией, которой располагает полиция. Дело направлено в апелляционную инстанцию.

Во-вторых, Закон о персональных данных не имеет экстерриториального действия. В условиях, когда утечка информации произошла по вине иностранного оператора (как, например, Facebook или Twitter), механизм защиты прав граждан действовать не будет. Российский закон о персональных данных всё же оговаривает свое действие в отношении иностранных компаний. Федеральный закон обязывает иностранные компании хранить сведения о россиянах на российских серверах. За отказ локализовать базы данных предполагался сначала штраф 3 000 руб., а в настоящий момент — 4 млн руб. Так,

были оштрафованы Facebook и Twitter [6]. Сумма штрафа, на наш взгляд, скорее, выглядит как легальная плата за сбор данных, поскольку никак не сопоставима с доходами названных компаний. За нарушение законодательства даже не предусмотрена блокировка иностранного оператора на территории России. Такая политика создает парадокс — ужесточаются правила в отношении российских компаний, но дается зеленый свет иностранным.

Иная практика сложилась в Европейском Союзе. Принятый в 2018 г. Общий регламент по защите данных как раз распространяет свое действие на всех операторов, которые обрабатывают персональные данные граждан ЕС, даже если эти компании не находятся на территории Союза. На основании процедуры Общего регламента за нарушение конфиденциальности данных были присуждены штрафы американским компаниям Google, Uber и Facebook в размере 50 млн евро в отношении каждого оператора.

В условиях, когда инновационные цифровые технологии и алгоритмические системы знают о нас сегодня значительно больше, чем мы о них, их влияние на нашу публичную и повседневную жизнь колоссально, государственная политика России в отношении защиты персональных данных противоречива [1]. Первое противоречие заключается в том, что государство ограничивает действие Закона о персональных данных. И сохранность государственного хранилища личных сведений вызывает больше вопросов, чем хранение данных в коммерческих компаниях. Второе противоречие связано с предоставлением карт-бланша иностранным компаниям по сбору информации. Слабо контролируя деятельность иностранных фирм по недопущению утечек информации, Закон о персональных данных не имеет никаких четких механизмов привлечения иностранных нарушителей к ответственности.

Литература

1. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — №4(29). — С. 320–324.
2. Воронов А. Их рассматривает полиция: Москва разворачивает общегородскую систему распознавания лиц [Электронный ресурс] // Коммерсант. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3819737> (дата обращения: 06.04.2020).
3. Выявлять массовые скопления людей будут дронами с тепловизорами [Электронный ресурс] // Новости Владивостока на VL.ru. — URL: <https://www.news1.ru/vlad/2020/04/05/189070/> (дата обращения: 06.04.2020).

4. Касперская Н. Утечки конфиденциальной информации: почему их все больше и как с ними бороться [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/opinions/7164059> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Крупнейший дамп в истории: 2,7 млрд аккаунтов, из них 773 млн уникальных данных [Электронный ресурс] // Хабр. — URL: <https://habr.com/ru/post/436420/> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Литвиненко Ю. Суд оштрафовал Twitter и Facebook за отказ перенести данные в Россию [Электронный ресурс] // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/02/13/822980-twitter> (дата обращения: 06.04.2020).
7. Министр связи РФ: государственная тайна в условиях кибератак охраняется очень надежно [Электронный ресурс] // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/politika/1487313> (дата обращения: 06.04.2020).
8. О государственной охране: Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=341973&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6522750962871502#018310521226940502> (дата обращения: 06.04.2020).
9. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303613&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7603249015120057#07814041078348657> (дата обращения: 02.04.2020).
10. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286959&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.514433496105853#09751787726001224>.
11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.12.2019) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339396&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.49790699943065#09569450375932171>.
12. Р 50.1.056-2005 Техническая защита информации. Основные термины и определения от 01.06.2006 [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200044768> (дата обращения: 02.04.2020).
13. Разъяснения Роскомнадзора «Особенности использования тепловизоров работодателями — операторами персональных данных — с целью предотвращения распространения коронавируса» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347310/ (дата обращения: 06.04.2020).
14. Русакова Е.П., Барулина В.П., Горбачева А.И. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных в условиях реализации компании по созданию «Умных городов» в Китае: недостатки закона о кибербезопасности // Социально-политические науки. — 2018. — № 5. — С. 201–206.
15. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 1. — С. 43–66.
16. Солдатских В., Горячева В. Клиенты Сбербанка попали на черный рынок [Электронный ресурс] // Коммерсант. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/4111863?from=main_1 (дата обращения: 06.04.2010).
17. Урманцева А. Переход на личное: в 2019 году утекло вдвое больше персональных данных [Электронный ресурс] // Известия из. — URL: <https://iz.ru/958561/annaurmantseva/perekhod-na-lichnoe-v-2019-godu-uteklo-vdvoe-bolshe-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 04.02.2020).
18. Чернышова Е. Данные клиентов Альфа-Банка утекли в Сеть [Электронный ресурс] // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/11/2019/5dbc07929a7947c6597cf70f>.

References

1. Baranov P.P., Mamyshev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. Rights and freedoms in the digital age: problems and perspectives the political and legal dynamics. *Baltic humanitarian journal*. 2019, no. 4(29), pp. 320–324.
2. Voronov A. They are considered by the police: Moscow is deploying a citywide facial recognition system. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3819737> (accessed 6 April 2020).
3. Drones with thermal imagers will detect mass concentrations of people. *Vladivostok news on VL.ru portal*. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2020/04/05/189070/> (accessed 6 April 2020).
4. Kasperskaya N. Leaks of confidential information: why there are more and more of them and how to deal with them. *TASS*. URL: <https://tass.ru/opinions/7164059> (accessed 4 February 2020).
5. The largest dump in history: 2.7 billion accounts, including 773 million unique data. *Habr*. URL: <https://habr.com/ru/post/436420/> (accessed 4 February 2020).
6. Litvinenko Yu. The court fined Twitter and Facebook for refusing to transfer data to Russia. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/02/13/822980-twitter> (accessed 6 April 2020).
7. Minister of communications of the Russian Federation: state secrets are protected very reliably in the conditions of cyberattacks. *TASS*. URL: <https://tass.ru/politika/1487313> (accessed 6 April 2020).
8. About the state protection: Federal law from 27.05.1996 No. 57-FZ (ed. from 27.12.2019). *ConsultantPlus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=341973&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6522750962871502#018310521226940502> (accessed 6 April 2020).
9. On state secrets: Law of the Russian Federation No 5485-1 from 21.07.1993 (ed. from 29.07.2018). *ConsultantPlus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303613&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7603249015120057#07814041078348657> (accessed 2 April 2020).
10. On personal data: Law of the Russian Federation from 27.07.2006 No 152-FZ (ed. from 31.12.2017). *ConsultantPlus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286959&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.514433496105853#09751787726001224>.
11. On information, information technologies, and information protection: Law of the Russian Federation from 27.07.2006 No 149-FZ (ed. from 02.12.2019) (with ed. and add., Intro. effective from 13.12.2019). *Consultant plus*.
12. Rosstandart recommendation No. Р 50.1.056-2005 Technical protection of information. Basic terms and definitions from 01.06.2006. *Electronic Fund of legal, regulatory and technical documentation*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200044768> (accessed 2 April 2020).

13. Roskomnadzor clarifications “Features of the use of thermal imagers by employers — operators of personal data — in order to prevent the spread of coronavirus”. *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347310/ (accessed 6 April 2020).
14. Rusakova E.P., Barulina V.P., Gorbacheva A.I. Problems of ensuring the confidentiality of personal data in the context of the implementation of the campaign to create “Smart cities” in China: shortcomings of the law on cybersecurity. *Social and political sciences*. 2018, no. 5, pp. 201–206.
15. Savelev A.I. Problems of application of legislation on personal data in the era of “Big data”. *Law. Journal of the Higher school of Economics*. 2015, no. 1, pp. 43–66.
16. Soldatskih V., Goryachev V. Clients of Sberbank was sold on the black market. *Kommersant*. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4111863?from=main_1 (accessed 6 April 2010).
17. Urmantseva A. Transition to personal: in 2019, twice as much personal data leaked. *Izvestia iz*. URL: <https://iz.ru/958561/anna-urmantseva/perekhod-na-lichnoe-v-2019-godu-uteklo-vdvoe-bolshe-personalnykh-dannykh> (accessed 4 February 2020).
18. Chernyshova E. Data of Alfa-Bank clients leaked to the Network. *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/11/2019/5dbc07929a7947c6597cf70f>.

Организованная киберпреступность в современных условиях цифровой трансформации социальных отношений

УДК 34(340)

Лобач Дмитрий Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Институт права; E-mail: dimaved85@mail.ru.

Смирнова Евгения Александровна

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права, Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: smirnova.ea@dvfu.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 13.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. В статье исследуется феномен организованной киберпреступности в современных условиях цифровой трансформации социальных отношений. Авторы отмечают, что несмотря на отсутствие в правовой науке и в практической сфере единообразного понимания организованной киберпреступности (organised cybercrime), что, соответственно, предопределяет проблему концептуализации организованной преступности в киберпространстве, все-таки представляется возможным выделить и проанализировать характерные особенности данного явления в условиях цифровой трансформации социальных отношений.

Ключевые слова: социальная трансформация социальных отношений, цифровизация, киберпреступность, киберугрозы, преступность, организованная преступность, цифровые риски, информационно-коммуникативные технологии

В условиях интенсивного развития сквозных (дизруптивных) информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) и их широкой интеграции в различных сферах жизни общества происходит качественное изменение социальных отношений, которое выражается в появлении новых институциональных форм взаимодействия, цифровизации целых сегментов социальной организации и публичной власти, трансформации ценностных ориентиров, что в конечном счете приводит к амбивалентным последствиям. С одной стороны, интегративное использование ИКТ повышает эффективность управления, снижает риски наступления небла-

ORGANIZED CYBERCRIME IN MODERN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL RELATIONS

Lobach Dmitry Vladimirovich

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Institute of Law; E-mail: dimaved85@mail.ru.

Smirnova Evgeniya Aleksandrovna

PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Labor and Environmental Law, Far Eastern Federal University, Law School; E-mail: smirnova.ea@dvfu.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 13.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. The article examines the phenomenon of organized cybercrime in modern conditions of digital transformation of social relations. The authors note that despite the lack of a uniform understanding of organized cybercrime in legal science and in practice, which, accordingly, determines the problem of conceptualization of organized crime in cyberspace, it is still possible to identify and analyze the characteristic features of this phenomenon in the context of digital transformation of social relations.

Keywords: social transformation of social relations, digitalization, cybercrime, cyber threats, crime, organized crime, digital risks, information and communication technologies

гоприятных последствий, уменьшает транзакционные издержки и способствует консолидации социальных структур в информационном пространстве в решении актуальных проблем. В этом аспекте справедливо отмечается, что в современных условиях создается цифровое общество, сопровождаемое глубокими и качественными преобразованиями, которые захватывают все отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, торговлю, сферу услуг), также разные сферы жизни человека (личную, семейную, общественную) [5, с. 25]. Кроме того, наблюдается рост интеллектуально-волевых возможностей (познавательный потенциал) относительно переработки информации посредством использования ИКТ в различных сферах деятельности, что порождает изменение структуры мыслительной деятельности [4, с. 17–33]. С другой стороны, быстрое развитие и широкое распространение ИКТ также предопределяет новые и нарождающиеся угрозы в отношении собственности, жизни и здоровья человека, публичных интересов общества и государства. Одной из таких угроз, актуализированных в условиях так называемой четвертой промышленной революции, выступает киберпреступность. О высокой общественной опасности данной угрозы свидетельствует следующая репрезентативная картина киберпреступности по состоянию на 2019 г., составленная на основании открытых информационных источников.

Прежде всего необходимо отметить, что за период 2009–2018 гг. наблюдается экспоненциальный рост количества заражений вредоносным программным обеспечением. Так, если в 2009 г. было зарегистрировано 12,4 млн инцидентов, то уже в 2010 г. — 29,97 млн, в 2011 г. — 48,17 млн, в 2012 г. — 82,62 млн, в 2013 г. — 165,81 млн, в 2014 г. — 308,96 млн, в 2015 г. — 452,93 млн, в 2016 г. — 580,40 млн, в 2017 г. — 702,06 млн и в 2018 г. было зарегистрировано 812,67 млн соответствующих фактов заражения [24]. В целом темпы прироста за указанный десятилетний период составили около 6553%.

В соответствии с экспертными оценками, представленными разными организациями, осуществляющими мониторинг кибербезопасности в мире, по состоянию на 2020 г. 59%

компаний в США и Великобритании сообщили о нарушениях компьютерной безопасности со стороны третьих лиц, при этом в 35% случаев было отмечено, что управление рисками со стороны третьих лиц были высокоэффективными. Нарушения конфиденциальности данных увеличились с 2006 по 2019 г. на 160%. Наблюдается тенденция совершения хакерских атак на малый бизнес (43% кибератак направлены на учреждения малого бизнеса). Ежедневно производится 230 000 новых образцов вредоносного программного обеспечения, и в ближайшей перспективе их количество будет увеличиваться [14]. Хакерские атаки становятся всё более сложными и опасными, из-за чего компаниям часто требуется более шести месяцев для обнаружения утечки данных [23]. По данным Федерального бюро расследований более 4000 кибератак, связанных с вымогательством, происходят каждый день, а общая оценка ущерба, связанного с этими атаками, составляет 11,5 млрд долларов по состоянию на 2019 г. [19]. Экономические подсчеты, связанные с ущербом и издержками, которые, возможно, возникнут в результате совершения кибератак на объекты критической инфраструктуры, показывают, что в ближайшее время кибератаки могут привести к убыткам до 3 трлн долларов, в то время как восстановительные работы, проводимые после совершения киберпреступлений, оцениваются от 375 до 575 млрд долларов в год. По оценкам Центра исследования риска им. Ллойда и Кембриджского университета, отключение электроэнергии из-за кибератаки на электрические сети США обойдется государству в сумму от 243 млрд до 1 трлн долларов США, а также окажет значительное влияние на смертность, а Центр стратегических и международных исследований оценил вероятные ежегодные затраты по восстановлению и ремонту поврежденных от кибертерроризма систем и убытки от экономического шпионажа в масштабах мировой экономики в размере более 445 млрд долларов [15, с. 265–266].

Сложившаяся ситуация в области кибербезопасности, характеризуемая количественными (в части увеличения общего количества атак) [20] и качественными факторами (в части эво-

люционирующего хакерского инструментария), угрожающими состоянию безопасности информационных систем, предполагает постановку вопроса о возможном организационном усложнении киберпреступности до уровня организованной криминальной кооперации в киберпространстве, что, соответственно, предполагает выработку оптимального концепта «организованная киберпреступность» (organised cybercrime), так как понятийная характеристика данного явления поможет представить масштабы угрозы (правда, в релевантном фокусе), которую несет это явление, пути и тенденции развития этого явления, а также детерминистский комплекс, обуславливающий возникновение и существование организованной киберпреступности как специфического проявления более широкого феномена, каким выступает транснациональная организованная преступность.

Прежде всего необходимо отметить, что концептуально-правовое раскрытие данного феномена немисливо без определения киберпреступности как родового понятия. Несмотря на то, что в системе международного уголовного права всё еще не принята единая (универсальная) конвенция о киберпреступности, хотя необходимость в таковой уже давно назрела, понятие киберпреступности становится возможным вывести из анализа трех региональных конвенций, составляющих конвенционный механизм противодействия компьютерным преступлениям.

В первую очередь необходимо отметить Конвенцию Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS № 185) от 23 ноября 2001 г. [8]. В рамках данного документа все компьютерные преступления подразделяются на четыре группы: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (в частности, противозаконный доступ; неправомерный перехват; воздействие на данные; воздействие на функционирование системы; противозаконное использование устройств); преступления, связанные с использованием компьютерных средств (в частности, подлог с использованием компьютерных технологий; мошенничество с ис-

пользованием компьютерных технологий); преступления, связанные с содержанием данных, в частности, противоправные деяния, связанные с детской порнографией; правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

В более широком диапазоне преступления против компьютерной информации находят свое отражение в Конвенции Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных» от 27 июня 2014 г. [7]. По смыслу данной конвенции к киберпреступлениям были отнесены атаки на компьютерные системы (шесть составов преступлений); атаки на компьютерную информацию (шесть составов преступлений); преступления, связанные с содержанием компьютерной информации (восемь составов преступлений, связанных главным образом с детской порнографией и экстремизмом); преступления, связанные с электронными сообщениями; имущественные преступления, совершаемые через использование информационно-коммуникационных технологий (четыре состава преступлений).

В крайне усеченном варианте представлены компьютерные преступления в Соглашении о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 2001 г. В соответствии со ст. 3 соглашения к компьютерным преступлениям относятся совершенные умышленно следующие деяния: а) осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети; б) создание, использование или распространение вредоносных программ; в) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред или тяжкие последствия; г) незаконное использование программ для ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторского права,

а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб.

В срезе традиционного криминологического понимания преступности и с учетом положений вышеуказанных конвенций киберпреступность можно определить как исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой всю совокупность преступлений в сфере информационных технологий, посягающих на безопасность информационных систем и угрожающих конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, здоровью населения и общественной нравственности, а также общественным отношениям, возникающим в связи с осуществлением правомочий собственника и в сфере реализации авторских и смежных прав, совершенных в информационно-коммуникационном пространстве в определенный период времени. В свою очередь обобщение доктринальных позиций относительно выработки определения организованной преступности [3, с. 25; 10, с. 37–41; 11, с. 61–90; 1, с. 24–31; 21; 18, с. 63–83] в контекстуальной привязке к предложенному выше понятию киберпреступности позволяет сформулировать концептуальное определение организованной киберпреступности как негативное социальное явление, представляющее собой организованную преступную деятельность в киберпространстве, которая проявляется в совершении множества преступлений в сфере информационных технологий (киберпреступлений) на криминально-профессиональной основе в целях получения прямых или косвенных финансовых или материальных выгод лицами, объединенным в организованные, законспирированные преступные формирования сетевого характера. Справедливости ради также следует признать, что данное определение никоим образом не может претендовать на универсальность, так как в правовой науке и практической сфере отсутствует единообразное понимание организованной киберпреступности (*organised cybercrime*), а различные дискурсивные аспекты повествования о данном явлении предопределяют проблему концептуализации организованной преступности в киберпространстве [22, с. 289]. Поэтому, отказы-

ваясь в целом от механической экстраполяции признаков релевантного определения организованной преступности на криминальную деятельность, осуществляемую в киберпространстве, представляется возможным и целесообразным охарактеризовать особенности организованной киберпреступности в современных условиях с учетом специфики криминальной кооперации в интернет-пространстве.

Во-первых, проявление организованной преступности в киберпространстве связано с возникновением новых криминальных рынков. В специальной литературе и ведомственных отчетах неоднократно отмечалось, что разработки в области информационных технологий, а именно использование криптовалют, программного обеспечения для шифрования и защитных браузеров (например, The Onion Router), способствуют развитию так называемых теневых веб-рынков в сокрытой части Интернета (даркнет) [26, с. 347]. Организованную криминальную деятельность в даркнете, связанную с расширением теневых веб-рынков, можно проиллюстрировать на примере двух таких торговых площадок, как AlphaBay и Silk Road, которые осуществляли торговые операции относительно незаконных товаров и услуг (например, наркотики, краденные банковские карты, поддельные документы, средства хакерских атак, оружие и др.). Торговую площадку AlphaBay использовали в различных целях более 400 000 подписчиков [17], а ежедневный оборот от торговых операций оценивался от 600 000 до 800 000 долларов [16]. Анализ деятельности площадки Silk Road за два с половиной года ее существования позволил американским правоохранительным органам оценить оборот денежных средств в зависимости от курса биткоина на общую сумму от 200 млн до 1,2 млрд долларов [12, с. 180–181]. Общий доход от этих продаж составил 9 519 664 биткоинов, и общая комиссия, собранная Silk Road от продаж, составила 614 305 биткоинов. За указанный период было совершено около 1 229 465 транзакций на сайте с участием 146 946 счетов покупателей и 3877 учетных записей поставщиков [25].

Во-вторых, организованная киберпреступность представляет собой сложную многоэтап-

ную деятельность, ориентированную на обогащение. Осуществление современных кибератак предполагает длительный, поэтапный процесс достижения преступной цели, что обуславливает необходимость распределения функциональных ролей и согласования общей стратегии преступной кооперации. В сущности, кибератака (целевая атака) представляет собой непрерывный процесс несанкционированной активности в инфраструктуре атакуемой системы, удаленно управляемый в реальное время вручную и ориентированный на преодоление конкретных механизмов безопасности [2].

В этом плане необходимо отличать спонтанно создаваемые небольшие законспирированные группы пользователей Интернета (сообщества педофилов, самоубийц, экстремистов), занимающиеся противоправной деятельностью без ориентации на извлечение прибыли, от устойчивых, сложных сетевых форм криминальной кооперации, которые стремятся к получению прямых или косвенных материальных или финансовых выгод.

Сложный характер организованной криминальной деятельности выражается в поэтапном совершении операциональных действий в модели общего алгоритма при ролевой и функциональной дифференциации прилагаемых усилий. Проиллюстрировать сказанное можно на примере анализа современных кибератак, совершаемых в условиях сетевого сговора в целях обогащения.

В первую очередь кибератака начинается с разведывательной деятельности (стадия разведки). Данная стадия предполагает выбор компании-жертвы, оценку ее системы информационной безопасности, поиск неизвестных уязвимостей в системе организации, применение методов социальной инженерии в целях составления «троянского» письма.

На втором этапе происходит разработка и выбор оптимального с позиции оценки поставленной задачи и прогнозируемых мер противодействия инструментариям предстоящей кибератаки. Современные средства проведения кибератак охватывают внушительный диапазон различных зловредных программных средств, среди которых прежде всего следует отметить фишинг (вид интернет-мошенничества, целью

которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователя), троян (тип вредоносных программ, основной целью которых является вредоносное воздействие по отношению к компьютерной системе), DDoS-атака (поток ложных запросов, который пытается заблокировать выбранный ресурс либо путем атаки на канал связи, который забивается огромной массой бесполезных данных, либо атакой непосредственно на сервер, обслуживающий данный ресурс), ботнет (сам компьютер с вредоносным программным обеспечением, дающим возможность злоумышленнику выполнять некие действия с использованием ресурсов зараженного ПК), бэкдор (программа или набор программ, которые устанавливает взломщик (хакер) на взломанном им компьютере после получения первоначального доступа с целью повторного получения доступа к системе), червь (тип вредоносных программ, распространяющихся по сетевым каналам, способных к автономному преодолению систем защиты автоматизированных и компьютерных систем, а также к созданию и дальнейшему распространению своих копий, не всегда совпадающих с оригиналом, осуществлению иного вредоносного воздействия), вирус-вымогатель (программы-вымогатели представляют проблему для предприятий, образовательных учреждений и системы здравоохранения), вредоносная программа (компьютерная программа или переносной код, предназначенный для реализации угроз информации, хранящейся в компьютерной системе, либо для скрытого нецелевого использования ресурсов системы, либо иного воздействия, препятствующего нормальному функционированию компьютерной системы), руткин (программа или набор программ, использующих технологии сокрытия системных объектов (файлов, процессов, драйверов, сервисов, ключей реестра, открытых портов, соединений и пр.) посредством обхода механизмов системы) [6].

Третий этап кибератаки охватывает проникновение зловредных программных средств в сеть организации. Эта стадия во многом коррелирует с первым этапом, так как в большинстве случаев проникновение происходит посредством распространения «троянского» письма через сотрудника организации, который ранее на стадии

разведки был предельно подробно изучен (используя методы социальной инженерии выявляются его функциональные задачи, информационные предпочтения и досуговые увлечения). Троянские письма, как правило, содержат вложения (документы, архивы, списки) или же ссылки к скрытой вредоносной программе.

Четвертый этап предполагает взлом системы посредством активирования вредоносной программы и установления последующего контроля над нею. Вредоносная программа начинает собирать информацию о системных характеристиках и программном обеспечении зараженного компьютера. При этом несанкционированное присутствие может продолжаться длительное время.

На заключительном этапе происходит непосредственное причинение вреда и сокрытие следов противоправной деятельности. Причинение вреда, как правило, выражается в материальном (например, хищение денежных средств или криптовалюты, вывод из строя объектов инфраструктуры, упущенная выгода), информационном (копирование конфиденциальных данных) или репутационном ущербе (снижение рейтинга компании, вызванное недоверием со стороны потребителей). В отдельных случаях несанкционированное проникновение в систему может и не сопровождаться наступлением какого-либо ущерба. Данные ситуации становятся возможными, когда такое проникновение осуществляется ради праздного любопытства, в целях проверки надежности взламываемой системы или чтобы прославиться.

В-третьих, организованная киберпреступность представляет собой сложный анонимный конгломерат социальных связей при широкой ролевой и функциональной дифференциации. При этом ролевая и функциональная дифференциация при общей координации в преступной деятельности заключается в распределении обязанностей и полномочий среди участников преступного сговора в зависимости от определенного этапа (стадии) криминальной деятельности. Вместе с тем усложнение функционального содержания современных кибератак предполагает объединение различных лиц, обладающих необходимыми знания-

ми и навыками в области программирования, на основании их специализации, что предполагает подразделение хакеров по видам специализации. Например, выделяют кракеров (лица, занимающиеся взломом прикладного программного обеспечения в целях дальнейшей его эксплуатации), вирусописателей (лица, занимающиеся созданием вредоносных программ и кодов), спамеров (лица, которые занимаются рассылкой бесполезных электронных писем), кардеров (лица, занимающиеся нелегальным получением номеров кредитных карт и сведений об их владельцах), фрикеров (лица, осуществляющие взлом телефонной сети для того, чтобы в дальнейшем осуществлять бесплатные телефонные звонки).

В дальнейшем, если кибератака возымела успех, то возникает потребность в обналаживании денежных средств, в связи с чем в преступную деятельность вовлекаются посредники (так называемые мулы), которые за определенное вознаграждение берут на себя риски перемещения этих средств до обозначенного места. В случае, если полученные средства не используются в дальнейшей криминальной деятельности, то актуализируется потребность в их легализации, а как следствие — привлекаются специалисты в этой сфере.

В-четвертых, учитывая тот факт, что противоправная деятельность осуществляется в интернет-пространстве, которое априори является коммуникационной средой, где происходят перманентные процессы трансграничного оборота информации, закономерно сделать допущение о транснациональном характере рассматриваемого явления.

Транснациональный характер преступной деятельности нормативно определен в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [9]. Ч. 2 ст. 3 этого документа закрепляет, что транснациональный характер преступления определяется через одну из следующих ситуаций: преступление совершено в более чем одном государстве; преступление совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; преступление совершено в одном го-

сударстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; преступление совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

В-пятых, обязательным условием для идентификации организованной киберпреступности является ее сетевой характер. Киберпреступления представляют собой криминальные акты, которые совершаются посредством компьютерных систем или сетей, а также в самих системах или сетях либо в отношении этих объектов. Кроме того, сетевой характер киберпреступности означает особую модель сетевой организации хакеров, функциональное взаимодействие между которыми осуществляется на горизонтальной основе при общей координации.

В заключение следует отметить, что интенсификация киберпреступности, а также ее организационно-функциональное усложнение во многом обусловлены появлением и опережаю-

щим развитием информационно-коммуникативных технологий, активным их внедрением в системы публичного управления и социального взаимодействия [13]. Киберпреступность перестает быть экзотической девиацией со стороны энтузиастов, обладающих особыми знаниями и необходимыми навыками в области программирования, как это было ранее, напротив, преступления в сфере информационных технологий теперь совершаются как организованное предприятие по извлечению сверхприбылей в интернет-пространстве. Если первоначально хакерство, как девиантное поведение в информационном пространстве, осуществлялось людьми, которые направляли свои усилия не только на достижение противоправных целей, но также и на освоение чего-то нового (например, выявление в системе мест уязвимостей, проба своих сил, изучение алгоритмов безопасности), то в современных условиях за преступными действиями стоит организованный криминальный бизнес.

Литература

1. Абадинский Г. Организованная преступность. Пер. с англ. — СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 2002. — 688 с.
2. Анатомия таргетированной атаки [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/>.
3. Годунов И.В. Организованная преступность от расцвета до заката: Учебное пособие для вузов. — 2-е изд., расш. — М.: Академический Проспект, 2008. — 613 с.
4. Гриншкун В.В. Развитие интегративных подходов к созданию средств информатизации образования: дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.02: защищена 18.02.2005. — М., 2004. — 554 с.
5. Катасонов В.Ю. Цифровые финансы. Криптовалюты и электронная экономика. Свобода или концлагерь? — М.: Книжный мир, 2017. — 320 с. — Серия «Финансовые хроники профессора Катасонова».
6. Кибератаки [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B8>.
7. Конвенция Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных» (Малабо, 27 июня 2014 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity_capacity/system/files/African%20Union%20Convention%20on%20CyberSecurity%20%26%20Personal%20Data%20Protection_1.pdf.
8. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/4089723/>.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
10. Попов В.И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом. — М.: Изд-во СГУ, 2007. — 581 с.
11. Топильская Е.В. Организованная преступность. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. — 256 с.
12. Уэйнрайт Т. Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель / Пер. с англ. Г. Михайлова. — М.: Изд-во «Пальмира», 2018. — 271 с.
13. Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения. Обзор сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. / А.И. Овчинников, О.В. Ахрамеева, С.А. Воронцов и др. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2019. — № 2. — С. 111–122.
14. 24 Cybersecurity statistics that matter in 2019. URL: <https://preyproject.com/blog/en/24-cybersecurity-statistics-that-matter-in-2019/>.
15. Akhgar B., Brewster B. Combatting Cybercrime and Cyberterrorism. *Challenges, Trends and Priorities*. Springer International Publishing Switzerland. 2016, 325 p.
16. AlphaBay, Biggest Online Drug Bazaar, Goes Dark, and Questions Swirl. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/06/business/dealbook/alphabay-online-drug-bazaar-goes-dark.html>.
17. Cimpanu C. *AlphaBay Dark Web Market Taken Down After Law Enforcement Raids*. URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/alphabay-dark-web-market-taken-down-after-law-enforcement-raids/>.
18. Finckenaue J.O. Problems of definition: What is organized crime? *Trends in Organized Crime*. 2005, no. 8(3), pp. 63–83.
19. Global Ransomware Damage Costs Predicted To Exceed \$8 Billion In 2018. URL: <https://cybersecurityventures.com/>

- global-ransomware-damage-costs-predicted-to-exceed-8-billion-in-2018/.
20. Internet crime report, 2019. URL: https://pdf.ic3.gov/2019_IC3Report.pdf.
 21. Lebeta S.G. Defining organized crime: a comparative analysis : diss... doctor of law, 2012.
 22. Leukfeldt E.R., Lavorgna A., Kleemans E.R. Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime. *Eur J Crim Policy Res.* 2017, no. 23, pp. 287–300.
 23. Most companies take over six months to detect data breaches. URL: <https://www.zdnet.com/article/businesses-take-over-six-months-to-detect-data-breaches/>.
 24. The Ultimate List Of Cyber Security Statistics For 2019. Looking for the latest cyber security stats and trends? We've got you covered. URL: <https://purplesec.us/resources/cyber-security-statistics/>.
 25. The complaint published when Ulbricht. *The Internet Archive*. URL: <https://web.archive.org/web/20140220003018/https://www.cs.columbia.edu/~smb/UlbrichtCriminalComplaint.pdf>.
 26. Weber J., Kruisbergen E.W. Criminal markets: the dark web, money laundering and counterstrategies — An overview of the 10th Research Conference on Organized Crime. *Trends in Organized Crime.* 2019, no. 22, pp. 346–356.

References

1. Abadinsky G. *Organized crime. Translation from English*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2002. 688 p.
2. Anatomy of a targeted attack. Kaspersky. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/>.
3. Godunov I.V. *Organized crime from the heyday to the sunset: a Textbook for universities*. 2nd ed., extended. Moscow: Akademicheskii Prospekt, 2008. 613 p.
4. Grynshkun V.V. *Development of integrative approaches to the creation of means of Informatization of education*: Diss. ... doctor of pedagogical Sciences: 13.00.02: protected 18 February 2005. Moscow, 2004. 554 p.
5. Katasonov V.Yu. *Digital Finance. Cryptocurrencies and the electronic economy. Freedom or concentration camp? Series "Financial Chronicles of Professor Katasonov"*. Moscow: Knizhny Mir, 2017. 320 p.
6. Cyberattacks. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B8>.
7. African Union Convention on cybersecurity and personal data protection (adopted Malabo, 27 June 2014). University of Oxford. URL: https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/African%20Union%20Convention%20on%20CyberSecurity%20%26%20Personal%20Data%20Protection_1.pdf.
8. Convention on crime in sphere of computer information. ETS, no. 185 (adopted Budapest, 23 November 2001). URL: <https://base.garant.ru/4089723/>.
9. United Nations Convention against transnational organized crime of 15 November 2000. *UN official web site*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
10. Popov V.I. *Counteraction to organized crime, corruption, and terrorism in Russia and abroad*. Moscow: SSU Publishing house, 2007. 581 p.
11. Topilskaya E.V. *Organized crime*. St. Petersburg: publishing house "Legal center Press", 1999. 256 p.
12. Wainwright T. *Narconomics: the Criminal syndicate as a successful business model*. Translated from the English by G. Mikhailov. Moscow: Palmyra Publishing house, 2018. 271 p.
13. Digital security of the individual, society and state in the context globalization: legal mechanisms of ensuring. Review of the session in the framework of SPIEF 2019. A.I. Ovchinnikov, O.V. Akhrameeva, S.A. Vorontsov et al. *Bulletin of the faculty of law of the southern Federal University*. 2019, no. 2, pp. 111–122.
14. 24 Cybersecurity statistics that matter in 2019. URL: <https://preyproject.com/blog/en/24-cybersecurity-statistics-that-matter-in-2019/>.
15. Akhgar B., Brewster B. Combating Cybercrime and Cyberterrorism. *Challenges, Trends and Priorities. Springer International Publishing Switzerland*. 2016, 325 p.
16. AlphaBay, Biggest Online Drug Bazaar, Goes Dark, and Questions Swirl. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/06/business/dealbook/alphabay-online-drug-bazaar-goes-dark.html>.
17. Cimpanu C. *AlphaBay Dark Web Market Taken Down After Law Enforcement Raids*. URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/alphabay-dark-web-market-taken-down-after-law-enforcement-raids/>.
18. Finckenaer J.O. Problems of definition: What is organized crime? *Trends in Organized Crime*. 2005, no. 8(3), pp. 63–83.
19. Global Ransomware Damage Costs Predicted To Exceed \$8 Billion In 2018. URL: <https://cybersecurityventures.com/global-ransomware-damage-costs-predicted-to-exceed-8-billion-in-2018/>.
20. Internet crime report, 2019. URL: https://pdf.ic3.gov/2019_IC3Report.pdf.
21. Lebeta S.G. Defining organized crime: a comparative analysis : diss... doctor of law, 2012.
22. Leukfeldt E.R., Lavorgna A., Kleemans E.R. Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime. *Eur J Crim Policy Res.* 2017, no. 23, pp. 287–300.
23. Most companies take over six months to detect data breaches. URL: <https://www.zdnet.com/article/businesses-take-over-six-months-to-detect-data-breaches/>.
24. The Ultimate List Of Cyber Security Statistics For 2019. Looking for the latest cyber security stats and trends? We've got you covered. URL: <https://purplesec.us/resources/cyber-security-statistics/>.
25. The complaint published when Ulbricht. *The Internet Archive*. URL: <https://web.archive.org/web/20140220003018/https://www.cs.columbia.edu/~smb/UlbrichtCriminalComplaint.pdf>.
26. Weber J., Kruisbergen E.W. Criminal markets: the dark web, money laundering and counterstrategies — An overview of the 10th Research Conference on Organized Crime. *Trends in Organized Crime.* 2019, no. 22, pp. 346–356.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Цифровая демократия в условиях пандемии: этико-правовые и политические аспекты. Часть 1

УДК 340(34)

Мирошниченко Ольга Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Дальневосточной федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: olga-star.05@mail.ru.

Мамычев Алексей Юрьевич

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет политологии; E-mail: mamychyev@polit.msu.ru.

Статья получена: 08.05.2020. Рассмотрена: 14.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В блоке из двух статей авторы рассуждают на тему эффективности механизмов цифровой демократии в кризисные периоды развития общества. В частности, объектами анализа становятся пандемия COVID-19 и вызванная ею ситуация. Делается предположение, что в государствах так называемого восточного типа, благодаря особенностям правового менталитета и наличию определенных архетипов, критические ситуации легче купируются публично-властными механизмами. Авторы полагают, что в определенных условиях инструментарий цифровой демократии может играть негативную роль, в частности, речь

идет о том, что в западных обществах то, что имеем авторы «медиавирус», — результат излишней информатизации и свободы слова — становится даже более опасным, чем его биологический двойник.

Ключевые слова: цифровая демократия, интернет-технологии, цифровизация, коронавирус, информатизация, свобода, права человека, пандемия

При аксиологической оценке правовой сферы (абстрагирование и дифференциация общества с точки зрения его базовых культурологических ценностей) обычно выделяют так называемую западную и восточную культурные правовые традиции. Многие современные правоведы полагают, что такого рода различия, как и указанная дифференциация в целом, — архаизм, а «конвергированные» правовые системы

DIGITAL DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC: ETHICAL, LEGAL AND POLITICAL ASPECTS. PART 1

Miroshnichenko Olga Igorevna

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University; E-mail: olga-star.05@mail.ru.

Mamychev Alexey Yurievich

Doctor of Political Science, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Research Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science; E-mail: mamychyev@polit.msu.ru.

Manuscript received: 08.05.2020. Revised: 14.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. In a block of two articles, the authors discuss the effectiveness of digital democracy mechanisms in times of crisis in the development of society. In particular, the COVID-19 pandemic and the situation caused by become the object of analysis. It is assumed that in the so-called Eastern States, due to the peculiarities of the legal mentality and the presence of certain archetypes, critical situations are more easily stopped by public-power mechanisms. The authors believe that in certain conditions, the tools of digital democracy can play a negative role, in particular, it means that in Western societies, what the authors call the “mediavirus” — the result of excessive informatization and freedom of speech — may become even more dangerous than its biological founder.

Keywords: digital democracy, internet technologies, digitalization, coronavirus, informatization, freedom, human rights, pandemic

(в прошлом западного и восточного типа) на настоящем этапе представляют собой модели одного содержательного типа. Мы считаем невозможным согласиться с таким утверждением. Для начала обозначим основные различия между указанными традициями, в частности определим ценность права для конкретного общества и его положение как регулятора в системе социального регулирования. Впоследствии на базе выявленных дифференцирующих моментов мы объясним свою позицию по поводу их значения для современного правового регулирования.

Итак, для западной правовой традиции, также именуемой индивидуалистической, право является основной системообразующей ценностью, вознесенной на пьедестал и, в свою очередь, ставшей основой для формирования другой глобальной ценности — режима демократии. Таким образом, западное право — синоним индивидуальной свободы, демократия — форма ее наиболее успешной реализации. Еще древнегреческая демократия четко определила наиважнейшую и, пожалуй, основную характеристику западного права — вне зависимости от индивидуальных характеристик субъекты подлежат равнозначной правовой оценке. Основа западноевропейской культуры — так называемая концепция *private life* — означает, что индивид самостоятелен во всех проявлениях своей жизненной активности, вправе сам и совершенно свободно распоряжаться своей жизнью. Единственное неукоснительное западное табу — свобода оппонента. «Человек ответственен только за ту часть своего поведения, которая касается других. В остальном — абсолютно независим. Над собой, своим телом и душой личность суверенна» [9]. То есть западная справедливость — это формально равная свобода индивидов, отвечающих самих за себя, тогда как «в восточной культуре — вектор движения совсем иной, справедливость не устанавливается, а восстанавливается как утраченное равновесие или гармония» [15]. Образно выражаясь, западное общество устанавливает равные «правила игры» для всех своих членов, но оно не ответственно за тех, кто с игрой не справился. Таким образом, моральные и правовые ценности четко разведены [10].

Культуры восточного типа, наоборот, при позиционировании права как элемента системы социального регулирования всегда ставят его на подчиненное по отношению к религии и морали место. Логична и последующая оценка норматива правового типа — как соответствующего морально-религиозной основе или нет. В архаичном социуме все социальные нормативы, слитые воедино, достаточно успешно осуществляли необходимое регулирование. В западном обществе, как было показано выше, право достаточно быстро преобразовалось в особый и весьма эффективный социальный регулятор, основанный на принципах реализации индивидуальной свободы и формальной справедливости. Так называемое обычное право если и осталось в ареале формально-юридического регулирования, то лишь в качестве вторичного источника позитивного права. В восточных же обществах процесс правогенеза пошел совсем другим путем [14].

Итак, сущностной, абсолютной базой западноевропейской культуры является личность, научившаяся «отстаивать индивидуальные ценности, которая <...> уходит от общего «мы» и заменяет его индивидуальным, а порой и эгоистичным «я», что заставляет эту личность вступать в постоянную борьбу за свою духовную, интеллектуальную, нравственную независимость...» [13]; восточная же антропогенная аксиома звучит иначе: человек не важен сам по себе, как личность, ценность он обретает только как элемент целого. Запад акцентирует внимание на разуме, на научно-техническом прогрессе, на важности и уникальности человека как отдельной личности. Восток же долгое время в принципе не приемлет науку как самостоятельный вид деятельности, делает акцент на духовности. Неудивительно, что основой восточного права (как приемлемого и почитаемого в обществе реального регулятора общественных отношений) стало так называемое неписанное, или неотдифференцированное, обычное право, основным условием эффективности которого было внутреннее обязывание и долженствование [10].

Вышеизложенное не сделало этот регулятор, который на Западе вряд ли получил бы статус правового, «меньше правом». Он выполнял

свою функцию, и это главное. Более того, до сих пор во многих восточных обществах, например, в Японии внесудебный способ урегулирования по содержанию вполне правовых споров основан и включает в себя именно такие, внерационального типа, техники. Многие из них находят закрепление на законодательном уровне. Так, например, в 2009 г. в законе Японии «О финансовых инструментах и фондовых биржах» закреплено понятие системы альтернативного разрешения финансовых споров — системы ADR (financial ADR system). ADR является фактически институтом медиации и была создана в целях «быстрого, простого и гибкого» разрешения конфликтов [18]. В КНР же концепция примирения — лейтмотив законодательства в целом, включая основные положения гражданского и трудового права, и всё судопроизводство ему подчиняется...» [8]. Об этом может свидетельствовать Закон КНР «О народном посредничестве» [11]. Рассуждая об этих моментах, разумно сослаться на авторитет известного французского антрополога Н. Рулана, который, анализируя особенности социального регулирования в восточных странах, делает вывод: «Многие традиционные общества не только выработали в правовой области оригинальные концепции, но, более того, часто использовали то, что мы считаем нашим собственным изобретением: закон, суд, наказание, контракт...» [12].

В.В. Бочаров, характеризуя особенности правовой культуры восточных государств на настоящем этапе, утверждает, что сила «неписанного закона» генетически пронизывает всё восточное общество [2]. То есть фактически играет роль ядра правовой культуры, которое и формирует реальное правовое поведение и отношение к праву. Формальное же, или позитивное, право воспринимается на Востоке как нечто чуждое «нормальному» человеку, то, чего нужно стараться избегать всеми возможными способами — с одной стороны, а с другой стороны — то, что в силу традиционного страха перед принуждением привыкли соблюдать. И здесь нужно вспомнить еще об одном элементе-особенности Востока как части правового мира: о специфике азиатской формы развития в целом: развитие государства в усло-

виях жесткой социальной дифференциации и изначального политического неравенства. «Экономика была основана на государственной и общественной форме собственности, частная собственность — краеугольный камень западной свободы — либо не играла сколько-нибудь значимой роли, либо в принципе появилась на стадии, когда государство уже было сформировано» [10]. Как следствие, восточный человек был гораздо более стеснен и напуган природой, нежели западный. И этот иррациональный страх перед неизведанным, а не осознанное рациональное понимание необходимости сосуществования, как на Западе, становится основой повиновения перед всемогущим лидером/государем/государством. Непререкаемой, неоспариваемой и неоцениваемой, но, как ни странно, гораздо более эффективно работающей, нежели рационально-осмысливающий вариант Запада. Логично, что основным источником социальной регуляции на Востоке становятся сборники нравственно-религиозных положений. Нормы носят казуистический характер и дополняются в случае необходимости другими обычаями или установлениями монарха, воспринимаемого как полубог [10].

Фактически западноевропейское право защищало субъекта, обеспечивая его права, тогда как восточная культура через право преимущественно воспитывала. Так или иначе, обе традиции стремятся к гармонии. Однако если для европейца характерна формула «личное благо является залогом общесоциального...», что предполагает «возможность открытого конфликта, отстаивания собственных прав», то для гражданина, например, Китая «понятие гармонии тесно взаимосвязано с идеей ранжированности и упорядоченного функционирования субъекта как элемента общества», «вытекающее из конфуцианской идеи «совершенного мужа», готового ради общественного блага (гармонии) поступиться собственными интересами» [7].

Традиционно в современной политико-правовой науке устройство общества в рамках генерализованного режима демократии считается наиболее перспективным. Логично из вышесказанного вытекает и то, что идея демократии как механизма в полной мере реализующего индивидуальные права и свободы стала

популярной именно в западных государствах. Плюрализм мнений, возможность самостоятельно формировать органы управления, разделение государственной власти на три одновременно независимые и зависимые друг от друга ветви — всё это результат борьбы потомков древних греков со знаменитым «гоббсовским абсолютистским Левиафаном». Как следствие, конституирующим признаком современных западных демократий является развитое гражданское общество, которое, в свою очередь, формируется благодаря активному участию граждан в политической жизни.

На Востоке идеи демократизации в той или иной мере получили свое развитие только во второй половине XX века. Но это не была западная «власть народа», это был именно восточный либерализм, основой которого стала жесткая дисциплина, приоритет публичного права, централизованный метод регулирования как основа организации правовой системы и... всё тот же приоритетный способ разрешения конфликтов вне правового поля.

В послевоенное время именно Запад стал центром развития цивилизации. Неудивительно, что и демократия стала считаться наиболее перспективным политическим сюжетом, а «гражданское общество стало восприниматься как некий высший уровень социального развития, достигнутый странами Запада, на который всем остальным надо равняться» [3]. В рамках глобализации и конвергенции делались попытки интеграции основных либеральных институтов в политико-правовое поле «развивающихся государств». Развитие информационно-коммуникационных технологий серьезно ускорило этот процесс. Казалось, что момент реальной «прозрачности» государственного управления и, как следствие, потенциального полного контроля общества над деятельностью государственных органов действительно близок.

Гражданское общество получило возможность обсуждения наиболее актуальных проблем в режимах видеочатов, мессенджеров, онлайн-переводчиков, уже без всякой привязки не только к месту нахождения лиц, но даже и к языку и к конкретному государству, благодаря тому, что «Интернет способствует размыванию существовавших границ и иерархий...», «процесс получе-

ния информации сократился до нескольких кликов на странице браузера...» [1], «социальные медиа способствуют росту уровня гражданского самосознания» [6] и т.д. Отнесение в резолюции ООН от 3 июня 2011 г. права на доступ в Интернет к числу базовых и неотъемлемых прав человека в современном мире [5], как следствие, доступ к информации, обмен информацией стали настолько общедоступными явлениями, что казалось, действительно наступил предсказанный Лоуренсом Гроссманом «момент истины» [17] — великая эпоха цифровой демократии, электронная республика.

А потом наступил декабрь 2019 г. Уханьская эпидемия коронавируса, которая сначала коснулась исключительно восточных государств. Тоталитарный Китай справился ожидаемо легко, с помощью жестко централизованных мер. Так, У. Энгдаль отмечает, что «никогда прежде в истории современного общественного здравоохранения правительство не помещало целый город на карантин...» [16]. Южная Корея и Япония обошлись введением того, что впоследствии в Российской Федерации назовут полумерами. Иными словами, это была «настоятельная просьба» публичной власти к гражданам не выходить из дома с введением штрафов, которые по размеру несопоставимы с теми, которые позже были введены в Европе («восточные» штрафы, как ни странно, были гораздо ниже). По словам главы Министерства внутренних дел Франции Кристофа Кастанера, с 17 марта за несоблюдение мер по ограничению перемещений во Франции выписано 359 тыс. штрафов (информация на 01.04.2020), размер которых варьируется от 135 до 3750 евро [4]. Это в сотни раз выше, чем, например, реализованные штрафные санкции в Южной Корее. И тем не менее уже сегодня можно констатировать, что восточные государства справились, обойдясь минимальными потерями, а западные еще находятся в самом начале тяжелого пути.

Итак, Запад. Опустим неправовые моменты эпидемии. Полагаем, что авторы, не будучи специалистами в медицине и тем более эпидемиологии, не могут сколько-нибудь аргументированно рассуждать о необходимых с этой точки зрения мерах реагирования. Поэтому мы затронем лишь политико-правовой аспект. Так

вот, на наш взгляд, в западных государствах случился реальный политико-правовой коллапс, вызванный неспособностью развитых демократических государственных структур справиться с кризисной ситуацией. Этот тезис нуждается в конкретизации: на наш взгляд, кризисная ситуация была серьезно катализирована описанными выше весьма демократическими «цифровыми нововведениями». Пьедестал западной демократии — свобода слова и выражения собственного мнения — стал «подрывной бомбой» в сложившихся условиях. Вирус, который на Востоке благодаря жесткой дисциплине и ментальной уверенности граждан в необходимости следовать властным велениям, какими бы неразумными они ни казались, остался лишь медико-биологическим, на Западе превратился в реальную медиаугрозу.

В итоге сегодня западное государство столкнулось с серьезной проблемой: с одной стороны, базовым архетипом, ломка которого чревата серьезными социальными катаклизмами, является стремление граждан к свободе и формированию государства «для себя» с возможностью

его контроля и высказывания собственного мнения по любому вопросу; с другой стороны, в отсутствие архетипа безусловного подчинения государству, как на Востоке, и одновременно бесконтрольности Интернета вирусная «медиа-угроза» становится опаснее самого биологического вируса. И мы видим, как в один момент весь инструментарий цифровой демократии оборачивается против общества, становясь источником всеобщей паники и сомнений.

Таким образом, очевидно, что демократия как политический режим может быть неэффективна на кризисных этапах развития общества. Цифровая же демократия, предлагающая огромное количество возможностей в «мирное время», обеспечивающая процветание гражданского общества, прозрачность бюрократической системы, интеграцию населения в управление через повсеместный доступ к информации — эта же конструкция становится не просто не эффективной, но губительной в ситуациях, когда государству необходимо подключать жесткие авторитарные механизмы.

Литература

1. Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // *Аллея науки*. — 2019. — Т. 1. — № 5(32). — С. 596–600.
2. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. — 2-е изд. — СПб.: Издательство АИК, 2013. — 328 с.
3. Вершинин А.А. Становление гражданского общества на западе: история и осмысление // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. — 2014. — № 2. — С. 51–60.
4. Во Франции за две недели выписали 359 тысяч штрафов по карантину [Электронный ресурс] // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200401/1569432479.html>.
5. Гаврилова Ю.А., Фалалеева И.Н. Концептуально-правовые основы электронной России // *Вопросы российского и международного права*. — 2018. — № 8(12А). — С. 7–16.
6. Лозинская Е.В., Зубарева Е.Г. Интернет-коммуникации как инструмент политической борьбы и развития гражданского общества в XXI веке // *Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2019)*. — СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. — С. 54–56.
7. Малиновская Н.В. Особенности понимания права в Китае: проблемы совместимости с европейской концепцией // *Современный ученый*. — 2019. — № 4. — С. 320–325.
8. Марков С.М. Переговоры и медиация при разрешении трудовых споров: опыт КНР Юридический процесс: теория и практика: сборник статей преподавателей, аспирантов, студентов юридического факультета / Отв. ред. канд. юрид. наук, профессор В.Н. Ширяев; канд. юрид. наук, доцент Ю.Н. Лебедева. — Хабаровск: ХГАЭП, 2012. — С. 110–117.
9. Милль Дж. О свободе // *Наука и жизнь*. — 1993. — № 11. — С. 11.
10. Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // *Гражданин и право*. — 2016. — № 1. — С. 41–48.
11. О народном посредничестве: Закон КНР от 28.08.2010 (вступил в силу с 1 января 2011 г.) [Электронный ресурс]. — URL: www.chinalawinfo.ru.
12. Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 2000. — С. 299.
13. Сигалов К.Е. Идеино-ценностные основы формирования западноевропейского права // *Пространство и время*. — 2015. — № 1–2(19–20). — С. 24–31.
14. Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Еще раз о загадках русской правовой культуры // *Пространство и время*. — 2016. — № 1–2. — С. 167–176.
15. Степанянц М.Т. Россия в диалоге культур Восток-Запад [Электронный ресурс]. — URL: <http://dialog-kultur.ru/main.php-G=550500000&ar3=200&ID=431220.htm>.
16. Engdahl F.W., Lock S. *This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future?* 10 March 2020. URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972>.
17. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. New York: Viking Penguin, 1995. 290 p.
18. Kazuyuki Ichiba. A New ADR System in the Japanese Financial Industry. *JCAA Newsletter*. 2012, no. 27.

References

1. Aznagulova G.M., Zamanov A.R. Influence of Internet technologies on the development of civil society in modern Russia. *Alley of science*. 2019, vol. 1, no. 5 (32), pp. 596–600.
2. Bocharov V.V. *The Unwritten law: the Anthropology of law. Scientific research*. 2nd ed. St. Petersburg: AIK Publishing house, 2013. 328 p.
3. Vershinin A.A. Formation of civil society in the West: history and understanding. *Contours of global transformations: politics, Economics, law*. 2014, no. 2, pp. 51–60.
4. In France for two weeks was discharged 359 thousand in fines and quarantine. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20200401/1569432479.html>.
5. Gavrilova Yu.A., Falaleeva I.N. Conceptual and legal bases of electronic Russia. *Questions of Russian and international law*. 2018, no. 8(12), pp. 7–16.
6. Lozinskaya E.V., Zubareva E.G. Internet communication as a tool of political struggle and the development of civil society in the XXI century. *Socio-economic Sciences and Humanities: a collection of selected articles on materials of International scientific conference (St. Petersburg, December 2019)*. St. Petersburg: GNII “Nerazviti”, 2020. Pp. 54–56.
7. Malinovskaya N.V. A particular understanding of law in China: problems of compatibility with the European concept. *Modern scientist*. 2019, no. 4, pp. 320–325.
8. Markov S.M. *Negotiations and mediation in resolving labor disputes: the experience of the PRC Legal process: theory and practice: a collection of articles by teachers, postgraduates, students of the faculty of law* / Ed. by legal Sciences, Professor V.N. Shiry-aev; Cand. the faculty of law Sciences, associate Professor Yu.N. Lebedev. Khabarovsk: KHGAEP, 2012. Pp. 110–117.
9. Mill J. About freedom. *Science and life*. 1993, no. 11, p. 11.
10. Miroshnichenko O.I. Archetypal component of law as the basis for differentiation of Western and Eastern legal traditions. *Citizen and law*. 2016, no. 1, pp. 41–48.
11. The law of the people’s Republic of China dated 28.08.2010 “On people’s mediation” (entered into force on January 1, 2011). *China law*. URL: www.chinalawinfo.ru.
12. Rulan N. *Legal anthropology*. Moscow, 2000. P. 299.
13. Sigalov K.E. Ideological and value bases of formation of Western European law. *Space and time*. 2015, no. 1–2(19–20), pp. 24–31.
14. Sigalov K.E., Mukienko I.N. Once again about the riddles of Russian legal culture. *Space and time*. 2016, no. 1–2, pp. 167–176.
15. Stepanyants M.T. *Russia in the dialogue of cultures East-West. Dialog-Kultur*. URL: <http://dialog-kultur.ru/main.php-G=550500000&ar3=200&ID=431220.htm>.
16. Engdahl F.W., Lock S. *This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future?* 10 March 2020. URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972>.
17. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. New York: Viking Penguin, 1995. 290 p.
18. Kazuyuki Ichiba. A New ADR System in the Japanese Financial Industry. *JCAA Newsletter*. 2012, no. 27.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Цифровая демократия в условиях пандемии: этико-правовые и политические аспекты. Часть 2

УДК 340(34)

Мирошниченко Ольга Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Дальневосточной федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: olga-star.05@mail.ru.

Мамычев Алексей Юрьевич

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет политологии; E-mail: mamychyev@polit.msu.ru.

Статья получена: 27.04.2020. Рассмотрена: 14.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. Во второй части исследования авторы касаются вопроса возможности введения цензуры для снижения уровня «ковидопаники». Анализируются вопросы цифрового контроля и ограничения прав человека, а также отношение к таким ограничениям в западных и восточных государствах. Авторы предлагают оригинальную концепцию альтернативизации: заменить свободу на потребление, по крайней мере попробовать использовать ее как «дымовую завесу» в западных государствах в кризисные периоды. Делается вывод о необходимости переосмысления классического концепта западной демократии.

Ключевые слова: цифровизация, интернет-технологии, социальный рейтинг, дроны, коронавирус, информатизация, свобода, права человека, пандемия

В первой части исследования было объяснено, почему, на наш взгляд, на кризисных этапах общественного развития становится столь актуальной архетипическая ментальная составляющая правовой культуры, а также как западный классический вариант демократии может быть неэффективен, более того, опасен в связи с определенными особенностями массового правосознания.

Итак, с одной стороны, западная демократия как стиль жизни и развития является гораздо более гибкой системой и считается в большей мере способной обеспечить как технологический, так и социальный прогресс. С другой стороны, необходимо признать, что в кризис-

DIGITAL DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC: ETHICAL, LEGAL AND POLITICAL ASPECTS. PART 2

Miroshnichenko Olga Igorevna

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University; E-mail: olga-star.05@mail.ru.

Mamychev Alexey Yurievich

Doctor of Political Science, PhD in law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Research Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science; E-mail: mamychyev@polit.msu.ru.

Manuscript received: 27.04.2020. Revised: 14.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digi-

tal Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. In the second part of the study, the authors address the issue of the possibility of introducing censorship to reduce the level of “covidopanic”. The article analyzes the issues of digital control and restriction of human rights, as well as the attitude to such restrictions in Western and Eastern states. The authors propose an original concept of alternation: to replace freedom with consumption, or at least try to use it as a “smoke screen” in Western states during crisis periods. The author concludes that it is necessary to rethink the classical concept of Western democracy.

Keywords: digitalization, internet technologies, social rating, drones, coronavirus, informatization, freedom, human rights, pandemic

ные моменты более аргументированным взглядом как раз тезис о том, что «западный человек не столь гибок как человек Востока, и меняющиеся обстоятельства жизни могут иметь для него губительные последствия» [9].

Напомним, что классический вариант демократического политического устройства исходит из тезиса не о профессионализме управленцев, а об их умении говорить «правильно», т.е. так, как нужно избирателям. В эпоху цифровых технологий ситуация усложняется еще и тем, что определенную «близость к народу» и, как следствие, популярность у мажоритарного большинства можно иллюзорно создать через грамотную работу в пабликах и посредством интернет-сообществ. Так, например, С.В. Володенков разумно говорит о формировании в обществе так называемого цифрового паноптикума, в рамках которого политический контроль над гражданами умело осуществляется политическими элитами на основе сбора и использования цифровых следов пользователей в сетевом пространстве, а также создания персональных информационных капсул, учитывающих субъективные особенности конечных реципиентов [4]. Значит ли это, что изменения в доминирующих в обществе технологиях коммуникации действительно напрямую определяют и форматы функционирования государственных политических систем и режимов [12]? И если да, то как? Ведь, с одной стороны, получается, что сегодня мажоритарным большинством просто еще более удачно манипулируют с использованием цифровых технологий. Или как раз наоборот, и наконец «народная воля» большинства получила реальную возможность управлять и определять политику государства? Но и даже если в какой-то степени имеет место последний вариант, то нам придется вернуться к классической со времен Античности дискуссии об ошибках и последствиях некомпетентности «народа». Как верно отмечает С.Н. Пшизова, одно из самых страшных последствий демократии — это свободный (читаем *некомпетентный* — курсив наш, авторы) выбор, который время от времени повергает разные государства в периоды кризиса [8]. Например, самая разрушительная война современности была вызвана именно очарованием «народа» хариз-

мой будущего диктатора. Тем более уже не вызывает сомнений, что на сегодня предвыборные кампании в большей степени представляют собой соперничество вполне профессиональных политтехнологов, которые не несут ответственности ни перед кем кроме своих нанимателей — во-первых; а во-вторых, значительная часть этих самых нанимателей, достигнув политического Олимпа, либо в принципе не в курсе сути собственных предвыборных обещаний, либо не спешит их выполнять.

Но вернемся к пандемии. Уже очевидно, что для смягчения последствий эпидемиологической ситуации большинству государств придется пойти на беспрецедентные меры и серьезно ограничить права человека. Как это сделать в обществе, где индивидуальная свобода является базовой и основной ценностью? Есть критические примеры, как, допустим, самоубийство 19-летней Эмили Оуэн, для которой ограничения в рамках карантина стали настолько критичными, что она предпочла смерть невозможности делать то, что привыкла [11]. Менее категоричны и потому более распространены варианты «советов» в рамках недовольства государственной политикой, когда народные массы через цифровые сетевые технологии рассуждают, как публичная власть, по их мнению, должна реагировать/отреагировать на вирус, какие меры нужно вводить, а какие отменять. В рамках классической версии «электронной демократии» такие предложения должны как минимум рассматриваться и на них необходимо реагировать, что в условиях пандемии отнимет у государственных органов время, необходимое для решения более важных проблем. Как максимум эти предложения должны реализовываться, ведь демократия — это возможность народа участвовать в управлении, в том числе напрямую и оперативно через своих делегатов (и здесь мы возвращаемся к той самой некомпетентности «большинства», тем более в случае с пандемией мы говорим о специальных медико-биологических знаниях, которых просто не может быть у простого обывателя). Так, например, в качестве приоритетов электронной демократии на мезоуровне выделяется «...опубликование информации про политику на веб-ресурсах

(одноканальное информирование). Речь об опубликовании аналитических продуктов органов власти: отчеты, новости о деятельности и услуги, которые дают гражданам обобщенные и доступные знания о текущей политике». Верхний же уровень обеспечивает реальное «... участие граждан в формировании политики, политический диалог (двусторонний обмен информацией)» [5]. В итоге публичная власть оказывается в сложной ситуации, когда принятие непопулярных мер приведет к будущему неизбранию, а попытка делать то, что хочет народ, к «итальянскому сценарию», в котором впоследствии обвинят всё ту же власть.

Так есть ли выход из сложившейся ситуации? Наверняка. Самый простой и очевидный вариант — это элементарное уменьшение информационного потока, которым и нагнетается паника. Постепенное (или резкое) введение цензуры для сглаживания ситуации «изнутри» и стирания «медиаэффекта». Очевидно, сделать это можно только через введение чрезвычайного положения с серьезным изменением баланса сил между ветвями власти в сторону исполнительной для формирования возможности оперативного реагирования. Но не станет ли такая «защита» стартовым пунктом для гораздо более серьезных социальных катаклизмов? Ведь в обществе, где свобода является основной самоценностью, а Интернет и киберпространство давно стали «terra nullius», к которому исторически созданные социальные регулятивы и законы не имеют никакого отношения и в рамках которого они будут воссозданы заново» [3], какое-либо ограничение в интернет-среде, да и в принципе в вопросах получения информации, будут восприняты как преступление против личности. Да и в каком западном государстве можно тотально ограничить информационный поток законным путем даже в условия чрезвычайного положения?

По сути, отношение к цензуре как в морально-этическом, так и в политическом поле мышления определенной этнической группы понимается через конфликт ценностных ориентиров. То есть опять же является вопросом менталитета и отношения к власти. И здесь мы возвращаемся к восприятию системы управления на Востоке и Западе. Так, например, фено-

мен социального рейтинга в Китае давно стал объектом жарких научных дискуссий и критики. Действительно, если мыслить в рамках классических категорий прав человека и свободы, то 24-часовое слежение за человеком посредством камер и дронов — это не просто ограничение, это нарушение всех возможных прав и свобод. Интересно другое: как реагируют на нарушение собственных прав сами граждане Китая. Которые, кстати, совершенно спокойно восприняли жесточайшие ограничения в рамках карантина. Мы сейчас говорим о классическом представителе среднего класса, обладателе среднего социального рейтинга. Так вот, такой китайский гражданин считает себя защищенным, а не обиженным, зная, что за ним и другими следят камеры. А еще он или она совершенно уверены, что государство лучше знает, как сделать так, чтобы «каждый китаец мог получить наибольшие выгоды от системы» [13].

Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу доверия и восприятия управленческих решений, которые на Востоке не осмысливаются, а априорно принимаются; на Западе же они изначально становятся объектом жесткой критики и осмысления с точки зрения их соответствия правам человека. Таким образом, это вечный вопрос дуальных противоречий, таких как нравственный и политический плюрализм — монизм; свобода слова — цензура и т.д., соответственно свойственных европейской и восточной культурам.

Думается, что основное место в субъективизме восприятия социума занимает его нормативная культура, т.е. стандарты правильного для него поведения. Человек воспринимает свое социальное окружение, а также другие общества в соответствии с усвоенными нормами и правилами. С этой точки зрения у граждан, привыкших к определенным ограничениям, т.е. воспринимающих политику государства-кормильца в качестве шаблонной, не возникнет футурошока, некогда описанного Э. Тоффлером [10]. У такого общества в меньшей степени возникнет необходимость адаптации к принципиально новым на другом конце планеты общественным отношениям. Поэтому полагаем, что ограничение информационного поля в рамках западной культуры либо в прин-

ципе невозможно, либо возможно на весьма короткий период путем предоставления невероятно увлекательной альтернативы.

Объясним свою мысль. Основой современного мира является «макдональдизация» — предопределенность потребления и заикленность общества на высоком уровне жизни. Иными словами, «повышение уровня жизни увеличивает шансы на выживание» не только демократии, но и любого политического режима [2]. Мы полагаем, что единственное, что может сегодня отвлечь субъекта от «ковидопаники» — это потребление, а уверить в правильности действия властей — повышение его собственного уровня жизни. Мы видим, что сегодня именно эти два пути используются большинством государств [1, 12].

Итак, совершенно очевидно, что классическая демократия как политическое равенство и равенство гражданских прав, иными словами — демократия эпохи Просвещения, уже нефункциональна. Более того, в условиях цифровизации мы рискуем вернуться к тому режиму, который Платон называл «властью завистли-

вых бедняков» [7], а Аристотель считал самой некачественной формой правления, при которой неимущие управляют в интересах своей же группировки [6]. Плюс, как уже было показано, западный демократический вариант в условиях цифровизации совершенно неэффективен в кризисные периоды. Нам кажется, что в современных условиях весьма удачным выглядит вариант смешанной или переходной демократии (например, Российская Федерация), где в различных формах сочетаются и восточные и западные вариации. Но это тоже весьма спорно и является интересным вопросом для отдельного исследования.

Мы считаем, что резко, в условиях кризиса, менять что-то в политической форме организации общества неразумно и непродуктивно. Логичнее попытаться найти альтернативу через уже упомянутую «макдональдизацию» и дать себе (речь о публичной власти) возможность купировать «ковидокризис». Но в будущем, на наш взгляд, этот момент должен стать переломным для переосмысления всего концепта западной демократии.

Литература

- 17 сервисов, которые стали бесплатными на время карантина. [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Свойкировский.рф». — URL: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/17-servisov-kotorye-stali-besplatnymi-na-vremya-karantina-30488/>.
- Ахременко А.С., Петров А.П., Филиппов И.Б. Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). — 2018. — № 3(90). — С. 87–112.
- Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html>.
- Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. — 2019. — № 5. — С. 341–364.
- Минаева Е.В., Аветисян А.В. Электронная демократия — белая книга государственной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2020. — № 1. — С. 80–84.
- Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения / Сост. В.В. Шкода. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. — 832 с.
- Платон. Соч. — Т. 3. — Ч. 1. — М., 1971. — С. 365.
- Пшизова С.Н. Политический кризис в России начала XXI века в свете современных концепций «кризиса демократии» / Под ред. А.Ю. Полунова // *Кризисы в сфере политики и государственного управления: междисциплинарный анализ*. — М.: АРГАМАК-МЕДИА. — С. 206–230.
- Сигалов К.Е. Идеино-ценностные условия формирования западноевропейского права // *Пространство и Время*. — 2015. — № 1–2(19–20). — С. 24–31.
- Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ.; научн. ред. П.С. Гуревича. — М.: АСТ, 2008. — 560 с.
- Alia E. Dastagir “Isolation is a big trigger”: Feelings of suicide are amplified amid a pandemic. *USATODAY*. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/03/23/coronavirus-pandemic-isolation-fear-job-loss-triggers-suicide/2871949001/>.
- Innis H.A. *The Bias of Communication*. Toronto: University of Toronto Press, 1999.
- Matthew Carney. *Leave no dark corner*. URL: <https://mobile.abc.net.au/news/2018-09-18/china-social-credit-a-model-citizen-in-a-digital-dictatorship/10200278?nw=0&pfmredir=sm&fbclid=IwAR1NkKQPSwzOHZ47TREN6wfNoqb6QLvEmaEsrohy6J3UMmNkKw9KjI2khM>.
- Miller E. Missionary impossible: Pornhub offers free premium access to Italians struggling to get through coronavirus lockdown. *RT*. URL: <https://www.rt.com/news/482948-pornhub-free-italians-coronavirus/>.

References

1. 17 services that are free during the quarantine period. *Svoiskirovskiy.rf*. URL: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/17-servisov-kotorye-stali-besplatnymi-na-vremya-karantina-30488/>.
2. Akhremenko A.S., Petrov A.P., Filippov I.B. Stability and survival of democracies: from the Lipset hypothesis to economic productivity. *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)*. 2018, no. 3(90), pp. 87–112.
3. Barlow J.P. Declaration of independence of cyberspace. *Zhurnal*. URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html>.
4. Volodenkov S.V. Influence of Internet communication technologies on modern socio-political processes: scenarios, challenges and actors. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019, no. 5, pp. 341–364.
5. Minayeva E.V., Avetisyan A.V. E-democracy — the white book of state policy. *State and municipal administration. Scientific notes*. 2020, no. 1, pp. 80–84.
6. *Thinkers of Greece. From myth to logic: works*. Comp. by V.V. Shkoda. Moscow: Eksmo-Press publishing House; Kharkiv: Folio Publishing house, 1998. 832 p.
7. Plato. *Works*. Vol. 3. Part 1. 1971. 365 p.
8. Pshizova S.N. Political crisis in Russia of the beginning of the XXI century in the light of modern concepts of “crisis of democracy”. Ed. by A.Yu. Polunov. *Crises in the sphere of politics and public administration: an interdisciplinary analysis*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. Pp. 206–230.
9. Sigalov K.E. Ideological and value conditions for the formation of Western European law. *Space and Time*. 2015, no. 1–2(19–20), pp. 24–31.
10. Toffler E. *Shock of the future*. Transl. from Engl.; scientific ed. of P.S. Gurevich. Moscow: AST, 2008. 560 p.
11. Alia E. Dastagir “Isolation is a big trigger”: Feelings of suicide are amplified amid a pandemic. *USATODAY*. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/03/23/coronavirus-pandemic-isolation-fear-job-loss-triggers-suicide/2871949001/>.
12. Innis H.A. *The Bias of Communication*. Toronto: University of Toronto Press, 1999.
13. Matthew Carney. *Leave no dark corner*. URL: https://mobile.abc.net.au/news/2018-09-18/china-social-credit-a-model-citizen-in-a-digital-dictatorship/10200278?nw=0&pfmredir=sm&fbclid=IwAR1NkKQPSwzOHZ47TREN6wfNoqb6QLvEmaEsrohy6J3UMmNkKw9KjI2khM_
14. Miller E. Missionary impossible: Pornhub offers free premium access to Italians struggling to get through coronavirus lockdown. *RT*. URL: <https://www.rt.com/news/482948-pornhub-free-italians-coronavirus/>.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Цифровизация политического процесса современной России: опыт проблемного анализа

УДК 32

Потанина Ольга Валериевна

Специалист отдела организации научно-исследовательской работы, Департаменты научно-исследовательской работы, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; E-mail: potaninaolgav@gmail.com.

Статья получена: 27.04.2020. Рассмотрена: 07.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. Научно-исследовательской целью статьи является проблематизация цифровой трансформации политического процесса в современной России. Рассмотрены имеющиеся проблемы, угрозы и риски цифровизации политического процесса. Автор разграничивает проблемы и угрозы цифровизации, обосновывая тезис о том, что угрозы являются следствием синергетического действия нерешенных проблем. В заключение сформулирован примерный перечень угроз, которые несет цифровая трансформация политического процесса.

Ключевые слова: политический процесс, цифровизация, цифровые технологии, риски, проблемы, угрозы цифровизации

В современном мире цифровизация затрагивает все сферы общественной жизни и социальные институты: государственное управление, правотворчество, налогообложение, судопроизвод-

ство, здравоохранение, бизнес, банковская сфера, госзакупки, образование и т.д. Естественно, что политическая сфера не может остаться в стороне от этого тренда. Цифровизация позволяет гражданам и лидерам мнений участвовать в политических процессах дистанционно. В результате традиционные формы политического участия вытесняются действиями пользователей онлайн, также приобретающими политический характер. Граждане самостоятельно распространяют политический контент, а также своими запросами формируют аудиторию по интересам [17, с. 65]. Информационные технологии давно и активно используются в правотворческой деятельности и в госуправлении. Пандемия коронавируса создала новый всплеск интереса к использованию телекоммуникационных технологий в избирательном процессе, активизировав обсуждение перспектив электронного голосования и предвыборной агитации в сети Интернет.

Считается, что Россия существенно отстает от передовых государств в части цифровой трансформации деятельности правоохранительных органов и законодательной системы. В связи с этим возникает острая необходимость догонять страны, которые имеют благоприят-

**DIGITALIZATION OF THE POLITICAL
PROCESS OF MODERN RUSSIA:
EXPERIENCE OF PROBLEMATIC ANALYSIS**

Potanina Olga Valerievna

Specialist of the Department of Organization of Research Work,
Department of Scientific-research Work,
Vladivostok State University of Economics and Service;
E-mail: potaninaolgav@gmail.com.

Manuscript received: 27.04.2020. Revised: 07.05.2020. Accepted:
27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

*Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development
of the Russian Federation in the 21st Century”.*

Abstract. The research goal of the article is to problem the digital transformation of the political process in modern Russia. The existing problems, threats and risks of digitalization of the political process are considered. The author distinguishes between problems and threats of digitalization, justifying the thesis that threats are the result of synergistic action of unresolved problems. The conclusion provides an indicative list of threats posed by the digital transformation of the political process.

Keywords: political process, digitalization, digital technologies, risks, problems, threats of digitalization

ный опыт внедрения новейших технологий в государственную деятельность и политическую сферу в целом [3, с. 11]. Однако заимствование зарубежной практики внедрения цифровых технологий в политической сфере может оказаться неэффективным в социокультурном и экономическом пространстве России. Для максимально эффективного использования возможностей цифровой трансформации общества методологически верным будет предварительное исследование как ожидаемых положительных эффектов цифровизации, так и угроз и рисков, которые таит в себе этот процесс.

По нашему мнению, прежде чем сформулировать *угрозы* цифровизации политического процесса для российского общества, необходимо выявить *проблемы* цифровой трансформации политических отношений. Предварительная проблематизация сферы взаимодействия цифровых технологий и политики позволит сформулировать потенциальные угрозы, оценить степень рисков в исследуемой области, чтобы в дальнейшем можно было принять превентивные меры на правотворческом уровне и определить перспективные направления цифровой трансформации политических отношений в России с учетом минимизации негативных последствий такой трансформации.

Приступая к анализу, сначала нужно определиться с терминологией и тематическим полем исследования. Наиболее перспективным и методологическим оправданным является, по нашему мнению, обращение к категории политического процесса, что позволит рассмотреть практический срез возможных изменений. Понятие политического процесса многогранно и многоаспектно. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на распространенность термина, ни в политологии, ни в смежных областях знания нет единого представления о содержании этой категории.

Прежде всего, нужно отметить, что политический процесс можно рассматривать в широком и узком смыслах. При использовании термина в узком смысле предполагается, что вся политическая действительность может включать в себя комплекс различных политических процессов. В широком смысле политический процесс отображает динамическую сторону

всей политической системы, политической действительности общества в целом, по сути, являясь синонимом политики.

При этом по-разному определяется и содержательное наполнение политического процесса с точки зрения субъектного состава. Некоторые авторы определяют, что только власть, государство и официальные субъекты осуществляют политический процесс — такую позицию можно назвать узким субъектным подходом. У других авторов политический процесс включает в себя также и деятельность общественных субъектов — такую позицию можно назвать широким субъектным подходом.

Сторонники широкого субъектного подхода утверждают, что в политический процесс, оказываются, включены все реальные действия рядовых граждан и представителей элит, вне зависимости от того, поддерживают ли они правящий режим или находятся к нему в оппозиции. Политический процесс рассматривается как одно целое, состоящее из специфики происходящих событий в политике, где участники и структура политических институтов взаимосвязаны [7, с. 79].

Такое широкое понимание политического процесса как обобщающей характеристики политического развития общества на определенном этапе развития представляется нам наиболее перспективным, поэтому из него мы и будем исходить в своей работе. Такая конструкция позволяет изучить во взаимосвязи цифровизацию госуправления, политическую активность пользователей в сети, электронные формы взаимодействия государства с населением и другие явления, которые могут возникнуть при распространении политической системы в киберпространство. При этом понятие политического процесса, как и всякого процесса, ставит акцент на динамической стороне политической жизни, что делает эту категорию наиболее перспективной для целей изучения взаимодействия «цифры» и политики. Цифровизация коснется, прежде всего, динамики политической активности, статике же это коснется в меньшей мере. Поэтому и брать за основу исследования следует динамическую конструкцию. Исследователи сходятся во мнении, что под процессом следует подразумевать

объект или систему, составляющие которых могут быть видоизменены или трансформированы [8], вследствие чего политический процесс следует расценить как подвижный баланс состояний политической системы и ее изменений [25, с. 19].

О перспективах и положительных моментах цифровизации в политическом процессе можно говорить бесконечно. Однако в рамках данного исследования, опираясь на изложенную выше методологическую посылку, мы остановимся на проблемном поле данного феномена.

Анализ источников и мнений ученых доказывает, что у процесса цифровой трансформации политических отношений есть масса скрытых и явных угроз, потенциальных проблем и еще не оцененных рисков. По нашему мнению, наиболее актуальными применительно к политическому процессу являются следующие проблемы цифровой трансформации общества, выделяемые исследователями.

1. Проблема цифрового неравенства

Проблема цифрового неравенства состоит в прогнозируемом расслоении общества и его отдельных групп на базе доступа к цифровым ресурсам и развитости технологий. У проблемы цифрового неравенства несколько проявлений. На глобальном уровне она представляет собой разрыв между развитыми и развивающимися государствами, образующийся в результате внедрения и неравномерного распределения цифровых технологий и роста технологических знаний [6, с. 123]. На уровне отдельного общества данная проблема рассматривается в аспекте обеспечения неравного доступа к Big Data [2, с. 41]. Исследователи выделяют data-классы слоев населения применительно к возможностям использования массивов данных, которые остаются непрозрачными и недоступными для массового пользователя [26]. Согласно О.В. Перфильевой цифровое неравенство порождает социальные дисбалансы в обществе, усиливает разрыв между молодежью и преклонным возрастом, богатыми и бедными, центральной частью страны и регионами [15, с. 35]. Исследуя в своей работе международный опыт формирования цифрового правительства, Н. Лопатова

пришла к выводу, что степень неравенства в обществе объясняется структурными проблемами, обусловленными институциональными, культурными или экономическими факторами, неразвитой инфраструктурой и ограниченным предложением электронных услуг [10, с. 25].

Цифровое неравенство инициирует и многие другие проблемы социального развития, в частности целый комплекс угроз этического характера. По мнению Г.А. Малышевой, любое общество способно и готово строить свой вариант цифрового государства с учетом собственных целей и задач, сохраняя этические нормы и традиции [11, с. 45]. Однако опыт такого строительства на сегодняшний день отсутствует, о чем говорит регуляторный вакуум в части этических и юридических стандартов цифровой трансформации общества.

2. Проблема цифрового разрыва

Эта проблема во многом схожа с предыдущей и у некоторых исследователей является просто альтернативной формулировкой цифровому неравенству. Однако ряд исследователей обосновывают специфику цифрового разрыва, проводя детализацию потенциальных угроз цифровой трансформации политики. Г.А. Малышева говорит о «разрыве между сферой принятия политических решений и сферой технологических инноваций, о невозможности достичь взаимопонимания между политиками и учеными и, как следствие, недооценке воздействия науки и технологий на общественное развитие. Всё это обуславливает необходимость формирования объединенного технополитического нарратива» [11, с. 42].

В данной проблеме выделяют финансовые, технические, технологические, научно-методические, нормативно-правовые, программные, проблемы организационного и ресурсного обеспечения информационно-аналитической работы [14, с. 150]. Еще одним проявлением разрыва авторы считают проблемы в подключении наиболее уязвимых слоев населения к преодолению «цифрового разрыва», что связано с компьютерной неграмотностью населения, отсутствие государственной поддержки тем, кто нуждается в получении услуги цифрового формата.

3. Кадровая проблема

Данная проблема выражается, прежде всего, в остром дефиците аналитических кадров, а также во фрагментарности и разобщенности экспертно-аналитического пространства, что препятствует установлению оптимальных коммуникативных связей между участниками дискурса, организации диалога и ведет к недостаточной рефлексии общественно значимых вопросов. В качестве сдерживающего фактора исследователи выделяют научную проработку проблем теории и информационно-аналитической практики [14, с. 152]. Информационно-аналитическая работа является «ядром и сущностью современных интеллектуальных технологий, которые в свою очередь позволяют с опережением отражать действительность, разрабатывать новые стратегии развития всех сфер жизнедеятельности общества, создавать идеи прорывов на решающих участках, структуры и организации, позволяющие их реализовать на практике» [9, с. 38].

Кадровая проблема переплетается с проблемой технологической безработицы. Феномен роботизации производства является угрозой для стабильности современного социума, порождая дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда и делая очевидной опасность безработицы. Аппарат управления требует модернизации национальных институтов и продуманной стратегии перехода общества на рельсы цифровизации [11, с. 43], что может обернуться для людей снижением или потерей социального статуса [21, с. 102].

По мнению Н. Лопатовой, остро встал вопрос внедрения образовательных программ для обучения цифровым навыкам государственного сектора, руководителей, государственных служащих, ответственных за цифровое преобразование и работы при внедрении новых технологий в правительственные структуры [10, с. 27].

4. Проблема тотального цифрового контроля со стороны государства

Под данной проблемой скрываются стремление политических лидеров использовать общественное мнение в своих интересах, возможность по-

литического манипулирования [13, с. 40], отсутствие права у граждан на личное пространство, угроза нарушения собственной неприкосновенности [27], вопросы защиты частной сферы и интеллектуальной собственности. Фрагментарное опытное внедрение цифровых технологий, что характерно для теперешнего состояния российского общества, входит в противоречие с имеющимся законодательством в части защиты прав человека, конституционных свобод, провозглашенных демократических ценностей и соответствующих ожиданий общества.

Всё это в совокупности несет в себе негативные социально-психологические эффекты развития информационного общества.

5. Проблема обеспечения государственного суверенитета, безопасности и национальных интересов страны

Отсутствие международно-правовых механизмов защиты государственного суверенитета в Интернете перетекает в проблему «правового вакуума» [24, с. 402]. Уязвимость системы национальной безопасности связана с тем, что за основу цифровизации берется успешный опыт внедрения цифровых информационно-коммуникационных технологий иностранного происхождения. В технократическом методе «цифрового перехода», который разрабатывает правительство России и его экспертные группы, не учитываются социальные гарантии цифровизации. Исследователи считают, что суверенитет, безопасность и национальные интересы граждан и государства должны стоять во главе угла при цифровой трансформации [11, с. 45]. Не стоит игнорировать проработку такого вопроса, как развитие человеческого капитала органов государственной власти и местного самоуправления. Системы искусственного интеллекта (ИИ) должны гармонично вплестаться в специфическую социальную деятельность, связанную с охраной прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [4, с. 128].

6. Проблема правового (регуляторного) вакуума

К одной из самых масштабных проблем стоит отнести проблему правового регулирования

процессов цифровой трансформации общества [5, с. 32]. Авторы солидарны в негативной оценке последствий отсутствия стандартов аналитической работы, разработки единого информационно-аналитического пространства, создания и обновления основ информационно-аналитической деятельности. Проникновение в политику больших данных, искусственного интеллекта, новейших информационных технологий, беспроводной связи, технологий виртуальной реальности, промышленного Интернета, роботизации и прочих цифровых объектов требуют трансформации законодательной системы [18, с. 154].

В случае запоздалого включения в цифровую революцию и возникновения нехватки собственных технологических ресурсов наше государство будет вынуждено, как считает Г.А. Малышева, в ускоренном режиме применять подходы, разработанные и имеющие благоприятный опыт внедрения в других государствах [11, с. 41]. Проработка и формирование надежного правового поля деятельности может обеспечить переход к успешному формированию цифрового правительства [10, с. 28]. Однако это требует кардинального переосмысления основ политико-правовой организации общества [3, с. 16]. Необходимо в ближайшее время приступить к решению проблем правового характера, чтобы предотвратить вред, который цифровая экономика способна нанести государству и его гражданам [16, с. 18].

7. Проблема цифрового перехода

Данная проблема отражает в целом неготовность общества и его отдельных систем к тотальной дигитализации. По нашему мнению, проблема имеет обобщающий характер и включает в себя все ранее описанные аспекты цифровой трансформации. Дисбаланс в развитии информационной инфраструктуры и становлении общества знаний служит индикатором неготовности страны к цифровизации [20, с. 455], поскольку сохранился на местах традиционный вариант получения услуги и отсутствует государственная поддержка тем, кто нуждается в получении услуги цифрового формата [23, с. 196].

В рамках данной проблемы можно говорить о том, что для России переход на цифровой уровень имеет двойственный характер: с одной стороны, он обладает позитивным футуристическим характером, подобным советскому образу коммунистического будущего, с другой стороны — требует модернизации национальных институтов и продуманной стратегии.

8. Проблема информационной безопасности и интернет-преступности

Данная проблема также имеет обобщающий характер в том смысле, что затрагивает интересы различных социальных субъектов и является внешним выражением многих других проблем [1, с. 66], описанных выше. Нерешенность проблем безопасности, в частности проблемы вирусных атак, препятствует внедрению цифровых технологий в развитие информационного общества [20, с. 453]. Внедрение инновационных подходов на практике оборачивается повышенной рискогенностью интернет-коммуникаций в России [22, с. 93].

Представленный нами опыт проблематизации отношений, связанных с цифровой трансформацией общества, как и всякое обобщение, является условным. Наверняка можно выделить и другие проблемы цифровизации либо детализировать перечисленные. Мы ставили своей целью обобщить наиболее часто встречающиеся формулировки и наиболее часто поднимаемые вопросы в исследованиях, посвященных проблемам цифровой трансформации российского общества.

Проведенный проблемный анализ позволяет сделать ряд прогнозов относительно угроз цифровизации политического процесса, что и было задачей настоящего исследования. Говоря о проблемах цифровизации, мы имели в виду наличие неразрешенных задач, препятствий для внедрения цифровых технологий в отдельные виды деятельности, а также констатацию конфликтов между интересами и стандартами функционирования имеющихся социальных институтов и внедряемых цифровых трендов. Под угрозами цифровой трансформации следует понимать негативные последствия, которые могут наступить для обще-

ства или отдельных социально признаваемых интересов под воздействием вышеизложенных проблемных факторов. Проблемы и угрозы как в случае с процессом цифровой трансформации общества, так и в любых иных случаях следует методологически разграничивать. По нашему мнению, угрозы являются результатом действия нескольких факторов и имеют социально отдаленные последствия. При этом проблемы какого-либо процесса не обязательно перерастут в потенциальные угрозы, так как могут быть решены в процессе развития. Выделение проблем в развитии или функционировании чего-либо нужно именно для предотвращения угроз, для принятия превентивных мер и придания оптимальной направленности исследуемому процессу. При этом в некоторых случаях выделяемые проблемы могут совпадать с прогнозируемыми угрозами как по наименованию, так и содержательно. В нашем случае из всех рассмотренных выше проблем цифровой трансформации общества мы выделим угрозы цифровизации политического процесса, т.е. условно выделим политический аспект в разных видах отношений.

Итак, проблемы цифрового неравенства, цифрового разрыва, технологической безработицы и тотального цифрового контроля государства создают угрозу политической нестабильности в обществе, а также угрозы потери легитимности власти и повышения уровня конфликтности в обществе. Проблема технологической безработицы сама по себе является угрозой, требующей серьезных превентивных мер со стороны государства. Проблема тотального цифрового контроля со стороны государства формирует такие угрозы, как формирование политического режима цифрового тоталитаризма, девальвация демократических ценностей общества и идеологический кризис, нарушение прав и свобод человека, что в комплексе может породить существенный разрыв между властью и обществом и снизить управляемость общества и устойчивость государства по отношению к внешним вызовам. Отдельным следствием проблемы тотального контроля может стать угроза формирования теневого сегмента рынка, связанного с предоставлением населению

технологий и девайсов, предназначенных для сокрытия своей личности и действий от цифрового учета и контроля.

Проблемы цифрового неравенства и кадровые проблемы цифровизации порождают недоверие и негативное отношение к цифровым технологиям. Многие считают, что современное российское государство несколько отстало в процессе цифровизации от передовых европейских и азиатских государств [3, с. 11]. Но, с другой стороны, нужно учитывать, что форсированное внедрение технологий в разные сферы жизнедеятельности общества, невзирая на инфраструктурную, техническую и кадровую неготовность, порождает формализацию и бюрократизацию деятельности под личиной технологического обновления. В сегодняшнем обществе это хорошо видно на примере цифровизации образования, банковской деятельности, отдельных аспектов работы низовых звеньев госаппарата и правоохранительных органов. Это, в свою очередь, подрывает доверие населения к цифровым реформам и дискредитирует многие полезные нововведения и институты.

Со временем электронное голосование и выборы, цифровая подпись получат развитие и станут массовой практикой, а пока они вызывают настороженное отношение, связанное с ожиданием негативных последствий [12, с. 19]. Отсутствие внятного правового статуса электронных форм обмена информацией минимизирует положительные эффекты от использования технологий и настоятельно требует принципиальных изменений по таким направлениям, как «государственное участие, государственные процессы, государственная служба» [19, с. 14].

Россия находится на стадии перехода от традиционного к виртуализированному процессу государственного управления, что естественным образом будет формировать все новые угрозы в процессе расширения практики внедрения технологий. С учетом уже обозначенных угроз требуется пересмотреть способы перехода от привычной модели управления к цифровой, чтобы сделать технологическую модернизацию как можно менее травматичной для нашего государства.

Литература

1. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // *Власть*. — 2019. — № 4. — С. 65–69.
2. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*. — 2018. — № 2. — С. 39–48.
3. Воронцов С.А., Мамычев А.Ю. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // *Территория новых возможностей*. Вестник ВГУЭС. — 2019. — № 4. — С. 9–21.
4. Воронцов С.А., Понеделков А.В. О совершенствовании государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности // *Власть*. — 2016. — № 24(2). — С. 126–132.
5. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // *Legal concept*. — 2019. — № 4. — С. 27–34.
6. Гомбоин З.Э. Информационно-коммуникационные технологии для развития: логика эволюции международного дискурса // *Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. — 2018. — № 3. — С. 121–153.
7. Гончаров П.К. Политический процесс: сущность и содержание // *Социально-гуманитарные знания*. — 2018. — № 2. — С. 78–86.
8. Корниенко Т.А. Основные векторы развития современных политических процессов [Электронный ресурс] // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. — 2016. — № S16. — С. 19–25. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/76184.htm>.
9. Курносов Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: Методология, технология и организация информационно-аналитической работы. — М., 2004. — 512 с.
10. Лопатова Н. Международный опыт формирования цифрового правительства // *Наука и инновации*. — 2019. — № 5. — С. 24–28.
11. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // *Власть*. — 2018. — № 1. — С. 40–46.
12. Матвейчев М.Ю. Зарубежный опыт реализации системы электронного голосования как одного из важнейших механизмов электронной демократии // *Право и государство: теория и практика*. — 2019. — № 8. — С. 16–19.
13. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Бухарина М.К. Государственная власть в информационно-конфликтном пространстве: правовой механизм противодействия политическим манипуляциям в России на рубеже XX–XXI вв. // *Территория новых возможностей*. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2015. — № 3. — С. 39–47.
14. Мушта А.А., Растимешина Т.В. Информационно-аналитическая компетентность в контуре государственного управления: проблемные аспекты и пути совершенствования // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. — 2019. — № 2(22). — С. 147–154.
15. Перфильева О.В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // *Вестник международных организаций*. — 2007. — Т. 2. — № 10. — С. 34–48.
16. *Право в условиях цифровизации* / Сост. Т.Я. Хабриева. — СПб., 2019. — 36 с.
17. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // *Гуманитарные науки*. Вестник Финансового университета. — 2019. — № 9(4). — С. 63–69.
18. Смирнов Д.А., Боташева Л.Э., Леонов А.Н. Трансформация финансово-правовых отношений в условиях цифровой экономики // *Гуманитарные и юридические исследования*. — 2019. — № 2. — С. 152–156.
19. Сморгун Л.В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // *Власть*. — 2019. — № 5. — С. 9–19.
20. Тихонова С.В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: «стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // *Изв. Саратовского ун-та. Нов. сер.: Экономика. Управление. Право*. — 2017. — № 4. — С. 452–457.
21. Тощенко Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. — 2017. — № 2. — С. 100–108.
22. Хапай А.А. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: инновационные подходы реализации на современном этапе // *Теория и практика общественного развития*. — 2015. — № 17. — С. 90–94.
23. Холодная Е.В. О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации // *Гуманитарные и юридические исследования*. — 2018. — № 4. — С. 193–199.
24. Шестопал С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // *Балтийский гуманитарный журнал*. — 2020. — № 1(30). — С. 398–403.
25. Шутов А.Ю. Политический процесс. — М.: Изд-во Московского университета, 1994. — 80 с.
26. Manovich L. *The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*. URL: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf.
27. Watson P.J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution. *Infowars.com*. URL: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution>.

References

1. Brodovskaya E.V. Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship. *Power*. 2019, no. 4, pp. 65–69.
2. Volodenkov S.V. Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and modern challenges. *Bulletin of the Moscow state regional University (electronic journal)*. 2018, no. 2., pp. 39–48.
3. Vorontsov S.A., Mamychyev A.Yu. “Artificial intelligence” in modern political and legal life of society: problems and contradictions of digital transformation. *Territory of new opportunities. Vestnik VSUES*. 2019, no. 4, pp. 9–21.
4. Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. On improving state policy in the sphere of ensuring national security. *Power*. 2016, no. 24(2), pp. 126–132.
5. Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Legal problems of digitalization: theoretical and legal aspect. *Legal concept*. 2019, no. 4, pp. 27–34.
6. Gomboin Z.E. Information and communication technologies for development: the logic of the evolution of international discourse. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 25: International relations and world politics*. 2018, no. 3, pp. 121–153.

7. Goncharov P.K. Political process: essence and content. *Socio-humanitarian knowledge*. 2018, no. 2, pp. 78–86.
8. Kornienko T.A. Main vectors of development of modern political processes. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2016, no. S16, pp. 19–25. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76184.htm>.
9. Kurnosov Yu.V., Konotopov P.Yu. *Analytics: Methodology, technology and organization of information and analytical work*. Moscow, 2004. 512 p.
10. Lopatova N. International experience in forming a digital government. *Science and innovation*. 2019, no. 5, pp. 24–28.
11. Malysheva G.A. About socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society. *Power*. 2018, no. 1, pp. 40–46.
12. Matveichev M.Yu. Foreign experience in implementing the e-voting system as one of the most important mechanisms of e-democracy. *Law and state: theory and practice*. 2019, no. 8, pp. 16–19.
13. Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu., Bukharina M.K. State power in the information and conflict space: the legal mechanism for countering political manipulation in Russia at the turn of the XX-XXI centuries. *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok state University of Economics and service*. 2015, no. 3, pp. 39–47.
14. Mushta A.A., Rastimeshina T.V. Information and analytical competence in the state management circuit: problematic aspects and ways of improvement. *Economic and socio-humanitarian research*. 2019, no. 2(22), pp. 147–154.
15. Perfilieva O.V. The problem of the digital divide and international initiatives to overcome it. *Bulletin of international organizations*. 2007, no. 2(10), pp. 34–48.
16. *Law in the context of digitalization*. Comp. by T.Y. Khabrieva. St. Petersburg, 2019. 36 p.
17. Pyrma R.V. Influence of digital communications on political participation. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019, no. 9(4), pp. 63–69.
18. Smirnov D.A., Botasheva L.E., Leonov A.N. Transformation of financial and legal relations in the digital economy. *Humanities and legal research*. 2019., no. 2, pp. 152–156.
19. Smorgunov L.V. Participatory state governance: platforms and cooperation. *Power*. 2019, no. 5, pp. 9–19.
20. Tikhonova S.V. On the way to the political and legal development of the information society: "strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030". *Izv. Sarat. UN-TA. New. ser.: Economy. Management. Right*. 2017, no. 4, pp. 452–457.
21. Toshchenko Zh.T. New in the social structure of society: precariat. *RFBR Bulletin. Humanities and social Sciences*. 2017, no. 2, pp. 100–108.
22. Khapai A.A. Strategy of information society development in the Russian Federation: innovative approaches to implementation at the present stage. *Theory and practice of social development*. 2015, no. 17, pp. 90–94.
23. Kholodnaya E.V. On some prospects for the development of e-government in the context of digital transformation. *Humanitarian and legal research*. 2018, no. 4, pp. 193–199.
24. Shestopal S.S., Mamychev A.Yu. Sovereignty in the global digital dimension: modern trends. *Baltic humanitarian journal*. 2020, no. 1(30), pp. 398–403.
25. Shutov A.Yu. *Political process*. Moscow: Moscow University Publishing house, 1994. 80 p.
26. Manovich L. *The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*. URL: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf.
27. Watson P.J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution. *Infowars.com*. URL: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution>.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Повышение вовлеченности в электоральный процесс посредством внедрения дистанционных цифровых технологий

УДК 32.019.51

Тен Екатерина Васильевна

Аспирант кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Юридическая школа; E-mail: katrin.ev@list.ru.

Статья получена: 27.04.2020. Рассмотрена: 19.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены положительные аспекты цифровой трансформации избирательного процесса, акцентировано внимание читателей на проблеме низкого уровня вовлеченности граждан в электоральный процесс. Кроме того, описаны организационные и правовые стороны упомянутого вопроса, предложены допустимые пути решения проблемы посредством использования дистанционных технологий. Отражены возможные препятствия при внедрении цифровых систем удаленного участия избирателей в политическом процессе.

Ключевые слова: выборы, электоральный процесс, политический процесс, цифровизация избирательного процесса, дистанционные технологии, интерес избирателей

Результаты стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, кото-

рые весьма активно и наглядно стали внедряться в последние десятилетия, привели к логичным изменениям в нормативно-правовой, социальной, экономической и политической жизни общества и каждого человека. О влиянии автоматизированных цифровых систем на совершенствование государственного управления и различных общественных процессов писали в своих исследованиях такие авторы, как П.П. Баранов, А.Ю. Мамычев, О.И. Мирошниченко, А.Ю. Мордовцев, Я.В. Гайворонская, С.В. Володенков и др. В своих работах авторы обращают внимание на значительную роль цифровых систем в формировании «новых сфер правового регулирования, возможности применения и эксплуатации современных технологий, механизма правового воздействия. В работах исследуется процесс внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в процесс правоприменения, а также влияние информационно-коммуникационных технологий на электоральный процесс» [2; 3; 5; 6; 7; 13; 14; 22].

Анализ преимуществ, проблем и перспектив цифровой трансформации избирательного процесса и технологий в Российской Федера-

INCREASING POPULATION INVOLVEMENT IN THE ELECTORAL PROCESS THROUGH THE INTRODUCTION OF REMOTE DIGITAL TECHNOLOGIES

Ten Ekaterina Vasilievna

Postgraduate of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Law School; E-mail: katrin.ev@list.ru.

Manuscript received: 27.04.2020. Revised: 19.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. There are in article discussed the positive aspects of the digital transformation of the electoral process, readers focused on the problem of low level of citizen involvement in the electoral process. In addition, there are described the organizational and legal aspects of this issue and proposed acceptable ways of solving the problem through the use of remote technologies. There are in article reflected possible obstacles in the implementation of digital systems of remote participation of voters in the political process.

Keywords: elections, electoral process, political process, digitalization of the electoral process, distance technologies, voter's interest

ции ранее отражались в работах О.Н. Демушиной, Ю.В. Ирхина, А.А. Закускина, Ю.И. Абрамова, Е.И. Колюшина и других современных исследователей. Авторы приводят оценку применения действующих систем автоматизации политического процесса, а также рассматривают перспективы их развития [1; 8; 9; 11; 12].

О.Н. Демушина в статье «Факторы повышения эффективности электронного участия граждан» приходит к следующим выводам. Во-первых, автор утверждает, что «развитие информационно-коммуникативных технологий позволяет наиболее быстро и без больших затрат привлечь представителей общественности к процессу принятия управленческих решений. Вместе с тем, как указывает О.Н. Демушина, следует учитывать факторы (они подробно исследованы в работе автора), влияющие на успешность электронного участия граждан — это повышает эффективность взаимодействия населения с органами власти с помощью электронных технологий. Во-вторых, О.Н. Демушина привлекает внимание читателей к существенным проблемам цифровых систем и технологий избирательных процессов: «Несмотря на существующее в интернет-пространстве многообразие сервисов электронного участия, их качество нельзя признать высоким по многим причинам — отсутствие обратной связи на большинстве порталов и, как результат, их низкая интерактивность, невысокая востребованность инструментов электронного участия, предполагающих активную роль граждан в решении управленческих задач, особенно это относится к региональному уровню. К основным причинам, вызывающим эти проблемы, относятся, прежде всего, сложность предлагаемых электронных сервисов, низкий уровень компьютерной грамотности, недостаточная открытость органов власти. Вместе с тем автор подчеркивает необходимость «доработки нормативно-правовой базы, регламентирующей информационные аспекты взаимодействия власти и граждан» [8].

Таким образом, в качестве одной из основных проблем взаимодействия избирателей и других участников политического процесса в электронном пространстве автор выделяет низкий уровень вовлеченности граждан в реализацию избирательного права.

Вместе с тем, согласно данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, явка на выборах президента 2018 г. составила 73,36 млн граждан, что составляет менее 68% из общего числа (110,8 млн) потенциальных избирателей. Таким образом, целесообразно рассмотреть вопрос поиска и использования возможностей повышения участия граждан в выборах [17].

В соответствии с официальными данными транснациональной корпорации Google мобильными устройствами пользуются 95% россиян, из них 81% пользователей выходит во всемирную сеть Интернет ежедневно, еженедельно — 15% и всего 4% каждый месяц. Россияне в возрасте от 18 лет активно используют мобильные приложения и иные инструменты выхода в интернет-пространство в различных целях: для выхода в социальные сети (84%), поиска информации (75%) либо посещения новостных сайтов (59%). Данная категория пользователей удовлетворяет возрастным критериям для участия в электоральных процессах [16].

Помимо использования виртуального пространства в развлекательных целях, в сети Интернет популяризируется дистанционное обучение (данная форма образования особенно актуальна на фоне негативных событий 2020 г.) по различным направлениям образования — от проведения вебинаров и консультаций до преподавания на онлайн-курсах. В то же время привлечение (приглашение в качестве участников) учеников на дистанционные образовательные платформы осуществляется посредством таргетированной рекламы в социальных сетях либо одного из видов контекстной — по базам данных поисковых систем (Яндекс, Google и др.).

Следовательно, применение дистанционных цифровых технологий имеет широкий потенциал возможностей использования, в том числе и в целях вовлечения граждан в активное участие в избирательном процессе.

Эффективность применения социальных сетей в политических целях возможно рассмотреть на примере стратегии предвыборной кампании Дональда Трампа, в ходе которой использовались такие системы, как Big Data (большие данные). В своих работах Ю.В. Ир-

хин, К. Улибер, А. Немиров и Е. Роговский подробно описали особенности применения данных технологий, а также результаты успешного использования в целях воздействия и манипулирования мнением избирателей. «Так, в день третьих дебатов между Д. Трампом и Х. Клинтон его команда отправила в социальные сети свыше 175 тыс. различных вариаций посланий агитационного характера. Команда Трампа применила дифференцированные подходы анализа позиций избирателей, включавшие выходы на небольшие группы населения, которые точно показывали их приоритеты и потребности в качестве избирателей, укрепив таким образом интерес к участию в выборах [11; 15; 18; 19].

В статье «Москва, выборы, эксперимент» Ю.И. Абрамов высказал свою точку зрения в положительном направлении в отношении проведения экспериментов по внедрению в избирательный процесс новых информационных технологий на сентябрьских выборах 2019 г. в Москве. Автор провел подробный анализ мнения экспертов, а также обсуждения при выработке соответствующих нормативных актов, разрабатываемых в целях правового регулирования следующих двух экспериментов: создание цифровых избирательных участков, на которых избирателям регионов будет доступно проголосовать за кандидатов, выдвинувшихся на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы седьмого созыва и выборах руководителей в 16 субъектах; второй эксперимент касается организации дистанционного электронного голосования в отдельных округах на выборах депутатов Московской городской думы. Ю.И. Абрамов приводит положения в пользу эффективности и востребованности упомянутых экспериментов, описывая положительные стороны внедрения данных цифровых технологий [1].

Аналізу совокупности методов организации и проведения электронного голосования посвятили свое внимание В.Б. Зотов и С.П. Косарин. Авторы исследовали как зарубежный опыт, так и «состояние современной методологии электронного голосования при организации выборов депутатов в Российской Федерации — достоинства и перспективы развития инноваци-

онных отечественных разработок. Особое внимание В.Б. Зотов и С.П. Косарин уделили технологиям дистанционного голосования как ведущим и наиболее перспективным направлениям цифровой трансформации избирательного процесса [10].

Помимо организационных аспектов повышения вовлеченности в электоральный процесс путем внедрения дистанционных цифровых технологий, важным является также правовое обеспечение цифровизации политического процесса. Рассматриваемого вопроса касались такие авторы, как Е.И. Колюшин, Е.Н. Босова, Д.А. Реут, Н.С. Чимаров [12; 4; 21].

Е.И. Колюшин обозначил фундаментальные проблемы дистанционного электронного голосования, а именно: обеспечение тайны участия в выборах, а также адекватный учет волеизъявления избирателей в итогах голосования. При этом он подчеркивает, что «поспешно принятое законодательство о проведении экспериментов электорального процесса 2019 г. не решает ни одну из упомянутых задач». В статье также проводится анализ содержания и назначения федерального и регионального законов, акцентируется внимание на том, что «нормы данных законов, которые отсылают к Федеральному закону “Об основных гарантиях...”, создают иллюзию решения проблем обеспечения тайного голосования и адекватного учета волеизъявления избирателей по итогам голосования, так как нормативная конструкция указанного Федерального закона концептуально отрицает дистанционное электронное голосование. Таким образом, непосредственных правоотношений между избирателем и избирательной комиссией не происходит, а следовательно, и гарантии тайны голосования и адекватного учета волеизъявления избирателя в итогах голосования избирательным законодательством не устанавливаются и не регулируются» [12].

По мнению же Е.Н. Босовой и Д.А. Реута, «эксперименты по проведению в Российской Федерации дистанционного электронного голосования, а также дальнейшее развитие подобных систем способствуют развитию демократизации избирательного процесса». В своей статье авторы раскрывают концептуальные,

процедурные и технологические особенности, а также правовое регулирование упомянутых экспериментов [4].

Н.С. Чимаров в статье «Правовая основа экспериментального проекта “Дистанционное электронное голосование” на выборах 8 сентября 2019 года в Московскую городскую Думу седьмого созыва» проводит исследование общих характеристик «правовой регламентации новой технологии онлайн-голосования на платформе блокчейна (системы голосования с анонимными избирательными бюллетенями, позволяющими обеспечить соблюдение условия тайного голосования)». Автор подчеркивает достоинства и преимущества, а также возможные угрозы при реализации рассматриваемой формы проведения выборов. Н.С. Чимаров приходит к выводу о «целесообразности применения электронного голосования в целях повышения электоральной активности избирательского корпуса» [21].

А.А. Закускин же анализирует проблемы внедрения информационных технологий в политический процесс в России «с точки зрения исторического и компаративного методов, используя данные интернет-опроса 150 студентов Марийского государственного университета, проведенного в целях изучения возможности и эффективности использования удаленных способов голосования. В статье предлагаются различные способы внедрения цифровых технологий (к примеру, электронное голосование с использованием мобильного приложения), предлагается усовершенствовать законодательную основу для урегулирования отношений, связанных с осуществлением дистанционного электронного голосования, также автором обосновывается необходимость установления в законодательстве норм, включающих требования к техническим характеристикам специальных устройств для голосования» [9].

Как уже упоминалось ранее, в настоящее время в Российской Федерации практика применения дистанционных цифровых технологий лишь предприняла «первые шаги» на пути внедрения и реализовалась в программе «Мобильный избиратель». «Механизм “Мобильный избиратель” заменил на федеральных и региональных выборах систему открепитель-

ных удостоверений и досрочного голосования в помещениях территориальной избирательной комиссии и участковой избирательной комиссии, сделав процедуру голосования по месту фактического нахождения гражданина более удобной. Данный механизм дает возможность проголосовать в пределах своего избирательного округа вне зависимости от места регистрации, если гражданин заранее подаст заявление о включении его в список избирателей по месту нахождения». Прежде для того, чтобы выразить свое волеизъявление в качестве избирателя, необходимо было обратиться в территориальный орган избирательной комиссии региона по месту регистрации для получения открепительного на бумажном носителе. Теперь же, в результате внедрения системы «Мобильный избиратель», зарегистрироваться и принять «участие в выборах в другом регионе возможно дистанционно, для чего необходимо лишь подать заявление о включении в список избирателей по месту фактического нахождения на портале «Госуслуги», в территориальной избирательной комиссии либо в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг. Затем, в день голосования, избиратель приходит на цифровой избирательный участок, который он указал в своем заявлении. Предъявив паспорт, он получает штрих-код, который соответствует его идентификационному номеру, — это гарантия и защита его голоса. Далее выполняется процедура голосования с помощью комплекса для электронного голосования (это могут быть КЭГи или КОИБы)» [1].

Помимо программы «Мобильный избиратель», был проведен «эксперимент по организации дистанционного голосования на выборах в Мосгордуму в сентябре 2019 г. Согласно назначению данного эксперимента избиратели впервые имели возможность проголосовать с помощью специализированного сервиса, созданного на региональном портале “Mos.ru”, без использования бумажного бюллетеня. Такую процедуру дистанционного голосования можно условно разделить на три этапа. На первом избиратель, желающий проголосовать в онлайн-режиме, должен был подать заявление на портале “Mos.ru” (по аналогии с описанной ранее системой “Мобильный избира-

тель”), после чего, по результатам проверки поданного заявления, избирателю приходило уведомление о включении в реестр и предоставлении права проголосовать в электронной форме. На втором этапе, в день голосования, избиратель заходил в свой личный кабинет на московском портале государственных услуг и после прохождения идентификации посредством смс-кода получал доступ к электронному бюллетеню. Следующим шагом гражданин отдавал свой голос, а затем система автоматически его учитывала в анонимном, зашифрованном виде. В участковой комиссии информация о каждом поданном голосе суммировалась, а уже по окончании проведения выборов с помощью специального ключа была произведена расшифровка электронных данных и сформирован протокол электронного голосования».

Кроме упомянутых экспериментальных программ («Мобильный избиратель» и дистанционное голосование на основе «Mos.ru») «в рамках научно-практической конференции “Выборы. Сегодня и завтра”, состоявшейся 29 октября 2018 г. в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, были обсуждены и другие проекты цифровизации электорального процесса. В качестве наиболее перспективных направлений можно выделить следующие: проект создания единой биометрической системы для обеспечения удаленной идентификации избирателя; проект создания цифрового избирательного участка для мобильного избирателя, позволяющего голосовать на любом избирательном участке, на территории и за пределами страны. Вместе с тем была представлена система электронного голосования Polys, разработанная Лабораторией Касперского, основанная на технологии “блокчейн”» [1].

Внедрение и использование описанных инструментов цифровой трансформации избирательного процесса создает предпосылки к развитию взаимоотношений участников электоральных процессов в виртуальном пространстве сети Интернет, усилению демократизации в XXI в.

В целях повышения вовлеченности в электоральный процесс путем внедрения дистанционных цифровых технологий требуется совершенствование государственной политики в сфере цифровизации избирательных процес-

сов, регулирующей организационно-управленческие, социально-политические отношения, возникающие при создании, внедрении и совершенствовании цифровых технологий в избирательном процессе, в том числе с использованием ранее описанных электронных систем. Указанная политика должна устанавливать не только организационные, но и правовые, экономические и даже технические требования к инновационным системам.

Одним из наиболее перспективных направлений развития информационных технологий является внедрение таких цифровых систем, которые исключают необходимость посещения избирательных участков, в том числе и цифровых, где установлены комплексы обработки избирательных бюллетеней и комплексы для электронного голосования (КОИБы и КЭГи), но позволяют использовать системы участия в выборах дистанционно, не выходя из дома (что особенно актуально в периоды кризисов и карантинов). Применение таких систем создаст условия доступности, удобства и быстроты реализации избирательного права граждан.

Реализация данной идеи может быть осуществлена в двух направлениях: при создании нового, автономного приложения либо путем внедрения дополнительного сервиса в уже имеющееся, адаптированное под мобильные устройство приложение (к примеру, в системе портала «Госуслуги»).

При этом как в первом, так и во втором вариантах цифровизации политического процесса могут возникнуть трудности при внедрении и эксплуатации систем. Одной из важных проблем автоматизации избирательных процессов является низкий уровень использования сервисов среди граждан. Фундаментальной причиной данной проблемы может послужить простое отсутствие осведомленности избирателей о возможностях голосования в условиях эксплуатации дистанционных систем. Указанную задачу возможно решить эффективными инструментами, используемыми в сфере маркетинга.

В том случае, когда проблема затрагивает вопрос «вывода» на «потребительский рынок» нового мобильного приложения, опытные маркетологи уже представляют план продви-

жения продукта для целевой аудитории, т.е. тех пользователей, для которых было создано приложение. В данном случае приложение будет способствовать возможности дистанционного участия на выборах, а значит, пользователи должны будут соответствовать требованиям, предъявляемым к избирателям.

Наиболее эффективными в XXI в. путями популяризации новых технологий являются официальная реклама в социальных сетях — таргетированная (настроенная на определенную целевую аудиторию) реклама в «Инстаграм», «Вконтакте» и иных подобных сервисах, а также контекстная — реклама по запросам поисковых систем Google, «Яндекс» и др. В первом случае при настройке рекламы устанавливаются индивидуальные параметры пользователей (пол, возраст, территориальная принадлежность, интересы, наличие детей и их возраст, политические предпочтения и большой массив данных иных критериев), во втором — учитываются актуальные поисковые запросы пользователей, другими словами, реклама отображается только тем пользователям, которые искали необходимую информацию в сети Интернет целенаправленно [20].

Кроме того, применение данных инструментов может помочь в решении проблемы низкого уровня вовлеченности граждан в электоральный процесс. Пример успешного использования рекламных систем в политическом процессе подробно описан в упомянутой ранее статье Ю.В. Ирхина «Выборы 45-го президента США: ключевые особенности, технологии, результаты» — команда действующего президента США на примере предвыборной кампании доказала эффективность и результативность цифровых систем взаимодействия с избирателями. В ука-

занном случае использовались данные социальной сети Facebook, пользующейся популярностью среди граждан США (в России наиболее распространенными сервисами являются «Вконтакте» и «Инстаграм») [11].

При использовании новых дистанционных технологий вряд ли возникнут проблемы у более молодого поколения граждан, в то время как у избирателей, имеющих небольшой опыт в эксплуатации современных систем, могут возникнуть определенные затруднения. Для таких граждан потребуется обучение, для чего, возможно, потребуется помощь специализированной команды либо предварительная программа обучения.

Вышеупомянутые вопросы также требуют своевременных решений в рамках государственной политики в сфере внедрения цифровых дистанционных технологий в избирательный процесс.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены преимущества цифровой трансформации избирательного процесса, особое внимание уделено проблеме низкой вовлеченности граждан в политический процесс, исследованы организационно-правовые стороны данного вопроса, предложены возможные способы решения проблемы путем внедрения систем и технологий дистанционного участия избирателей в выборах, а также использования рекламных инструментов в целях популяризации электронных средств онлайн-голосования. Вместе с тем указаны потенциальные проблемы, которые могут возникнуть при внедрении цифровых систем дистанционного участия избирателей в политический процесс, и пути их решения.

Литература

1. Абрамов Ю.И. Москва, выборы, эксперимент // *Выборы: теория и практика*. — М., 2019. — С. 3–10.
2. Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: Основные тренды и ориентиры // *Балтийский гуманитарный журнал*. — 2020. — Т. 9. — № 1(30). — С. 357–361.
3. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: Проблемы и перспективы политико-правовой динамики // *Балтийский гуманитарный журнал*. — 2019. — Т. 8. — № 4(29). — С. 320–324.
4. Босова Е.Н., Реут Д.А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // *Правоприменение*. — 2019. — № 3(3). — С. 53–62.
5. Володенков С.В. Интернет-технологии как инструмент воздействия на современные национальные политические режимы // *Дискурс-Пи*. — 2017. — № 28(3). — С. 65–73.
6. Володенков С.В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // *Вестник Московского университета*. — Сер. 12: Политические науки (ранее: Теория научного коммунизма; Социально-политические исследования). — 2017. — № 2. — С. 15–23.
7. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Мамычев А.Ю. Нескромное обаяние цифровизации // *Legal Concept*. — 2019. — № 18(4). — С. 40–47.

8. Демушина О.Н. Факторы повышения эффективности электронного участия граждан // *Ars Administrandi* («Искусство управления»). — 2017. — № 2. — С. 132–151.
9. Закускин А.А. Внедрение электронных технологий в Российский избирательный процесс // *Вестник Мариинского государственного университета*. — Серия «Исторические науки. Юридические науки». — М., 2019. — С. 277–282.
10. Зотов В.Б., Косарин С.П. Методология организации и проведения электронного голосования при выборах депутатов // *Муниципальная Академия*. — М., 2019. — С. 42–48.
11. Ирхин Ю.В. Выборы 45-го президента США: ключевые особенности, технологии, результаты // *Ars Administrandi* («Искусство управления»): Научное издание. — М., 2017. — С. 111–131.
12. Колюшин Е.И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — М., 2019. — С. 103–113.
13. Мамычев А.Ю. Электронное государство и сервисная концепция модернизации публично-властной деятельности: Архитектура и перспективы развития // *Юристы-Правоведь*. — 2012. — № 5(54). — С. 82–86.
14. Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. Цифровая трансформация общественно-политической организации: Проблемы гармонизации ценностно-нормативных и инновационных доминант развития политической системы // *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. — 2019. — № 21(2). — С. 101–119.
15. Немиров А. Дональд Трамп. Провокация успеха // *Нехудожественная литература*. — М., 2017. — С. 318.
16. Официальный портал Google [Электронный ресурс]. — URL: <https://developers.google.com/analytics?hl=ru/> (дата обращения: 15.03.2020).
17. Официальный портал Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).
18. Роговский Е. Выборы США: успех технологических инноваций // *Международная жизнь*. — 2017. — № 3. — С. 19. — URL: http://conf.sciencepublic.ru/wp-content/uploads/2017/02/2017.02.01_rogovsky_01.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
19. Улибер К. Трамп и эпоха постправды. — М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2019. — С. 30.
20. Фадеева А.Ю. Social Media Marketing как инструмент продвижения региональных инвестиционных порталов // *Актуальные проблемы экономики и права*. — 2016. — № 10(2). — С. 140–149.
21. Чимаров Н.С. Правовая основа экспериментального проекта «Дистанционное электронное голосование» на выборах 8 сентября 2019 года в Московскую городскую Думу седьмого созыва // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. — 2019. — № 4(45). — С. 21–25.
22. Шестопал С.С., Астахова Е.В. Правовые и экономические аспекты развития инновационных технологий // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. — 2018. — Т. 10. — № 4(43). — С. 69–80.

References

1. Abramov Yu.I. Moscow, elections, experiment. *Elections: theory and practice*. Moscow, 2019, pp. 3–10.
2. Baranov P.P., Mamychev A.Yu. Digital Transformation of Law and Political Relations: Main Trends and Guidelines. *Baltic Humanitarian Journal*. 2020, vol. 9, no. 1(30), pp. 357–361.
3. Baranov P.P., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. Human rights and freedoms in the digital age: Problems and prospects of political and legal dynamics. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019, vol. 8, no. 4(29), pp. 320–324.
4. Bosova E.N., Reut D.A. Remote electronic voting: legislative search. *Enforcement*. 2019, no. 3(3), pp. 53–62.
5. Volodenkov S.V. Internet technologies as an instrument of influence on modern national political regimes. *Diskursy-Pi*. 2017, no. 28(3), pp. 65–73.
6. Volodenkov S.V. Internet technologies as a modern tool for virtualization of mass political reality. *Moscow University Herald. Ser. 12: Political Sciences (formerly: Theory of Scientific Communism; Socio-Political Studies)*. 2017, no. 2, pp. 15–23.
7. Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I., Mamychev A.Yu. Indiscreet charm of digitalization. *Legal Concept*. 2019, no. 18(4), pp. 40–47.
8. Demushina O.N. Factors of increasing the effectiveness of electronic participation of citizens. *Ars Administrandi*. 2017, no. 2, pp. 132–151.
9. Zakuskin A.A. Introduction of electronic technologies in the Russian election process. *Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences*. 2019, pp. 277–282.
10. Zotov V.B., Kosarin S.P. *The methodology of organizing and conducting electronic voting in the election of deputies*. Municipal Academy. Moscow, 2019, pp. 42–48.
11. Irkhin Yu.V. Elections of the 45th president of the USA: key features, technologies, results. *Ars Administrandi: Scientific publication*. Moscow, 2017, pp. 111–131.
12. Kolyushin E.I. Legal Issues of Electronization (Digitalization) of Elections. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MGYU)*. Moscow, 2019, pp. 103–113.
13. Mamychev A.Yu. Electronic state and service concept of modernization of public-power activity: Architecture and development prospects. *Lawyer-Jurisprudence*. 2012, no. 5(54), pp. 82–86.
14. Mamychev A.Yu., Miroshnichenko O.I. Digital Transformation of the Socio-Political Organization: Problems of Harmonization of Value-Normative and Innovative Dominants of the Development of the Political System. *Asia-Pacific: economics, politics, law*. 2019, no. 21(2), pp. 101–119.
15. Nemirov A. Donald Trump. The provocation of success. *Non-Fiction*. 2017, p. 318.
16. Official website of Google. URL: <https://developers.google.com/analytics?hl=en/> (accessed 15 March 2020).
17. Official website of the Central Election Commission of the Russian Federation. URL: <http://www.cikrf.ru/> (accessed 15 March 2020).
18. Rogovsky E. Election USA: the success of technological innovation. *International life*. 2017, no. 3, pp. 19. URL: http://conf.sciencepublic.ru/wp-content/uploads/2017/02/2017.02.01_rogovsky_01.pdf (accessed 15 March 2020).
19. Uliber K. *Trump and the era of post-truth*. Publishing House Mann, Ivanov and Ferber, 2019. P. 30.
20. Fadeeva A.Yu. Social Media Marketing as a tool for promoting regional investment portals. *Actual problems of economics and law*. 2016, no. 10(2), pp. 140–149.
21. Chimarov N.S. The legal basis of the pilot project «Remote electronic voting» in the elections on September 8, 2019 to the Moscow City Duma of the seventh convocation. *Bulletin of the St. Petersburg legal academy*. 2019, no. 4(45), pp. 21–25.
22. Shestopal S.S., Astakhova E.V. Legal and economic aspects of the development of innovative technologies. Territory of new opportunities. *Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2018, no. 4(43), pp. 69–80.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемы правового регулирования экономических отношений и взаимодействия права и экономики в зарубежной правовой доктрине в условиях цифровой экономики

УДК 34(340)

Евсеева Татьяна Витальевна

Ведущий специалист, отдел организации научно-исследовательской работы; E-mail: tatianaev@list.ru.

Статья получена: 22.04.2020. Рассмотрена: 12.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. Зарубежные учения, касающиеся взаимодействия права и экономики, не единообразны. Ранее предпринимались попытки их классификации, однако осуществлялось это с позиции экономического воздействия права на экономику. В данной же работе предполагается рассмотреть различные учения о взаимодействии права и экономики с позиции государственно-правового регулирования экономических отношений (взаимовлияние права и экономики), а также аспекты взаимодействия права и науки экономики. Более того, существуют вызовы цифровой эпохи, которые требуют применения новых мер и методов с использованием инструментов права и экономики.

Ключевые слова: право, экономика, правовое регулирование, зарубежные учения, экономические отношения, цифровая экономика

Развитие общества, технологий, появление новых способов обмена участниками экономических отношений сопровождается, а часто влечет за собой изменения в других сферах жизни общества, включая правовое регулирование.

Исследователь А. Илиаду обращает внимание, что глобализация в сфере экономики наряду с инновационным технологическим прогрессом, который обычно рассматривается в области электронных коммуникаций, приводят к появлению новых бизнес-моделей и парадигм, основанных на появлении сетевых услуг, имеющих универсальную степень покрытия, в различных секторах экономики. Такая новая парадигма способствует увеличению экономической эффективности, но в то же время она является источником риска, во-первых, ввиду того, что имеет место вероятность злоупотреблений в действиях монополистов и их посягательства на такие фундаментальные права и свободы, как право частной собственности. Политики и юристы сталкиваются с трудностями, пытаясь снизить такие риски,

LEGAL REGULATION OF ECONOMIC RELATIONS AND CONVERGENCE OF LAW AND ECONOMICS ISSUES AT FOREIGN LEGAL DOCTRINE IN THE DIGITAL ECONOMY

Evseeva Tatiana Vitalievna

Senior Specialist, Scientific Research Management Department Vladivostok State University of Economics and Service; E-mail: tatianaev@list.ru.

Manuscript received: 22.04.2020. Revised: 12.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. Foreign theories of law and economics interrelation differ. There were attempts of classifying the theories by the criteria of law economic impact on economy. Different doctrines of law and economics interrelation are supposed to be regarded at the present article taking into consideration state legal regulation of economic relations (law and economics interrelation). The issues of convergence of law and the science of economics are also raised at the present paper. Moreover, there are challenges of the digital era that require some new measures and methods of law and economics the exercising.

Keywords: law, economics, legal regulation, foreign research, economic relations, digital economy

возникающие на фоне отсутствия гармонизации на глобальном уровне или даже ввиду отсутствия достаточно определенного критерия контроля. Исследователь указывает на несостоятельность правовой среды, существование пробелов в регулировании, при этом обращая внимание, что негативным образом это влияет на правовую определенность, что имеет большое значение для экономической деятельности. В качестве варианта возможности устранения рисков в условиях цифровой экономики исследователь предлагает соблюдать баланс интересов и сочетать при установлении регулирующих правил свободу информации и ограничения, налагаемые с целью защиты прав [14, с. 227, 234, 231].

В теории и философии права выделяют такую характеристику общественной организации, как «рискогенность», отмечая, что она может являться направлением в модернизации политико-правовых технологий управления, правового порядка и т.д. [2, с. 70].

Представляется, что цифровая экономика в значительной степени сопряжена с большой долей риска, однако задача правового регулирования состоит в гармонизации общественных отношений.

На основе анализа зарубежного опыта правового регулирования соответствующих отношений в области цифровизации исследователи приходят к выводу о высоком инновационном потенциале цифрового суверенитета и важности его распространения на экономические цели в первоочередном порядке [4, с. 402].

В данной статье рассмотрение проблемы правового регулирования экономических отношений и взаимодействия права и экономики зарубежными исследователями будет представлено с позиций выделенных автором статьи учений о правовом регулировании учений зарубежных исследователей. Представляется, что можно провести следующую их классификацию, критерием ее является вид специальных или специфических ключевых факторов, влияющих на соответствующее регулирование:

- концепция эффективности индивидуального регулирования;
- экономико-политическая концепция правового регулирования;

- концепция институционально-правового воздействия на экономику;
- институционально-инструментальная либерально-правовая концепция;
- нормативно-правовая концепция регулирования экономических отношений;
- концепция политико-правового стимулирования экономики;
- концепция политико-правового совещательного регулирования;
- концепция динамического каталактического права.

Концепция эффективности индивидуального регулирования

К числу представителей данного учения можно отнести Р. Коуза, Р. Познера, Э. Познера, Г. Уинтера, М. Фридмана, Р. Фридман, Д. Лейцеля, Г. Беккера, Р. Фунта, А. Савина. Концепция, сторонниками которой являются данные исследователи, предполагает, что нормы права подлежат экономическому анализу, что позволяет выявить экономическую природу различного рода проблем анализа правовых норм. Большое внимание уделяется при этом необходимости поддержки конкуренции, поддержке частного предпринимательства и уменьшению государственного вмешательства в экономику.

С позиции А. Савина саморегулирование правоотношений играет важную роль. Более того, оказать влияние на изменение существующего и создание нового цифрового законодательства должны заинтересованные лица. Исследователь отмечает, что требуются новые подходы в праве, которые будут способствовать поддержке инноваций и экономического процветания, а также будут удовлетворять потребителя [18, с. 4, 12].

Отмечая бинарность, на которой основывается традиционная правовая среда (бизнес против потребителей, поставщики против покупателей, работодатели против работников), исследователь указывает, что новая цифровая экономика не предполагает такое разделение. Проводя анализ данного феномена в свете экономики совместного потребления в случаях с наличием и отсутствием конкурентов на цифровом рынке, он предлагает вариант моди-

фицированного регулирования. Конвергенция и дерегулирование конкуренции, существующей не на цифровом рынке, должны соблюдаться в таких случаях, когда имеет место дерегулирование конкуренции вне области цифровых рынков, если это возможно. По мнению исследователя, во всех случаях для всех нестабильных конструкций необходимо внедрить модифицированную правовую среду, которая применяется в сфере экономики совместного потребления. Так, существующие правила регулирования отношений должны применяться к услугам, не попадающим под понятие «инновационные». Услуги, оказание которых становится невозможным в случае применения прежних моделей, не подлежат такому регулированию. Кроме того, недопустимо рассмотрение в качестве инновационных услуг, нарушающих правовые нормы, регулирующие вопросы логистики и перевозок, здравоохранения и иные правила, установленные действующим законодательством [18, с. 13].

Некоторые исследователи, например Н. Меркуро, С. Медема, полагают, что учение близкое к концепции эффективности индивидуального регулирования является ведущим направлением в рамках экономического анализа права и имеет большое число последователей. Представителями чикагской школы «права и экономики» являлись, по их мнению, Рональд Г. Коуз, Гвидо Калабреззи, Генри Манне, Гэри Беккер и Ричард А. Познер. Представляется, что не все из данных исследователей подлежат отнесению к представителям учения об эффективности индивидуального регулирования, а ряд из них следует отнести к иным школам, о чем изложено в дальнейшем.

Ч. Роули придерживается иной позиции при отнесении исследователей к той или иной школе. Так, М. Фридмана, а также Ф. Найта он относит к представителям науки об общественном выборе (политической экономики), впрочем, упоминая их в числе представителей чикагской школы данного направления исследований, тем самым выделяя в рамках учения об общественном выборе отдельные направления [17, с. 6]. Представляется, что классификация Чарльза Роули не является вполне оправданной, поскольку труды данных исследова-

вателей в значительной мере охватывают большой объем вопросов, касающихся взаимодействия права и экономики, чем ряд аспектов, которые стоят в числе основных задач школы общественного выбора.

Характеризуя чикагский подход, сходный с концепцией эффективности индивидуального регулирования, Н. Меркуро и С. Медема отмечают прямое применение микроэкономического анализа (ценовой теории) к праву. Выделяют следующие основные элементы данного подхода: физические лица рационально стремятся к максимальной удовлетворенности, осуществляя деятельность как на рынке, так и за его пределами; физические лица реагируют на ценовые стимулы, действуя на рынке и за его пределами; правовые нормы и результаты можно оценить с позиции их эффективности, а значит, во-первых, процесс принятия правовых решений должен содействовать эффективности, и, во-вторых, при разработке государственной политики лица, принимающие решения, должны в значительной степени полагаться на рынок [15, с. 102].

Основным вкладом учения об эффективности индивидуального регулирования в решение проблемы взаимодействия права и экономики является обоснование необходимости дерегулирования и значимости свободного рынка. Особый интерес и положительное влияние на развитие права имеет новая предложенная методика анализа права посредством применения методов анализа экономики (экономического анализа права).

Исследователь Р. Фунта отмечает, что в то время, как цифровизация способствует вхождению на рынок субъектов экономической деятельности и усиливает конкуренцию, развитие права не всегда способно соответствовать и изменяться в соответствии с развитием инновационных продуктов и бизнес-моделей. На всех рынках цифровой экономики конкуренция может быть искажена недостаточностью адаптации существующих правовых моделей с учетом достижений цифровой экономики, что препятствует возможности применения инновационных моделей ведения бизнеса [13, с. 176].

Важно определить, соответствуют ли правовые нормы нуждам цифровой эпохи, в кото-

рой каждый субъект, имеющий определенный интерес (при наличии издержек), гарантирует отслеживание изменений данных компаниями и государственными органами [12, с. 12].

Следует отметить, что представители данной концепции не придерживаются единой позиции: исследователи выдвигают идеи об экономическом анализе права, применении методов анализа экономики к праву, о применении метода экономического анализа к праву.

Экономико-политическая концепция правового регулирования

Представителями данного учения являются М. Олсон, Ф. Париси, Д. Мюллер, Ч. Роули, Г. Туллок, Дж. М. Бьюкенен. Данное учение представляет собой теорию, которая позволяет применять экономические законы к правоотношениям, возникающим в рамках публично-правовых отношений в сфере конституционного, избирательного права. Деятельность частного сектора аналогична активности в публичном.

В литературе также встречается иное сходное с данным учением направление исследований, именуемое «политическая экономика», или «общественный выбор». Сторонники данного учения осуществляют исследования с целью проведения анализа и предоставления прогноза поведения участников политического рынка посредством использования экономических методов анализа, преимущественно аксиомы о рациональном выборе, посредством чего предполагают сформировать нерыночную модель поведения при принятии решений. В рамках указанного направления исследований Ч. Роули выделяет четыре существующие школы, каждая из которых имеет свои особые подходы к анализу: рочестерская, чикагская, вирджинская школа и политическая экономика [17, с. 3, 6].

Н. Меркуро, С. Медема именуют сходное направление теорией общественного выбора, которая представляет собой экономический анализ принятия нерыночных решений. Данные исследователи выделяют вирджинскую и чикагскую ветви теории общественного выбора [15, с. 156].

Следует отметить, что сторонники теории общественного выбора полагали, что деятельность частного и общественного секторов аналогичны друг другу. В обоих случаях люди выявляют и удовлетворяют свои предпочтения, но в первом случае осуществляют это посредством ценового механизма рынка, а во втором — с помощью коллективного принятия решений, что осуществляется под эгидой государства. Применив данную парадигму к анализу частной и публичной сфер общественных отношений, исследователи смогли проанализировать происходящие в государстве процессы. Так, была разработана теория успеха и провала государства, аналогичная экономическим теориям успеха и провала рынка [15, с. 157–158].

Гордон Туллок выражает позицию о необходимости осуществления экономического анализа политического выбора. Исследователь полагает, что соответствующий метод позволит повысить эффективность демократической формы правления. Он отмечает, что анализ простой прямой демократической формы правления может быть проведен с использованием инструментов экономики. В то же время, учитывая, что большинство государств используют представительскую форму правления, в таком случае может быть использована более сложная комплексная модель, основанная на предложенной модели анализа [19, с. 240].

Отличается позиция исследователя следующим. Г. Туллок полагает, что необходимо определить, чьи решения имеют место при измерении затрат и выгод, кроме того, подлежат включению дополнительные издержки, возникающие на стадии принятия решения. В результате анализа необходимо осуществление сокращения последних указанных издержек. При размещении ресурсов, отмечает Г. Туллок, государству необходимо соотносить предельные издержки и выгоду (без учета политического процесса, который приводит к такому решению) [19, с. 238–239].

Любой проект, в котором используются доходы для получения выгоды меньшинством индивидов, приведет к тем же результатам. Кроме того, данная модель может быть применена не только к случаям взимания финансо-

вых средств, но и ко всем случаям, где степень желанности этих мер будет выражена путем голосования с целью установления этих мер на законодательном уровне. Эта модель применима во всех случаях проявления меньшинством большего стремления, чем большинством. Г. Туллок в то же время допускает возможность наличия исключений при определенных условиях [19, с. 239].

В другой своей работе Г. Туллок указывает, что степень поддержки определенных индивидуальных предложений будет постепенно возрастать по мере увеличения количества представителей коалиции [20, с. 482]. Представляется, что данный принцип справедлив для различного рода случаев.

В другой своей работе Г. Туллок выделяет в качестве вида публичного товара деятельность должностных лиц органов власти. Так, к примеру, принятие федеральным судьей решения по делу является публичным товаром, который исследователь именуется правоприменительной деятельностью. Должностные лица исполнительных органов власти также осуществляют производство «публичных товаров». В этой ситуации, отмечает исследователь, возникает противоречие между частными издержками и публичной выгодой или ущербом (или вредом для общества) [21, с. 913].

В случае принятия решений в частном порядке издержки несет лицо, принимающее такое решение; в случае публичных рынков (в случае принятия публичных решений) так называемые исследователем политические предприниматели преуспевают либо их решения по размещению, продаже «публичных товаров» частным лицам являются неэффективными. Решения таких публичных субъектов оказывают влияние в большей мере на иных лиц, чем на них. Информационные условия на этих двух рынках различны, и следует ожидать значительно меньшую степень удовлетворения потребителя на публичном рынке, чем на частном, лишь по той причине, что потребитель намного меньше энергии затрачивает на принятие решения на публичном рынке. Это так называемая Г. Туллоком теорема о публичных товарах. Она показывает, что рационально мыслящие индивиды сделают выбор, который

не является наиболее благоприятным для общества [21, с. 917].

Г. Туллок приходит к выводам, что частный рынок способен обеспечить приемлемое решение только для тех внешних факторов (экстерналий — внешних последствий экономической деятельности), которые могут быть трансформированы во внутренние в частном порядке. Публичные рынки, которые способны трансформировать во внутренние значительную часть «публичных товаров», порождают серьезную проблему, касающуюся публичных товаров в процессе принятия решений. Таким образом, возникает выбор между частным рынком, постоянно производящим решения, в которых заинтересована какая-либо группа лиц, и органами исполнительной власти, которые также принимают непродуманные решения [21, с. 918].

Еще один представитель экономико-политической концепции правового регулирования Дж.М. Бьюкенен отмечает, что юристам сложно оценить объективную роль конституции и конституционную логику в контексте либерального политического порядка [8, с. 154].

Исследователь указывает, что верховенство права наряду с сохранением основополагающих свобод и перспективы стабильной и процветающей экономики не является «естественной» составляющей нашей социальной среды. Выборности демократии как таковой недостаточно. Демократия должна быть также конституционной фактически, в полной мере. Конституционная демократия не может исключать различие между «относительно абсолютными» правилами политического порядка и относительно удобными ответами на вопросы, которые возникают постепенно и представляются требующими предпринятия коллективных действий. При этом Дж.М. Бьюкенен указывает, что конституционный тип мышления (при котором применяются инструменты экономики) позволяет установить и усилить правило о соблюдении процедур политических действий, которые имеют место и предусмотрены конституционными ограничениями [8, с. 155].

Дж.М. Бьюкенен излагает критику существовавших ранее моделей принятия политических решений. Он полагает, что верно и необходимо

определить логические производные коллективных действий или политических структур, основанных на рациональном выборе, которые позволяют выявить наиболее благоприятные для экономики модели иного поведения индивидуальных участников. Следует отметить, что исследователь расширил возможность применения экономических инструментов к нерыночным институциональным структурам [6, с. 254].

Правовые решения могут быть улучшены, если они принимаются со знанием экономических принципов. Экономическая теория может быть применена для анализа несостоятельных или ошибочных моделей правовых процессов, не требующих внесения изменений в структуру процесса [7, с. 484].

Законность общественной системы может быть в значительной степени подорвана, если те, кто осуществляет принятие коллективных решений, не будут способны оценить значимость учений экономистов. Следует обратить внимание, что Бьюкенен не соглашается с Р. Познером (представителем концепции индивидуального регулирования), отмечая, что не следует придавать излишнее значение экономической эффективности. В то же время простое понимание Познером преимуществ экономического анализа должно было позволить, по мнению Бьюкенена, более подробно определить подлинные социальные издержки политических решений. Бьюкенен отмечает, что субъекты, принимающие политические решения, должны быть мотивированы осуществлять поиск институциональных альтернатив, которые создают наименьшее социальное напряжение, наименьшее уклонение от установленных правил поведения, более строгое соблюдение правовых норм. Право и законодательство, использующее положительный опыт экономики (науки), способно учесть значимость функции рынка в поддержании общественного порядка, что не является основным способом обеспечения эффективности либо максимизации ценности, что измеряется рыночными ценами [7, с. 486].

Правильная экономика, с позиции Дж.М. Бьюкенена, способна предложить руководящие принципы даже юристам, участвующим в законотворческом процессе, которые достаточ-

но высоко ценят распределение субъективных прав, основанных на праве справедливости [7, с. 487].

Необходимо отметить, что представители экономико-политической концепции правового регулирования справедливо придают большое значение роли политического (государственного) режима в повышении уровня экономического развития государства, применения принципа разделения властей, вопросам налогообложения. Как и в ряде других учений, отсутствует единство позиции, в связи с чем можно выделить различные направления в рамках экономико-политической концепции правового регулирования: первое — «конституционная экономика», или «конституционная политическая экономика»; второе направление, в рамках которого рассматривается институциональный этап принятия решений; третье — аксиоматическое направление. Кроме того, существуют концепции о преимуществе обычного права, к примеру, в рамках теории спонтанного права в установленных государством пределах и в условиях обеспечения государством исполнения соответствующих правил.

К числу сторонников *концепции институционально-правового воздействия на экономику* можно отнести Т. Веблена, Г. Адамса. В рамках данного учения предполагается, что право и экономика оказывают взаимовлияние, но именно правовые институты мотивируют развитие экономики.

Основопологающей идеей данного подхода является то, что экономические институты мотивируют все виды экономической деятельности. Правовые механизмы (наряду с привычками, обычаями, социальными моделями, экономическими механизмами) являются основными факторами, которые оказывают влияние на управление экономической жизнью. Центральное место при анализе институциональной экономики занимает изучение институтов экономической системы. Следует отметить, что в рамках данного подхода существует большое количество определений институтов, кроме того, наблюдается тенденция представителями этого подхода их широкого толкования.

Отмечается при этом, что не только правовая система способна оказывать влияние на экономику, но и теория права способна оказать благоприятное воздействие на нее. Посредством создания унифицированных правил поведения право может являться инструментом реформирования [15, с. 16–17].

В значительной степени в вопросе взаимодействия права и экономики внимание уделено представителями учения соприкосновению объектов исследования права и экономики.

Среди недостатков необходимо отметить существующие различия определений институтов, а также существующую тенденцию к расширительному толкованию. В то же время сторонники данного учения традиционно придерживаются позиции о наличии множественности решений, изложения альтернативных возможностей.

Институционально-инструментальная либерально-правовая концепция

Сторонниками данного учения являются Р. Коуз, Л. Фридман, Д. Норт, А. Алчиана, Г. Демсец, О. Уильямсон.

Основной задачей исследователей является поиск и выявление институциональных структур, которые будут способствовать повышению эффективности экономики государства, что представляется достаточно важным. Главной характеристикой природы развития институтов является фактор стихийности.

Понимание институтов исследователями различно. Так, к примеру, Р. Коуз выделяет в качестве института рынок, Д. Норт указывает неофициальные ограничения (в число которых входят санкции, запреты, обычаи, традиции, правила поведения) и официальные правила (в числе которых указывает конституции, законы, права собственности) [11, с. 7; 16, с. 97].

Невзирая на отсутствие единообразия в определении институтов сторонники данной концепции имеют единую позицию относительно их функций. Достаточно логичной представляется классификация видов институтов Д. Нортона, за исключением позиционирования прав в числе нормативно-правовых ак-

тов. Ввиду того, что соответствующее упоминание ведет к некорректности с позиции теории права, возможно предположить, что более гармонично в контексте официальных правил указанные «права собственности» могли бы заменить нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения, связанные с установлением, реализацией и отчуждением прав собственности.

Большой вклад в развитие данного учения внес Р. Коуз. Исследователь отмечал, что основные проблемы законотворчества, с которыми сталкиваются при обмене, — это обеспечение соглашения между участниками такого обмена и обеспечение государственного принуждения исполнения соответствующих правил. Конечный результат (который максимально увеличивает ценность производства) не зависит от правовой системы, если предположить, что ценовая система работает без издержек. В подобной ситуации, отмечает исследователь, правовые нормы не имеют значения, поскольку индивиды, не неся каких-либо издержек, всегда могут договориться о приобретении, разделении и объединении прав. Исследователь неоднократно отмечал, что результат сделки остается неизменным (а также размещение ресурсов на рынке при нулевых транзакционных издержках) при любой правовой позиции. Рассматривая государство в качестве крупной сверхфирмы, Р. Коуз отмечал, что прямое государственное регулирование (установление не системы прав (диспозитивных норм), а конкретных императивных правил) является альтернативным вариантом решения проблемы высоких административных издержек организаций [11, с. 117–119, 133].

Ввиду того, что сторонники институционально-инструментальной либерально-правовой концепции придерживаются позиции стихийного формирования институциональной структуры, представители данного учения не отдают предпочтение регулированию общественных отношений исключительно нормативно-правовыми актами. При этом исследователи выделяют в числе «фоновых» (второстепенных) правил и ограничений правовую среду и социальные нормы.

Нормативно-правовая концепция регулирования экономических отношений

В научной литературе не существует выделения данного учения в отдельную школу. Однако некоторые исследователи выделяют такое научное течение в рамках анализа права и экономики как правовой реализм (близкое к нормативно-правовой концепции регулирования экономических отношений), получившее развитие в 30-е гг. XX в. в США [15, с. 14–15].

В числе представителей данного учения можно отметить Э. Пюрсела, Дж. Фрэнка.

В контексте нормативно-правовой концепции регулирования экономических отношений ведущая роль в разработке политики отдается праву. Взаимосвязь права и экономики выражается в следующей последовательности предпосылок: изменение норм права ведет к изменению стимулов, существующих в обществе, что, в свою очередь, оказывает влияние на поведение участников общественных отношений, в итоге это приводит к новым экономическим результатам.

Данная концепция представляется обладающей достаточно традиционной для отечественной правовой доктрины, а также способствующей надлежащему анализу правовых норм и созданию логичных с позиции нормативно-правового регулирования правовых конструкций. В то же время недостатком данного учения является идеализация права. При взаимодействии субъектов общественных отношений не во всех случаях алгоритм, представленный сторонниками нормативно-правовой концепции регулирования экономических отношений, будет реализован в неизменном виде, поскольку существует множество иных факторов и предпосылок, оказывающих влияние на действия субъектов общественных отношений.

Концепция политико-правового стимулирования экономических отношений

Г. Калабреззи, В. Долфсма, Г. Зэкос входят в число представителей данного учения.

В рамках концепции политико-правового стимулирования экономических отношений рассматривается множество источников про-

валов рынка. Политика, по мнению исследователей, должна устранять провалы путем применения мер, основанных на анализе издержек и выгод, — путем создания стимулов, которые влияют на индивидуальный выбор.

К примеру, в одной из работ Г. Зэкос рассматривает экономические факторы в качестве стимулов развития крупных корпораций. Правовые факторы, по его мнению, способны оказать влияние на организационно-правовую форму компаний, но не вызвать ее развитие. Исследователь отмечает, что в условиях глобализации и цифровой экономики большое преимущество имеют многонациональные корпорации. Отмечается, что такие организации способны извлекать выгоду из различий правового регулирования экономических отношений в различных государствах [22, с. 31].

Г. Калабреззи отмечает важность возможности существования и полезность модифицированных рынков и модифицированных властных структур. Во многих случаях, по мнению исследователя, такие рынки и структуры являются более эффективными, чем чистый рынок и чистая директива. Модифицированные рынки, с позиции Г. Калабреззи, подразделяются на следующие виды: 1) система нормирования с использованием цветных талонов, где определенные их виды подлежат обмену; 2) рынок, в котором последствия различий в богатстве сглаживаются либо устраняются их последствия при помощи налогов и субсидий; 3) рынок, в котором роль средств обмена выполняют не деньги, но что-либо другое, к примеру, время (так называемые неденежные рынки) [10, с. 53–59, 61–62, 70–71, 88, 94].

Исследователь отмечает, что в одних случаях (для одних ресурсов или благ) положительный эффект имеет применение системы нормирования с помощью красных и зеленых талонов (к примеру, в военное время), в других — хорошо работает подход с использованием налогов и субсидий, определенное внимание следует уделить также и третьему виду модифицированных рынков (неденежному). В мирное время исследователь считает преимущественным подход с использованием налогов и субсидий, по сравнению с системой нормирования, но не исключает необходимость изучения иных

подходов. Более того, он полагает, что именно детализированный экономико-правовой подход позволит провести анализ и выявить наиболее эффективные меры, которые необходимо предпринимать, к каким видам товаров или благ подлежат соответствующие меры и в каких обществах [10, с. 65–66, 70, 72]. Данная позиция, касающаяся преимуществ в мирное время системы с применением налогов и субсидий и учета иного опыта, справедлива и традиционно используется большинством государств.

Помимо модифицированных рынков Г. Калабреззи выделяет модифицированные властные структуры. Им присущ признак децентрализации, а также иной порядок распределения власти. При этом местная власть распределяется неравномерно, но в то же время иным образом, чем осуществлено распределение центральной власти. Исследователь отмечает, что выбор надлежащей структуры может быть сделан более легко при взаимодействии экономики и права [10, с. 50–52].

Г. Калабреззи является сторонником как коллективного принятия решений, так и принятия решений посредством рынка (в зависимости от вида благ). Также придерживается позиции необходимости создания рыночных стимулов, но в некоторых случаях оптимально не вносить изменения в существующую систему правоотношений на рынке с целью избежать большие моральные издержки [10, с. 64–66].

Предпочтительно для эффективности распределения товаров, ресурсов и нематериальных благ создание стимулов: позитивных, а также негативных. При этом наказание или высокое вознаграждение являются менее эффективными мерами, по мнению Г. Калабреззи [10, с. 162].

Исследователь не входит в число сторонников позиции создания искусственного равенства, поскольку подобные меры способствуют, по его мнению, появлению таких негативных последствий, как, например, потеря стимулов; в то же время он считает, что изъятие некоторых благ с рынка оказывает влияние на сохранение стимулов [10, с. 75–76]. Данная позиция достаточно оправдана в условиях рыночной экономики и может способствовать поддержа-

нию здоровой конкуренции на рынке, при этом необходимо четкое определение на нормативно-правовом уровне перечня тех благ, действия с которыми подлежат ограничению.

Г. Калабреззи отмечал, что одна из проблем, с которой сталкиваются правоведы, — это наличие множества представленных экономистами теорий, для обоснования которых представлено огромное количество аргументов, не доступных юристу, а также преподавателю правовой дисциплины, поскольку такие аргументы не имеют отношения к ситуации в обществе, работу в котором осуществляет юрист и преподаватель-правовед. В своих работах он ставит целью сделать материю экономической теории доступной педагогу права и по возможности также юристу-практику [9, с. 500].

Излагается концепция о возможности с помощью методов экономического анализа выявить фундаментальные ценности общества. Речь идет о так называемой модели совместной максимизации (существующей в экономике), изложенной правоведом и юристом-практиком Гвидо Калабреззи через призму права и экономики. В обществе выделяют фундаментальные (или исходные) ценности и второстепенные. С целью максимизации фундаментальных ценностей предполагается определение второстепенных ценностей, после чего возможно выявить, какие второстепенные ценности позволят осуществить совместную максимизацию фундаментальных ценностей, а какие помешают этому, что имеет большое значение для правоведов и представителей органов законодательной власти, поскольку это позволит создать законы и правовые структуры, которые будут развивать желательные второстепенные ценности, а также препятствовать поддержке второстепенных ценностей, имеющих негативное влияние. Исследователь отмечает также, что экономисты способны определить значение второстепенных ценностей для законодательства. Так, инструменты экономики могут позволить получить информацию относительно желательности правовых структур и норм права [10, с. 168–169].

В то же время исследователь отмечает, что отношение между ценностями и законами достаточно сложно. Он указывает, что общественные ценности могут сосуществовать с вы-

явленными в результате экономического анализа ценностями, но при этом могут иметь место дополнительные издержки [10, с. 170]. Представляется, что законодательство должно учитывать все аспекты как информации, полученной с применением научного подхода, в том числе с использованием инструментов экономики, так и иные данные, включая прогнозы о возможных издержках при применении предполагаемых правовых норм.

Исследователь высказывает позицию о том, что законы и государственные правовые структуры зависят непосредственно от вкусов и ценностей, господствующих в государстве. А соответствующие ценности и вкусы успешно способны выявить экономисты [10, с. 156–157].

Исследователь отмечает, что с помощью минимального набора предпосылок, используемых в экономической теории, экономисты способны показать законодательным органам направления по разработке законов, способствующих созданию одних ценностей и сдерживанию других. Более того, он отмечает, что при внесении некоторых изменений, согласующихся со структурой экономической теории, она может превратиться в сильный инструмент для реформирования, критики и поддержки такой наиболее важной функции права, как продвижение одних ценностей и постепенный отказ от других [10, с. 131–132].

Г. Калабрези в контексте взаимодействия права и экономики отмечает, что такое взаимодействие способно привести к созданию более детально продуманных моделей, учитывающих возможные издержки. Такая экономическая модель была бы способна не просто механически утверждать верность сконструированных законодателем правовых норм, но позволила бы улучшить то, что возникло без осуществления какого-либо анализа, а, кроме того, выявить мудро принятые или основанные на опыте решения и устаревшие понятия, неоправданно дорогостоящие меры или действия групп, наделенных властью [10, с. 154].

Представляется, что в определенной мере, позволяя учитывать возможные издержки, экономическая теория способна предложить достаточно полезную информацию для право-

ведов. Следует также заметить, что в подобном порядке рассчитанная теория в большей степени способна учитывать интересы рынка и участников общественных отношений.

Рассматривая степень государственного вмешательства (воздействия права на экономику), В. Долфсма вводит понятие «Г-фактор» (государственный фактор) и отмечает, что следует избегать государственного вмешательства, направленного не на поддержку рынка, а на создание нормативно-правовой базы для его контроля [1, с. 45–46].

Причиной «провалов государства», как отмечает исследователь, являются положительные либо отрицательные внешние эффекты (так называемые экстерналии — данный термин ранее введен был Рональдом Коузом). В случае возникновения соответствующих ситуаций В. Долфсма указывает, что требуется нормативное регулирование отношений на законодательном уровне. В. Долфсма выделяет четыре типа «провалов государства». Критерием классификации служит характер и степень формулирования нормативно-правовых актов: 1) чрезмерно подробно; 2) излишне широко; 3) не основываясь на существующих потребностях государственного регулирования; 4) в противоречие с существующими правовыми нормами. Исследователь отмечает, что любой из данных типов провалов оказывает влияние на экономику посредством привлечения реальных издержек участников экономических правоотношений [1, с. 80, 88, 101–102; 11, с. 26].

В качестве проблемы представители данного учения выделяли недостаток регулирования. В то же время представители данного учения отмечают, что право и рыночные стимулы при взаимодействии оказывают положительный эффект на экономику.

Концепция политико-правового совещательного регулирования

Ее придерживаются исследователи Дж. Мэдисон, К. Санстейн. Главную ценность, по мнению ученых, имеет коллективная политическая жизнь и совместный совещательный диалог, который позволяет выражать и формировать общие ценности.

Роль государства в контексте данного учения заключается в принятии решений о размещении ограниченных ресурсов общества.

Идея о достижении социального компромисса, как справедливо отмечает отечественный исследователь Е.Е. Фролова, в числе других лежит в основе принципа разделения властей [3, с. 37].

Дополнительно следует выделить *концепцию динамического каталактического права*. Данное учение близко австрийскому подходу к анализу права и экономики, а также имеет некоторые общие черты с концепцией эффективности индивидуального регулирования, описанной выше. В число представителей данного учения входят Ф. Хайек, К. Менгер, Людвиг фон Мизес, Г. Майер, Линда А. Шварцштейн.

Концепция динамического каталактического права заключается в эффективности «спонтанного порядка». Сторонники данного учения отмечают, что институты развиваются с помощью действий людей, право рассматривается как динамический институт, правовые нормы имеют спонтанный характер развития (не создаются путем осуществления действий, запланированных государственными органами). В качестве причины развития норм исследователи видят обычаи и практику в обществе. Большое значение представители учения динамического каталактического права придают стабильности правовых структур и моральному авторитету. Отмечается, что эволюция правовых норм приводит к формированию и изменению предпочтений, что оказывает влияние на экономическую ситуацию в обществе.

Принимая во внимание изложенное, в числе проблем правового регулирования экономических отношений в условиях цифровой экономики в зарубежной доктрине выделяют:

- отсутствие четких критериев контроля и дефиниций объектов регулирования и их характеристик в области цифровой экономики, наличие пробелов в праве ввиду стремительного развития цифровых технологий;
- сложности адаптации прежних и разработки новых правовых моделей с учетом достижений цифровой экономики;
- существование правового поля, допускающего наличие рисков злоупотребления

положением субъектами, имеющими преимущественное положение, монополистами;

- сложности установления баланса посредством правового регулирования, позволяющего устранить либо в значительной степени уменьшить противоречие между частными издержками и публичной выгодой или ущербом;
- идеализация права, существование множества иных факторов и предпосылок, оказывающих влияние на правоотношения участников правоотношений;
- установление правовых норм, способствующих созданию искусственного равенства и ведущих к утрате стимулов на рынке, что оказывает негативное влияние на экономику;
- отсутствие возможности осуществления юристами объективного анализа правовых норм.

В числе проблем взаимодействия права и экономики в контексте цифровой экономики в зарубежной правовой доктрине отмечают следующие:

- отсутствие правовой определенности, что негативно сказывается на экономической деятельности;
- невозможность соответствия права в полной мере правоотношениям, возникающим в области цифровой экономики, в контексте высокого темпа развития инновационных продуктов;
- отсутствие надлежащих правовых моделей в области цифровых технологий, что создает препятствия в применении инновационных бизнес-моделей и оказывает негативное влияние на экономику.

В качестве решений существующих проблем зарубежные исследователи предлагают следующие меры

Решению существующих в рассматриваемом правовом поле проблем, как отмечают зарубежные исследователи, могут способствовать следующие меры:

- осуществление экономического анализа норм права, применение экономического анализа к праву (позиция представителей учения об эффективности индиви-

дуального регулирования, среди представителей учения существуют некоторые методологические разногласия) с целью выявления экономической природы проблем, определения эффективных мер; применения инструментов экономики (мнение представителей экономико-политической концепции правового регулирования) к рыночным и нерыночным институциональным структурам для анализа несостоятельных, ошибочных моделей правовых процессов, выявления социальных издержек и максимально благоприятных для экономики моделей поведения участников правоотношений, улучшения правовых решений;

- использование методов экономического анализа поведения участников публично-правовых отношений (преимущественно аксиомы о рациональном выборе) с целью осуществления прогнозирования поведения участников соответствующих отношений (позиция представителей экономико-политической концепции правового регулирования);
- выявление фундаментальных ценностей общества с помощью методов экономического анализа с целью выявления наиболее эффективных правовых структур и норм права, способных оказать положительное влияние на экономику (предложение сторонников концепции политико-правового стимулирования экономических отношений);
- применение экономических законов к правоотношениям в сфере публично-правовых отношений (позиция представителей экономико-политической концепции правового регулирования);
- поддержка конкуренции, частного предпринимательства, инноваций (позиция представителей учения об эффективности индивидуального регулирования);
- обеспечение оптимального уровня налогообложения (предложение представителей экономико-политической концепции правового регулирования);
- выявление оптимальных институциональных структур, способствующих повышению эффективности экономики,

которые мотивируют экономическую деятельность (позиция представителей институционально-правового воздействия на экономику) или оказывают влияние на определенные экономические структуры (предложение представителей институционально-инструментальной либерально-правовой концепции);

- создание стимулов (позитивных, негативных), способствующих развитию экономики (предложение представителей концепции политико-правового стимулирования экономических отношений);
- внедрение модифицированной правовой среды (позиция представителей учения об эффективности индивидуального регулирования);
- обеспечение существования модифицированных рынков и модифицированных властных структур (предложение сторонников концепции политико-правового стимулирования экономических отношений);
- устранение высоких административных издержек путем прямого государственного регулирования (замены диспозитивных норм императивными правилами) в определенной области (предложение представителей институционально-инструментальной либерально-правовой концепции);
- уменьшение государственного вмешательства в сферу экономики (позиция представителей учения об эффективности индивидуального регулирования, а также концепции политико-правового стимулирования экономических отношений);
- дерегулирование (позиция представителей учения об эффективности индивидуального регулирования, а также сторонников институционально-инструментальной либерально-правовой концепции);
- изменение правил поведения участников экономических отношений путем установления определенных правовых норм (предложение представителей нормативно-правовой концепции регулирования экономических отношений), что способно привести к новым экономическим результатам.

Всё очевиднее с каждым днем, что цифровая экономика требует выявления и установления новых моделей правового регулирования отношений. Более того, в условиях цифровизации необходим пересмотр традиционных подходов к правовому регулированию, включая дефиниции понятий правовых терминов, составы правонарушений и т.д.

Представляется, что взаимодействие экономики и права способно иметь положительный экономический эффект, поскольку в результате его возможна разработка более детально подготовленных моделей правового регулирования и правовых норм, позволяющих учитывать возможные издержки. В то же время право способно оказывать положительное влияние на экономику: как посредством установления определенных правил, так и с помощью методологического инструментария теории права.

Положительный эффект для экономики может иметь установление правовых норм, предусматривающих защиту информации наряду с нормативными ограничениями, позволяющими защитить права участников правоотношений.

В то же время необходимо принимать меры на основе непосредственного анализа законо-

дательства государства, в котором соответствующие правила будут подлежать применению.

Более того, приемлемый для каждого государства вид правовой среды, рынка, властной структуры, которые должны существовать для эффективного функционирования экономики, зависит от совокупности существующих условий и вида ресурсов и благ. Полагаем, что следует обратить внимание на то, что достаточно часто метод налогов и субсидий имеет определенный положительный эффект. Однако в то же время случаи применения особых налоговых режимов оказывают наиболее активное влияние на экономическую сферу (в том числе в условиях цифровой экономики).

Кроме того, положительный результат может принести реализация идеи о выявлении фундаментальных ценностей общества (но не только с помощью методов экономического анализа, а с применением и иных методов, таких как сравнительно-правовой и т.д.) для принятия правовых норм и создания правовых структур, направленных на поддержку таких ценностей, которые способны оказать положительное влияние на экономику и уменьшить воздействие тех, которые оказывают негативное воздействие.

Литература

1. Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Д. Кадочникова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 256 с.
2. Мамычев А.Ю. Что такое демократия: постановка вопроса // Философия права. — 2010. — № 2(39). — С. 67–73.
3. Фролова Е.Е. К вопросу правового обеспечения формирования гражданского общества // Вестник РУДН. — Юридические науки. — 2016. — № 1. — С. 37.
4. Шестопа С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 9(1). — С. 398–403.
5. Adams H. Economics and Jurisprudence. *Science*. 1886, no. ns-8(178S), pp. 15–19.
6. Buchanan J. Genesis. *Public Choice*, no. 152(3–4), pp. 253–255.
7. Buchanan J. Good Economics. Bad Law. *Virginia Law Review*. 1974, no. 60(3), pp. 483–492.
8. Buchanan J. The Constitutional Way of Thinking. *Supreme Court Economic Review*. 2003, vol. 10, pp. 143–155.
9. Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts. *Yale Law Journal*. 1961, no. 70(4), pp. 499–553.
10. Calabresi G. *The Future of the Law and Economics. Essays in Reform and Recollection*. New Haven and London: Yale University Press, 2016. 228 p.
11. Coase R. *The firm, the market and the law*. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 217 p.
12. *Economic Analysis of the Digital Economy*. Ed. by A. Goldfarb, Sh. Greenstain, C. Tucker. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 497 p.
13. Funta R. Economic and Legal Features of Digital Markets. *Danube: Law, Economics and Social Issues Review*. No. 10(2), pp. 173–183.
14. Iliadou A.N. Protecting Privacy Rights during the Digital Era of the Economy. *European Review of Public Law*. 2018, no. 30(1), pp. 227–234.
15. Mercurio N., Medema S. *Economics and the Law: from Posner to Postmodernism and beyond*. 2nd ed. Princeton, Princeton University Press. 385 p.
16. North D. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 1991, no. 5(1), pp. 97–112.
17. Rowley Ch., Schneider F. Public Choice and Constitutional Political Economy. *Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy*. New York: Springer Science + Business Media, LLC. 2008. 625 p.
18. Savin A. Rule Making in the Digital Economy: Overcoming Functional Equivalence as a Regulatory Principle un the EU. *Journal of Internet Law*. 2019, February, pp. 3–15.
19. Tullock G. An Economic Analysis of Political Choice. *Un'Analisi Economica Della Scelta Politica. Il Politico*. 1961, no. 26(2), pp. 234–249.
20. Tullock G. Constitutional Choice and Simple Majority Rule: Reply. *Journal of Political Economy*. 1973, no. 81(2), pp. 480–484.
21. Tullock G. Public Decisions as Public Goods. *Journal of Political Economy*. 1971, no. 79(4), pp. 913–918.
22. Zekos G. MNEs, globalisation and digital economy: legal and economic aspects. *Managerial Law*. 2003, no. 45(1/2), pp. 1–296.

References

1. Dolfsma V. *Failures of the state. Society, markets and rules*. Ed. by D. Kadochnikov. Moscow: Gaidar Institute Publishing house, 2017. 256 p.
2. Mamychev A.Yu. What is democracy: setting the question. *Philosophy of law*. 2010, no. 2(39), pp. 67–73.
3. Frolova E.E. On the issue of legal support for the formation of civil society. *Vestnik RUDN. Legal*. 2016, no. 1, pp. 37.
4. Shestopal S.S., Mamychev A.Yu. Sovereignty in the global digital dimension: modern trends. *Baltic humanitarian journal*. 2020, no. 9(1), pp. 398–403.
5. Adams H. Economics and Jurisprudence. *Science*. 1886, no. ns-8(178S), pp. 15–19.
6. Buchanan J. Genesis. *Public Choice*, no. 152(3–4), pp. 253–255.
7. Buchanan J. Good Economics. Bad Law. *Virginia Law Review*. 1974, no. 60(3), pp. 483–492.
8. Buchanan J. The Constitutional Way of Thinking. *Supreme Court Economic Review*. 2003, vol. 10, pp. 143–155.
9. Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts. *Yale Law Journal*. 1961, no. 70(4), pp. 499–553.
10. Calabresi G. *The Future of the Law and Economics. Essays in Reform and Recollection*. New Haven and London: Yale University Press, 2016. 228 p.
11. Coase R. *The firm, the market and the law*. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 217 p.
12. *Economic Analysis of the Digital Economy*. Ed. by A. Goldfarb, Sh. Greenstain, C. Tucker. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 497 p.
13. Funta R. Economic and Legal Features of Digital Markets. *Danube: Law, Economics and Social Issues Review*. No. 10(2), pp. 173–183.
14. Iliadou A.N. Protecting Privacy Rights during the Digital Era of the Economy. *European Review of Public Law*. 2018, no. 30(1), pp. 227–234.
15. Mercurio N., Medema S. *Economics and the Law: from Posner to Postmodernism and beyond*. 2nd ed. Princeton, Princeton University Press. 385 p.
16. North D. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 1991, no. 5(1), pp. 97–112.
17. Rowley Ch., Schneider F. Public Choice and Constitutional Political Economy. *Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy*. New York: Springer Science + Business Media, LLC. 2008. 625 p.
18. Savin A. Rule Making in the Digital Economy: Overcoming Functional Equivalence as a Regulatory Principle in the EU. *Journal of Internet Law*. 2019, February, pp. 3–15.
19. Tullock G. An Economic Analysis of Political Choice. *Un'Analisi Economica Della Scelta Politica. Il Politico*. 1961, no. 26(2), pp. 234–249.
20. Tullock G. Constitutional Choice and Simple Majority Rule: Reply. *Journal of Political Economy*. 1973, no. 81(2), pp. 480–484.
21. Tullock G. Public Decisions as Public Goods. *Journal of Political Economy*. 1971, no. 79(4), pp. 913–918.
22. Zekos G. MNEs, globalisation and digital economy: legal and economic aspects. *Managerial Law*. 2003, no. 45(1/2), pp. 1–296.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цифровизация контроля за трансграничным движением капитала российских резидентов — физических лиц

УДК 351.72

Цепова Екатерина Андреевна

Прикрепленное лицо кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, ФГАОУ «Российский университет дружбы народов»; E-mail: tsepova.ekaterina@gmail.com.

Статья получена: 27.04.2020. Рассмотрена: 13.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления создания общемировой системы контроля за уплатой налогов с доходов, полученных резидентами одних государств от источников в других государствах, одним из которых является разработка технологических решений. Автор приходит к выводу, что информационные технологии наделяют государство широкими возможностями в противодействии финансовым правонарушениям. В то же время использование этих возможностей должно способствовать развитию риск-ориентированного подхода, снижению административной нагрузки на обязанных субъектов, а также улучшению положения добросовестных налогоплательщиков.

Ключевые слова: цифровизация, автоматический обмен финансовой информацией, CRS, Common Reporting Standard, финансовый контроль, валютные ограничения.

Цифровые технологии в сфере управления капиталом становятся всё более доступными и востребованными у граждан. Открыть счет в иностранном банке, купить и продать ценные бумаги и даже вести предпринимательскую деятельность за рубежом теперь можно не выходя из дома. Развитие финансово-правовых отношений между государством и его налоговыми резидентами — физическими лицами, владеющими различными активами в других странах, — вызывает большой научный и практический интерес во всем мире. Мобильность населения и капитала, возросшая в условиях глобализации, способствует увеличению риска уклонения от уплаты налогов посредством размытия налоговой базы и вывода денежных средств в юрисдикции с меньшим уровнем налогообложения.

Академик Т.Я. Хабриева отмечает: «Государство по-разному реагирует на вызовы цифровой реальности, пытается управлять происходящими трансформациями и регулировать новые, а также видоизменяющиеся общественные отношения» [8, с. 5–16]. Чтобы противостоять негативным для налоговой системы последствиям

DIGITAL CONTROL OVER TRANSBOUNDARY MOVEMENT OF RESIDENT INDIVIDUALS' CAPITAL IN RUSSIA

Tsepova Ekaterina Andreevna

Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); E-mail: tsepova.ekaterina@gmail.com. Manuscript received: 27.04.2020. Revised: 13.05.2020. Accepted: 27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 "National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century".

Abstract. The article discusses the main directions of creating the global system of control over the payment of taxes on income received by residents of some states from sources in other states. One of this directions is the development of technical solutions. The author comes to the conclusion that information technologies give the state wide opportunities in counteracting financial violations. At the same time, these opportunities should contribute to the further development of a risk-based approach, to the administrative burden reduction on the residents, as well as to improvement of the position of bona fide taxpayers.

Keywords: digitalization, automatic exchange of financial account information, CRS, Common Reporting Standard, financial control, currency exchange restrictions

мобильности капитала, важна разработка эффективных механизмов контроля за трансграничными операциями налогоплательщиков [7].

Необходимо отметить, что до недавнего времени обмен налоговой информацией с другими государствами осуществлялся в основном по запросу на основании двухсторонних межправительственных соглашений и носил выборочный характер, в результате доступ к этим сведениям был существенно ограничен. Чтобы выявление, предупреждение и пресечение налоговых правонарушений стало результативным, требовалось изменить характер государственного финансового контроля с выборочного на сплошной.

Работу над решением этой проблемы в мировом масштабе, которая ведется на базе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), можно разделить на два ключевых направления:

Международное сотрудничество в налоговой сфере с целью создания условий для автоматического обмена информацией, разработка и имплементация как на внутригосударственном, так и на международном уровне соответствующей правовой базы, в частности позволившей получить доступ к банковской тайне [12].

Разработка цифровых технологических решений, позволяющих систематически собирать, анализировать и передавать в рамках международного обмена налоговую информацию, обеспечивая при этом конфиденциальность передаваемых данных.

Огромную роль в реализации первого направления сыграла разработка Многостороннего соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 г. (Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information или CRS MCAA) и ряда других международных соглашений [9, с. 262–266]. Участниками CRS MCAA в настоящее время является 108 государств, включая Россию (первый обмен данными с участием нашей страны состоялся в 2018 г.). Таким образом, к соглашению присоединилась почти половина существующих в мире юрисдикций, суммарное номинальное значение валового внутреннего продукта которых составляет 75%

от общемирового значения [10]. Его реализация, без преувеличения, стала прорывом в сфере налогового контроля за трансграничными операциями налогоплательщиков, поскольку создает юридическую основу, позволяющую налоговым органам государств-участников беспрепятственно на регулярной основе получать данные о счетах своих налоговых резидентов в иностранных организациях финансового рынка в объеме, достаточном для контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах [1, с. 71–73]. Целью участия государства в CRS MCAA, в первую очередь, является контроль за исполнением резидентами налоговых обязательств, однако страны, применяющие валютные ограничения, могут использовать полученную информацию и в целях валютного контроля.

Все государства — участники CRS MCAA осуществляют сбор, анализ и передачу друг другу информацию о финансовых счетах налогоплательщиков в соответствии с единым стандартом (Common Reporting Standard, или CRS) [11]. Можно утверждать, что это соглашение является примером успешного создания единого поля финансового контроля в сфере международного налогообложения.

Успешная реализация второго направления была обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, большая часть данных, предназначенных для международного обмена, собиралась и обрабатывалась организациями финансового рынка в цифровом формате. Это означало, что необходимо было только обобщить данные и обеспечить доступ компетентных органов соответствующего государства к этой информации. Во-вторых, современные технологии хранения и обработки информации позволяют при относительно невысоких затратах содержать огромные базы данных и архивы, а также обеспечить качество и высокую скорость обработки данных. В-третьих, развитие интернет-технологий сделало возможным высокоскоростной доступ к большим массивам данных из любой точки планеты. В-четвертых, стало возможным обеспечение надежной защиты данных от несанкционированного доступа с использованием различных технологий шифрования.

Еще пятнадцать лет назад создание единого цифрового поля финансового контроля было бы неоправданно сложным и дорогостоящим для всех сторон, участвующих в сборе и обработке информации. Банки обменивались с клиентами информацией, в основном с помощью бумажных носителей, а электронные носители были намного менее компактными, чем сейчас. Серверные комнаты даже в некрупных банках могли занимать несколько помещений, а длительность процесса электронного поиска тех или иных данных в базе не позволяла обрабатывать большое количество запросов. Современный уровень развития информационных технологий был необходимым условием для создания глобальной системы финансового контроля.

Наиболее ярко текущие возможности государства в сфере контроля за трансграничными операциями налогоплательщиков охарактеризовал Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Алексей Логвинович Оверчук (до 21.01.2020 — заместитель руководителя Федеральной налоговой службы) в интервью РБК: «Это совершенно новый уровень налоговой прозрачности. Если раньше нужно было делать запрос в компетентный орган иностранной юрисдикции, то теперь информация о наличии зарубежного счета у конкретного налогоплательщика сама поступает и доступна по нажатию кнопки» [4].

Внедрение нового цифрового инструментария наделяет государство беспрецедентно широкими возможностями в борьбе с финансовыми правонарушениями. Но в таких условиях очень важно соблюдение баланса интересов сторон финансового правоотношения. Достижения цифровизации необходимо использовать не только для повышения эффективности правозащитной деятельности государства, но и в целях снижения административной нагрузки на обязанные субъекты, а также для улучшения положения добросовестных налогоплательщиков. Значимость данного подхода подчеркнул Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Владимирович Мишустин (до 16.01.2020 — руководитель Федеральной налоговой службы). Он отметил, что использование новых цифровых платформ для получения и обработки данных

позволит не только повысить уровень налоговой дисциплины, но и одновременно резко сократить налоговое и административное бремя, что будет способствовать укреплению доверия между государством и обществом [2].

В России уже давно применяются автоматизированные инструменты риск-анализа при проведении налогового контроля [3, с. 4–8]. Использование информационных технологий положительно сказывается на развитии риск-ориентированного подхода в том числе в сфере контроля за трансграничными операциями российских резидентов. Он основан на оценке тяжести ущерба государственным интересам в результате уклонения от уплаты налогов или совершения иных финансовых правонарушений и вероятности нанесения такого ущерба определенными лицами [6, с. 139–146]. Анализ данных, полученных в ходе исполнения международных соглашений об обмене налоговой информацией, и сопоставление их с данными, имеющимися в распоряжении налоговых органов (представленными самими резидентами), позволяет создать качественную систему отбора субъектов для проведения углубленного налогового или валютного контроля. По мнению Д.А. Савина, подобные меры позволят целесообразно использовать ограниченные кадровые ресурсы налоговых органов и получать максимально возможные результаты [5, с. 138–151].

Применительно к контролю за трансграничным движением капитала российских резидентов цифровизацию следует рассматривать шире, чем инструмент для замены отчетов на бумажных носителях отчетностью, представляемой с помощью электронных сервисов, таких как «Личный кабинет налогоплательщика». Благодаря информации о финансовых счетах российских резидентов в других странах, регулярно в автоматическом режиме поступающей в распоряжение российских налоговых органов в рамках CRS МСАА, многие существовавшие ранее процессуальные обязанности субъектов утратили свою актуальность и подлежат дерегулированию.

Процесс реформирования законодательства уже начался, внесены изменения в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном

контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ. В частности, с 1 января 2020 г. была отменена большая часть валютных ограничений на операции резидентов — физических лиц по счетам, открытым в банках на территории государств — членов ЕАЭС или государств, которые осуществляют обмен информацией с Россией в соответствии с CRS МСАА. Кроме того, российские резиденты не представляют налоговым органам отчеты о движении средств по таким счетам при условии, что за год на счет было зачислено или списано не более 600 000 руб. или эквивалентной суммы в иностранной валюте.

Необходимо отметить, что на протяжении всего периода развития валютно-правовых обязательств граждан Российской Федерации наблюдается тенденция постепенной либерализации законодательства, однако темпы смягчения нормативных требований остаются достаточно низкими по сравнению с темпами развития валютных отношений с участием граждан, и нормативно-правовая база в данной сфере по-прежнему требует некоторого усовершенствования. Например, несмотря на отмену (при соблюдении ряда условий) обязанности предоставлять налоговым органам отчет о движении средств по счету, открытому в иностранном банке, резиденты по-прежнему обязаны уведомлять об открытии, закрытии и изменении реквизитов любых счетов за границей. Если государство, где расположен банк, осуществляет автоматический обмен информацией о финансовых счетах с Российской Федерацией, целесообразность этой обязанности вызывает сомнения, поскольку сведения, полученные из разных источников (от самих резидентов и от компетентных органов других государств), будут дублировать друг друга.

Подводя итог, можно утверждать, что цифровизация в сфере контроля за трансграничным движением капитала оказывает влияние на развитие финансового законодательства как на международном, так и на внутригосударственном уровне, поскольку коренным

образом меняет систему контроля за уплатой налогов с доходов, полученных резидентами одних государств от источников в других государствах. В Российской Федерации цифровизация также способствует либерализации валютных ограничений.

В дальнейшем для успешного функционирования и развития системы международного налогового обмена от государств, присоединившихся к CRS МСАА, потребуются продолжить работу в следующих направлениях: разработка и внедрение мер по повышению качества передаваемых данных, стандартизация технических требований к аппаратному и программному обеспечению, используемому для сбора и передачи информации в ходе международного обмена, совершенствование подходов к обеспечению конфиденциальности передаваемых данных.

В результате реализации международных соглашений, таких как CRS МСАА, объем данных, обрабатываемых налоговыми органами, увеличился, и в этих условиях особое значение приобретает упорядочивание информационных потоков. Кроме того, в связи с пандемией, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV), многие государственные органы, в том числе Федеральная налоговая служба, временно приостановили прием посетителей и сократили присутствие сотрудников на рабочих местах, сосредоточившись на ключевых функциях. В такой ситуации важно не только предоставить гражданам возможность сдавать отчетность дистанционно, но и оценить каждый отчет, уведомление или сообщение, которые обязан представить проверяющим налогоплательщик, с точки зрения целесообразности. Данных, поступающих в налоговые органы, должно быть достаточно для проведения риск-ориентированных контрольных мероприятий, в то же время из информационного потока должны быть исключены неинформативные и дублирующие друг друга сведения и отчеты.

Литература

1. Левашенко А., Коваль А. Как работает международный автоматический обмен налоговой информацией // Экономическое развитие России. — 2018. — № 25(3). — С. 71–73.
2. Михаил Мишустин продемонстрировал работу автоматизированной системы касс нового поколения на Форуме ОЭСР в Осло [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба, Новости, Деятельность ФНС

- России. 28.09.2017. — URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/inttax/6987562/.
3. Мишустин М.В. Совершенствование инструментов налогового администрирования по обеспечению стабильных доходов государственного бюджета // Экономика. Налоги. Право. — 2014. — № 4. — С. 4–8.
 4. Налоговики узнали о зарубежных счетах и активах россиян в 58 странах [Электронный ресурс] // РБК, Экономика. 05.03.2019. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2019/5c78f4b39a794706e35338f8>.
 5. Савин Д.А. Зарубежный опыт организации служб налогового контроля // Сервис в России и за рубежом. — 2012. — № 7. — С. 138–151.
 6. Соловьев А.И. Риск-ориентированный подход в системе государственного контроля и надзора в налоговой сфере // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — № 6. — С. 139–146.
 7. Фролова Е.Е. Правовое регулирование государственного финансового контроля в сфере денежного обращения в Российской Федерации: Монография. — Иркутск: Репроцентр А1, 2010. — 335 с.
 8. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9(261). — С. 5–16.
 9. Цепова Е.А. Правовая природа международной налоговой прозрачности и ее роль в развитии финансово-правовых отношений с собственниками имущества за рубежом // Евразийский юридический журнал — 2019. — № 1(128). — С. 262–266.
 10. International Monetary Fund. *World Economic Outlook Database*. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx>.
 11. Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters. Chapter I, sec. A, part 3. URL: www.oecd-ilibrary.org. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264216525-en>.
 12. Tax Transparency 2016 Report on Progress. *Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes*. 2016, p. 18. URL: <http://www.oecd.org/tax/transparency/GF-annual-report-2016.pdf>.

References

1. Levashenko A., Koval A. How the international automatic exchange of tax information works. *Economic development of Russia*. 2018, no. 25(3), pp. 71–73.
2. Mikhail Mishustin demonstrated the work of the automated cash register system of a new generation at the OECD Forum in Oslo. *Nalog.ru: Federal tax service, news, Activities of the Federal tax service of Russia*. URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/inttax/6987562/.
3. Mishustin M.V. Improving tax administration tools to ensure stable state budget revenues. *Economy. Taxes. Pravo*. 2014, no. 4, pp. 4–8.
4. Tax specialists learned about foreign accounts and assets of Russians in 58 countries. *RBC, Economics*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2019/5c78f4b39a794706e35338f8>.
5. Savin D.A. Foreign experience in organizing tax control services. *Service in Russia and abroad*. 2012, no. 7, pp. 138–151.
6. Solovyov A.I. Risk-oriented approach in the system of state control and supervision in the tax sphere. *Economy. Taxes. Law*. 2017, no. 6, pp. 139–146.
7. Frolova E.E. *Legal regulation of state financial control in the sphere of monetary circulation in the Russian Federation: Monograph*. Irkutsk: Reprocenter A1, 2010. 335 p.
8. Khabrieva T.Ya. Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian law*. 2018, no. 9(261), pp. 5–16.
9. Tsepova E.A. The Legal nature of international tax transparency and its role in the development of financial and legal relations with property owners abroad. *Eurasian legal journal*. 2019, no. 1(128), pp. 262–266.
10. International Monetary Fund. *World Economic Outlook Database*. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx>.
11. Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters. Chapter I, sec. A, part 3. URL: www.oecd-ilibrary.org. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264216525-en>.
12. Tax Transparency 2016 Report on Progress. *Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes*. 2016, p. 18. URL: <http://www.oecd.org/tax/transparency/GF-annual-report-2016.pdf>.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цифровизация и роботизация сельского хозяйства в современном Китае: основные приоритеты, направления инновационной политики государства

УДК 327

Мамычев Алексей Юрьевич

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет политологии; E-mail: mamychhev@polit.msu.ru.

Склярва Софья Андреевна

Магистрант Института права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса;
E-mail: sofya.sklyarova.96@mail.ru.

Статья получена: 08.05.2020. Рассмотрена: 18.05.2020. Одобрена: 27.05.2020. Опубликовано онлайн: 27.05.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В статье анализируется государственная аграрная политика Китая и основные направления цифровизации, автоматизации и роботизации сельского хозяйства. Обсуждаются основные направления и приоритеты внедрения инновационных технологий в агропромышленный комплекс китайского государства, представляется практика создания научно-технологических парков и демонстрационных зон высокотехнологического развития в сфере модернизации и развития сельского хозяйства. В заключение анализируются основные направления развития продовольственной политики Китая и динамика роботизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: автоматизация, агропромышленный комплекс, государство, дроны, правовая политика, роботизация, сельское хозяйство, научно-технологические парки, цифровизация

Введение

Уникальный опыт Китая по разработке и реализации государственной политики в сфере цифровизации производственных отношений и автоматизации процессов в сельском хозяйстве требует рассмотрения по крайней мере по двум обстоятельствам.

Во-первых, Китай, согласно данным WIPO (Всемирная организация интеллектуальной собственности), занимает ведущие строчки мировых рейтингов по внедрению роботизированных платформ, входит в тройку (2 и 3 места в международном рейтинге) ведущих заявителей патентов в сфере робототехники [5; 6].

DIGITALIZATION AND ROBOTIZATION OF AGRICULTURE IN MODERN CHINA: THE MAIN PRIORITIES AND DIRECTIONS OF THE STATE'S INNOVATION POLICY

Mamychev Alexey Yurievich

Doctor of Political Science, PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Laboratory of Political and Legal Research Lomonosov
Moscow State University, Faculty of Political Science;
E-mail: mamychhev@polit.msu.ru.

Sklyarova Sofya Andreevna

Master's degree student of the Institute of Law,
Vladivostok State University of Economics and Service;
E-mail: sofya.sklyarova.96@mail.ru.

Manuscript received: 08.05.2020. Revised: 18.05.2020. Accepted:
27.05.2020. Published online: 27.05.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 "National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century".

Abstract. The article analyzes the state agrarian policy of China and the main directions of digitalization, automation and robotization of agriculture. The main directions and priorities of implementing innovative technologies in the agro-industrial complex of the Chinese state are discussed, and the practice of creating science and technology parks and demonstration zones of high-tech development in the field of agricultural modernization and development is presented. In conclusion, the paper analyzes the main directions of development of China's food policy and the dynamics of agricultural robotization.

Keywords: automation, agro-industrial complex, state, drones, legal policies, robotization, agriculture, science and technology parks, digitalization

Поэтому опыт Китая весьма значим, поскольку позволяет увидеть опыт инновационного развития КНР и рассмотреть возможность его использования для инновационного развития как государственной аграрной политики российского государства, так и в целом для формирования эффективной системы разработки и внедрения сквозных цифровых технологий в различные сферы общественной жизнедеятельности в Российской Федерации.

Во-вторых, аграрная сфера является одной из ведущих и системообразующих в Российской Федерации, эффективность и адекватность ее развития напрямую связаны с обеспечением национальной безопасности и суверенности российского государства в XXI в. Динамика и характер развития аграрной политики, соответственно, влияют и на социально-экономическое благосостояние российского общества [17]. В этом плане опыт китайского государства, связанный с повышением производительности труда и автоматизации сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности в принципиально новых условиях, является достаточно ценным и полезным как для построения прогностических моделей развития данной сферы в XXI в., так и для корректировки национальной правовой политики государства в сфере суверенности и безопасности.

Обеспеченность продуктами питания по настоящее время остается одной из фундаментальных проблем существования и развития каждой нации. Растущее население Китайской Народной Республики, повышение качества жизни китайского народа, соответственно, существенно увеличивают спрос на продукты питания. В свою очередь, истощение природных ресурсов, земель сельскохозяйственного назначения, изменения климата требуют принципиально новых решений, в числе которых автоматизация сельского хозяйства, которая является современным трендом цифровой трансформации общественных отношений. Значимость изучения китайского опыта в сфере аграрной политики и инновационных форм решения обозначенных проблем в этом плане неоспорима. Конечно, в рамках одной статьи представить весь данный опыт невозможно,

мы сконцентрируемся в основном на применении современных беспилотных технологий в сельском хозяйстве Китая.

1. Государственная аграрная политика: направления и приоритеты

Государственная аграрная политика является важнейшим политико-правовым инструментом в сфере обеспечения продовольственной безопасности страны. Степень продовольственной безопасности государства зависит от эффективности аграрной политики и базового потенциала агропромышленного комплекса, в частности сельского хозяйства. Под продовольственной безопасностью в международной практике в соответствии с методологией Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) понимается состояние физической и экономической доступности продуктов питания в любой момент времени для каждого человека [20]. Однако в Китае обеспечение продовольственной безопасности подразумевает физический и экономический доступ, а также «самообеспечение страны основными видами пищевых продуктов из продовольственного сырья, произведенного в стране» [2].

Удовлетворение внутренних потребностей в продовольствии за счет собственного производства является важнейшей целевой установкой государственной аграрной политики, а также обеспечения продовольственной безопасности и суверенности государства. Это обусловливается тем, что при высокой зависимости от импорта продукции продовольствие может стать стратегическим инструментом давления на конкретное государство [11]. Аграрная политика государства, как уже было отмечено, определяет направления, принципы и способы развития сельского хозяйства и других областей АПК, которые играют важнейшую роль в сфере производства продуктов питания.

Само понятие аграрной политики трактуется по-разному, в ряде случаев интерпретация по содержанию совпадает с другим понятием — «агропродовольственная политика» государства. Например, А.А. Суншев под агропродовольственной политикой понимает комплекс научно обоснованных тактических и долгосрочных

стратегических мер, которые необходимо проводить в стране по инициативе государства в целях создания условий для эффективного функционирования и развития агропродовольственного сектора экономики [25]. С позиции В.В. Милосердова, аграрная политика — это «совокупность идей, целей, средств и методов формирования и регулирования отношений между городом и деревней и в самой деревне, а главное — решение продовольственного вопроса» [13].

Мы, в свою очередь, согласны с дефиницией Б.А. Воронина, который определяет аграрную политику государства в качестве системной деятельности органов государственной власти, которая направлена на развитие сельского хозяйства с целью обеспечения населения страны продовольствием и других отраслей АПК сырьем, а также на социальное развитие общества и, главным образом, сельской местности [4]. Все эти определения формируют понятие аграрной политики и связывают понятия аграрной политики и обеспечения продовольственной безопасности государства как два зависящих, взаимообуславливающих компонента. Необходимо отметить, что для Китайской Народной Республики аграрная политика и ее эффективность играют огромную роль в обеспечении безопасности страны.

В современном мире при условиях осложнения мирохозяйственных процессов роль недооцененности развития сельского хозяйства возрастает. Связанное с этим обострение продовольственной, климатической, демографической и других проблем глобального значения выдвигает новые требования к национальной аграрной политике. Государственная аграрная политика должна гарантировать устойчивое развитие всех обеспечивающих сельскохозяйственное производство областей, а также тесную координацию с общим социальным и пространственным преобразованием страны, в том числе глобальными мировыми трендами и инновационными направлениями развития [3].

Ярким примером смены приоритетов государственной аграрной политики является Китайская Народная Республика. Страна взяла курс на внедрение новых умных систем в сельское хозяйство, который предполагает переход

к полной автоматизации сельского хозяйства по всей стране. Государственная продовольственная и сельскохозяйственная политика Китая с конца XX в. рассматривала применение технологий как определяющий фактор государственной аграрной продовольственной политики, а в 2018 г. перешла к осуществлению национального плана развития сельского хозяйства посредством современных инноваций, цифровых и роботизированных технологий.

2. «Умная» аграрная политика КНР: основные проблемы и перспективы

Использование новых технологий, в частности беспилотных систем и сенсоров, в сельском хозяйстве — достаточно новое направление в аграрной политике. Организациями продовольствия и сельского хозяйства, а также Международным союзом электросвязи (МСЭ) был принят термин «электронное сельское хозяйство» в 2003–2005 гг. Позже появились и другие термины, такие как «умное» сельское хозяйство, «прецизионное» сельское хозяйство и «цифровое» сельское хозяйство. Под умным сельским хозяйством понимается концепция ведения сельскохозяйственной деятельности, основанная на внедрении новых технологий: IoT, датчиков, БПЛА, GPS и спутниковой навигационной системы [30].

В рамках концепции «умное» сельское хозяйство предполагается широкое использование дронов в качестве доставщиков удобрений, для пожаротушения, наблюдения за полями и скотом. Использовать беспилотные машины предполагается для вспахивания полей, засева и сбора урожая. Применяются и программные комплексы для управления агропредприятиями, которые способны обрабатывать и анализировать информацию со спутников, метеостанций или специальных локальных датчиков. Особую роль в умном сельском хозяйстве играет точное земледелие, в котором компьютерные системы анализируют состояние почвы, чтобы добиться максимальной урожайности с каждого конкретного участка поля. В теплицы встраивают системы управления микроклиматом. Стоит отметить, что умное сельское хозяйство предполагает и

Классификация основных проблем в агропромышленном комплексе КНР

<i>Национальные</i>	<i>Экологические</i>	<i>Социально-политические</i>
Нехватка качественных сельскохозяйственных земель. Китай вынужден арендовать земли на Африканском континенте и в Приморском крае для ведения сельского хозяйства [10]	Эрозия почв и засуха как последствия ведения экстенсивного хозяйства [33]	Отток населения из сельской местности [8]
Высокий процент импорта некоторых продуктов питания, которые востребованы для обеспечения продовольствием население страны [9]	Экстенсивная вырубка лесов, влияющая на экосистемы страны в целом [24]	Сельское хозяйство не является привлекательной сферой и перспективной областью деятельности для молодых специалистов
Невыполнение плана обеспечения продовольственной безопасности за счет собственных ресурсов (в соответствии с китайским планом такое обеспечение должно быть на уровне 95%) [12]	Недостаток водных ресурсов на территории КНР [36]	Основной процент фермеров старше 50 лет
Вывод потенциальных пахотных земель из-за растущей урбанизации [21]	Неодинаковые климатические условия на всей территории страны, необходимость разработки сложной и дифференцированной аграрной политики	Всё еще высокий процент бедности среди занятых в сельском хозяйстве

маркетплейсы, с помощью которых фермеры и компании могут реализовывать свои продукты через Интернет и доставлять их конечному потребителю, минуя посредника в виде продовольственных рынков и торговых сетей, что, безусловно, повлияет на ценообразование [16].

Разработка нового направления в аграрной политике Китая, которое подразумевает использование умных технологий в сельском хозяйстве на каждой ферме, обусловлена необходимостью решения целого спектра проблем в аграрном секторе. Условно данные проблемы можно обобщить по трем ключевым типам: проблемы национального, экологического и социально-политического характера (таблица). Данные проблемы в настоящий момент являются ведущими для аграрной политики Китая, поскольку существенно влияют на эффективность китайского агропромышленного комплекса.

По мнению экспертов Food and Agriculture Organization (ООН) и ряда отечественных и зарубежных ученых, внедрение новых технологий является одной из важнейших задач для решения проблем, влияющих на эффективность сельского хозяйства и показатели уровня продовольственной безопасности страны [19]. Руководитель отдела информационной инженерии Государственного центра по исследованию

сельскохозяйственных информационных инженерных технологий, специалист государственной рабочей группы по прикладным стандартам сельскохозяйственного интернета вещей, специалист государственной рабочей группы по стандартизации сенсорных сетей и специалист рабочей группы Министерства сельского хозяйства по сельскохозяйственным данным Чэнь Тяньэнь отмечает, что цифровизация сельского хозяйства — это использование данных и информации, благодаря анализу которых значительно повышаются производительность труда, отдача земли и коэффициент использования ресурсов, понижается себестоимость труда, растут качество и производительность сельскохозяйственных культур [29].

Сельское хозяйство является крупнейшим пользователем земельных и водных ресурсов, и интенсивное использование химических веществ привело к деградации почвы, загрязнению воды и нарушению биологического разнообразия. Водные ресурсы достигли предела устойчивого использования, особенно в районах, где орошение является интенсивным или водные ресурсы ограничены. Развитие интенсивного животноводства создало серьезную экологическую нагрузку, особенно на качество воды. Изменение климата, как ожидается,

повлияет на сельскохозяйственное производство за счет повышения температуры, распространения вредителей и болезней, более частых и сильных засух, наводнений. Растущая конкуренция от других пользователей земли и воды также может повлиять на будущее сектора.

Китаю удалось снизить уровень бедности в сельской местности, индустриализация привела к большому неравенству доходов между городскими и сельскими домохозяйствами. В Китае сельское хозяйство по-прежнему обеспечивает около 30% занятости, но создает меньше чем 10% ВВП, что указывает на то, что производительность труда значительно ниже, чем в остальных отраслях экономики. Общее число занятых в сельском хозяйстве сокращается очень медленно, и разрыв в производительности труда между сельским хозяйством и другими отраслями увеличивается [23].

Умные технологии повлияют на сбережение водных ресурсов, так как специальные датчики и системы способны распознавать и регулировать подачу необходимого количества воды. Технологии позволяют сделать точный расчет количества удобрений, что положительно скажется на плодородии почв и не приведет к засухам или эрозии. Неодинаковые климатические условия по всей стране также не будут играть определяющую роль в связи с настройкой необходимых условий в теплицах для выращивания всех видов культур. Решение экологических проблем окажет прямое влияние и на проблемы другого характера. В перспективе, при условии улучшения ситуаций с пахотными землями и успешной рекультивации выведенных из сельскохозяйственного оборота, аренда земель в Африке будет для Китая не острой необходимостью. Кроме того, новые технологии позволят выращивать необходимое количество продуктов, что скажется на зависимости Китая от импорта. Ученые отмечают и положительное влияние на социально-экономическую сферу, которая также является важным условием в развитии и эффективности сельского хозяйства. Сельское хозяйство станет перспективным направлением для молодых специалистов, что позволит решить проблему упадка деревни в стране.

3. Научно-технологические парки и демонстрационные зоны высокотехнологического развития: опыт интеграции науки и практики в аграрной политике Китая

Опыт аграрной политики Китая примечателен тем, что одновременно с необходимостью автоматизации сельского хозяйства отмечается и активное развитие науки в сфере разработки цифровых технологий и роботизированных систем. Наиважнейшей частью государственной аграрной политики является создание и продвижение научно-технологических парков, о чем свидетельствует Центральный документ № 1 от 2018 г. [31]. Также это отражено и в национальном плане развития сельского хозяйства и технологических парков с 2018 по 2025 г. Определение развития научно-технологических парков как одного из приоритетных направлений современной аграрной политики связано с высокими показателями парков в достижении эффективных результатов. По состоянию на 2018 г. парки реализовали общую стоимость продукции в 1,2 трлн юаней, обучили 3,74 млн фермеров и увеличили занятость 1,7 млн местных фермеров. Общая производительность труда составила 142 500 юаней/чел, что на 60,1% выше, чем отмечалось ранее в стране — 89 000 юаней/чел [32].

В общей сложности было введено и выращено 40 900 новых сортов, было продано 14 600 новых сортов, было внедрено 22 000 новых сельскохозяйственных технологий, было одобрено 642 новых сорта растений, а также домашнего скота, птицы и водных продуктов на уровне провинций и выше и было получено более 4000 патентов. В связи с высокими показателями в национальном плане развития сельского хозяйства и научно-технических парков описано учреждение в 2018 г. 117 новых парков в 13 основных зернопроизводящих провинциях, площадь которых составляет около 60 млн му, а прилегающих к ним территорий менее 200 млн му. Кроме того, в плане определена и роль демонстрационных площадок как важной стратегии по реализации планов по переходу к новой модели сельского хозяйства. Целями создания демонстрационных площадок определены необходимость испыта-

ния эффективности новых технологий и выявление основных проблем на этапе тестирования для дальнейшей доработки [31].

Один из таких проектов осуществляется на территориях научно-технического национального парка сельскохозяйственной науки и техники в г. Чанцзи, который находится в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Основная задача технопарка — индустриализация и коммерциализация новых высоких технологий с целью превращения их в инновации, которые обеспечивают повышение конкурентоспособности национальной промышленности на мировых рынках и рост внешнеторгового оборота. Научный парк занимает площадь в 34 тыс. га. В настоящее время в Национальном парке сосредоточено 10 научно-исследовательских институтов, 25 научно-исследовательских групп и Национальный альянс хлопковой промышленности для оказания технической поддержки разумному сельскому хозяйству.

Работа в национальном парке практически полностью автоматизирована. За процессом в парке следят специальные датчики, которые установлены в разных местах теплиц и по всей сельскохозяйственной территории. Они следят за температурой, обеспеченностью водой и удобрениями. Информация, полученная датчиками, поступает в специальный отдел данного парка, где в случае необходимости его сотрудники устраняют неполадки на полях и в теплицах. Выращивание, защита растений, уборка урожая — всё это происходит автоматически. Такие инновации, как капельное орошение, интеллектуальное измерение, распределение плодородной почвы, комплексная борьба с насекомыми-вредителями и отчетность по составу почвы позволяют минимизировать человеческий труд в связи с тем, что вышеперечисленные работы выполняют автоматизированные системы. Разработки в первую очередь должны позволить решить проблемы с рациональным использованием земли и получением наибольшего количества качественной продукции при условии сокращения уровня применения пестицидов и участия человека в механической работе (т.е. сбора урожая, засеивания, наблюдения и т.д.),

что, предположительно, повлияет на качество и количество произведенной продукции [27].

Парк Чанцзи активно исследует интегрированные прикладные решения и модели индустриализации в цифровой сельскохозяйственной технологии Синьцзяна, демонстрирует и продвигает большое количество интеллектуальных методов сельскохозяйственного производства, таких как беспилотные полеты и интеллектуальное орошение, что делает сельскохозяйственное производство более эффективным, энергосберегающим и конкурентоспособным. В то же время парк использует преимущества современной сельскохозяйственной науки, технологий и промышленности и уже продемонстрировал и продвинул более 300 новых сельскохозяйственных сортов, технологий, оборудования и новых сельскохозяйственных продуктов в 15 провинциях, автономных районах и городах вдоль Экономического пояса Шелкового пути. Эта модель создала более 330 демонстрационных и пропагандистских баз в области сельскохозяйственной науки и техники, эффективно содействуя трансформации и применению достижений сельскохозяйственной науки и техники, обеспечивая эффективность сельского хозяйства и животноводства, увеличивая доходы фермеров и скотоводов.

Кроме того, парк Чанцзи активно развивает консорциум индустриализации сельского хозяйства, содействует преобразованию и модернизации традиционного сельского хозяйства по модели «ведущее предприятие + кооператив» и реализует улучшение качества и эффективности сельскохозяйственной продукции. Логистический парк электронной торговли сельскохозяйственной продукцией «Шелковый путь Qifeng» представил более 1000 торговых предприятий, таких как фермеры, электронная торговля, логистика и т.д., с ежегодным объемом операций с овощами в размере 500 000 тонн, что привело к тому, что более 5000 производителей овощей увеличили свой доход. Благодаря совместному маркетингу с Tmall и другими известными компаниями электронной коммерции, годовой объем транзакций достигает 3 млрд юаней. Концентрируясь на строительстве «Западной столичной

семенной индустрии», парк Чанци вырастил более 60 ведущих семеноводческих предприятий, в результате чего префектура Чанци производила 400 000 тонн различных видов рафинированных семян в год с выходной стоимостью 3 млрд юаней. Доля внесенных улучшенных семян в рост сельскохозяйственного производства достигла 45% [15].

Научно-технологический парк сосредоточен на содействии внедрению высокотехнологичных сельскохозяйственных предприятий: в настоящее время выращено более 50 высокотехнологичных предприятий и ведущих промышленно развитых предприятий, а также было собрано более 150 инновационных сельскохозяйственных предприятий, благодаря научно-исследовательским институтам, инновационным предприятиям и новым предприятиям по управлению сельским хозяйством. Основными задачами этих структур является разработка новых форматов и моделей современного развития сельского хозяйства и экономического роста, а также содействие модернизации всех секторов сельского хозяйства и признанию всей цепочки.

По словам Чжана Минцина, секретаря рабочего комитета партии Национального сельскохозяйственного научно-технологического парка Чанци, парк Чанци подчеркивает функции научно-технических инноваций, исследований и их применения, экспериментальных демонстраций, научно-технических услуг и обучения, а также хорошо работает в области интеграции, преобразования и распространения сельскохозяйственной науки и техники [15]. Он успешно создал механизм тесного сотрудничества с 16 научно-исследовательскими институтами, включая Китайскую академию сельскохозяйственных наук и другие научно-исследовательские институты, создал 38 национальных и автономных региональных исследовательских платформ и достиг более 100 ведущих отечественных научно-технических достижений. В то же время ускорил быстрое преобразование, применение и демонстрацию сельскохозяйственных научно-технических достижений, эффективно улучшая сельскохозяйственные инновации, конкурентоспособность и общую производительность

факторов. Парк фокусируется на устранении проблем в развитии сельского хозяйства, активизации реформы ключевых областей и ключевых связей в развитии сельского хозяйства, сельских районов и фермеров, создании «испытательного поля» для сельскохозяйственной реформы и добавлении новой жизнеспособности в развитие сельского хозяйства. Парк Чанци привержен ведущим инновациям в области сельскохозяйственной науки и техники, ведущей демонстрации современного сельского хозяйства, а также инновациям системы и механизма научно-технических парков в сельском хозяйстве, активно исследует предоставление воспроизводимых и расширяемых моделей опыта и стремится превратить парк в международное сельское хозяйство.

К концу 2018 — началу 2019 г. уровень механизации посевной промышленности города Чанци составил 94,5%, а эффективная площадь водосбережения — около 80% от общей площади засеянных площадей. Учеными парка прогнозируется, что к концу 2020 г. доля прогресса в области сельскохозяйственной науки и техники не только в парке, но и в префектуре Чанци достигнет более 65%, а комплексный индекс модернизации сельского хозяйства составит 95%. Эксперты оценили, что годовой объем торговли овощами и фруктами, выращенными в префектуре, составил 500 000 тонн. Водные ресурсы, посевная площадь и ее продуктивность являются важными показателями в производстве продуктов питания, а произведенное количество продукции за год в префектуре позволяет сделать вывод об эффективности автоматизации сельского хозяйства и положительном влиянии на состояние продовольственной безопасности этого региона [15].

Другим основным регионом, в котором активно развиваются новые технологии, является провинция Хэйлунцзян. Особое внимание в развитии научных парков и деревни уделяется северо-востоку Китая в связи с тем, что: во-первых, данная провинция является главной аграрной базой для Китая, а во-вторых, проведение испытаний техники необходимо в зоне рискованного земледелия. Стоит отметить, что, по мнению ряда китайских специалистов, эта провинция является государственной площадкой

по реализации политики национальной продовольственной безопасности и производства экологически чистых продуктов питания. Еще до реализации плана провинция достигла максимальных результатов в сфере сельского хозяйства. Уровень охвата сельскохозяйственной техникой равнины Сонгнен (одной из самых больших сельскохозяйственных территорий) близок к 100%, и сельское хозяйство в основном достигло всеобъемлющей механизации.

Ферма мелиорации Хэйлунцзян, как национальная современная крупномасштабная сельскохозяйственная демонстрационная зона, также является пионером и моделью национальной демонстрационной зоны науки и техники страны. Уровень механизации сельского хозяйства достиг 99,4%. Комплексный уровень механизации сельскохозяйственных операций на полях достиг 98,6%. Можно сказать, что система мелиорации в сельском хозяйстве провинции Хэйлунцзян достигла ведущих отечественных и мировых стандартов в области применения крупной сельскохозяйственной техники и современной техники и в настоящее время продвигается в передовые области цифрового и автоматизированного сельского хозяйства [26].

Для развития новых технологий в сельском хозяйстве и решения проблемы возрождения села в соответствии с национальным планом провинция Хэйлунцзян издала серию программных документов, такие как «Мнения провинциального комитета и правительства провинции о ускорении развития современного сельского хозяйства и становлении национальным лидером модернизации сельского хозяйства», обнародовала и осуществила защиту возделываемых земель Хэйлунцзяна. Секретарь провинциального комитета Чжан Цинвэй в своем отчете 12 съезда партии провинциального комитета отметил: «Стремление быть авангардом модернизации сельского хозяйства является важной задачей, возложенной на нас Центральным комитетом партии». Конференция по работе в селе в комитете провинции провела четкие мероприятия по реализации стратегии возрождения села.

В настоящее время в Учане (важнейшая площадка производства риса в Китае) площадь

производственных баз риса, прошедших национальную единую сертификацию, составляет 100 тыс. га, а площадь баз, производящих продукт по стандарту на органический рис, составляет 53,3 тыс. га. 15 профессиональных научно-исследовательских институтов по выращиванию риса, 1000 акров баз селекции семян риса и 30 000 акров баз селекции риса обеспечивают надежные источники семян для производства риса в провинции [35]. Схема сети сельскохозяйственных научно-технических услуг, полезная сельскохозяйственная информационная станция и интегрированная платформа управления Интернетом вещей не только позволяют фермерам вести бизнес, начиная с посадки и заканчивая торговлей и управлением, но также осуществляют автоматический мониторинг производства риса в провинции, осуществляют весь процесс визуализации производства риса и контроля качества для обеспечения программы прозрачности и работы в сфере безопасности питания.

Статистические данные провинциального комитета по сельскому хозяйству показывают, что к середине 2018 г. в провинции Хэйлунцзян было построено 59,577 млн миль высокотехнологичных сельскохозяйственных угодий, уровень комплексной механизации выращивания и сбора урожая в сельском хозяйстве достиг 96,8% и продолжает занимать первое место в стране. Подразделение по созданию современного агропромышленного парка построило демонстрационную зону высокотехнологичных технологий, протяженностью 1000 км и создало 350 современных парков науки и техники в сельском хозяйстве. В связи с преимуществами инноваций 21 округ, включая Яншоу, был выбран для проведения демонстраций сельской промышленной интеграции, продвижения бизнес-моделей, таких как «фермеры + кооперативы + предприятия + бренды», для улучшения цепочки сельскохозяйственной промышленности и механизма связи интересов фермеров.

В целях поощрения интеграции трех отраслей принимаются такие меры, как политические стимулы, демонстрации и руководство по обслуживанию, чтобы поощрять и поддерживать предпринимательство фермеров в таких областях, как маркетинг и сбыт, услуги по социа-

лизации сельского хозяйства, сельский досуг, туризм, общественное питание и т.д. В 2018 г. более 2000 ведущих предприятий сельскохозяйственной индустриализации в провинции заняли базовую площадь в 9,3 тыс. га, что привело к увеличению численности занятых в 3,4 млн сельских домохозяйств и к открытию 750 тыс. рабочих мест, а также организации досуга в сельском хозяйстве и сельском туризме, и операционные доходы составили 8,24 млрд юаней [35].

Стоит отметить и две задействованные национальные образцовые зоны освоения высоких агротехнологий для содействия качественному развитию сельского хозяйства. В конце 2019 г. заместитель министра науки и технологий Сюй Наньпин сообщил об учреждении двух образцовых зон в провинции Шаньси г. Цзиньчжун, а также на востоке в провинции Цзянсу г. Нанкине. Создание таких зон связано со стратегией стимулирования развития за счет инноваций и планом подъема села. В этих зонах власти предлагают развитие сельского хозяйства с помощью науки и техники, где будут привлекаться международные эксперты в области инноваций. Эти зоны станут платформой для международного сотрудничества в области сельского хозяйства, локомотивом сельскохозяйственных инноваций в дельте реки Янцзы и образцовой зоной для подъема села за счет науки и техники.

Национальная сельскохозяйственная научно-технологическая демонстрационная зона Нанкин расположена в городе Байма, район Лишуй, Нанкин является национальным научно-технологическим парком сельского хозяйства, который состоит из основной области научных и технологических инноваций и сельскохозяйственной высокотехнологичной промышленной зоны. Нанкинская национальная зона демонстрации высокотехнологичной сельскохозяйственной промышленности разделена на зону инноваций в области сельскохозяйственной науки и техники, зону инноваций в области лесной науки и техники, зону инноваций в области растениеводства и техники, зону инноваций в области сельскохозяйственной техники и оборудования, выставку достижений в области сельскохозяйственной науки и техники и центр международного обмена, зону

лесного и экотуризма для населенных пунктов, демонстрацию строительства новых сельских районов. Сельскохозяйственная высокотехнологичная промышленная зона имеет запланированную площадь 25 км² и включает в себя зону сбора высокотехнологичных предприятий сельскохозяйственного сектора, демонстрационную зону высокопроизводительного экологического сельского хозяйства и зону комплексного вспомогательного обслуживания.

На сегодняшний момент в Китае действует 7 национальных образцовых зон, на которых тестируют робототехнику и эффективность 5G Интернета [34; 37]. Однако отметим, что на современном этапе ни одна из образцовых зон и демонстрационных площадок при научно-технических парках, не действует по принципу полной автоматизации. Разработанная в ходе исследования карта позволяет наглядно оценить распространенность автоматизированных систем в сельском хозяйстве Китая по состоянию на февраль 2020 г. (рисунок).

18 ноября 2019 г. Национальный сельскохозяйственный научно-технический парк Нанкин-Байма был преобразован в национальную сельскохозяйственную высокотехнологичную промышленную демонстрационную зону. 26 ноября было выпущено «Соглашение Государственного совета об утверждении строительства Национальной демонстрационной зоны высокотехнологичной сельскохозяйственной промышленности в провинции Цзянсу Нанкин», согласно которому Национальный сельскохозяйственный научно-технический парк Нанкин-Байма был включен в Национальную сельскохозяйственную демонстрационную зону высокотехнологичной сельскохозяйственной промышленности провинции Цзянсу.

Демонстрационная зона высокотехнологичной промышленной сельскохозяйственной промышленности Нанкина имеет общую площадь 145,86 км², начиная с города Лиянг на востоке, города Цзинцяо на юге, Восточного подножия Лушань на западе и города Джуронг на севере. Данная зона должна выполнять шесть основных функций: функция инноваций в области сельскохозяйственной науки и техники, функция преобразования и индустриализации для населенных пунктов, демонстрацию строительства новых сельских районов. Сельскохозяйственная высокотехнологичная промышленная зона имеет запланированную площадь 25 км² и включает в себя зону сбора высокотехнологичных предприятий сельскохозяйственного сектора, демонстрационную зону высокопроизводительного экологического сельского хозяйства и зону комплексного обслуживания.

стриализации достижений в области сельскохозяйственной науки и техники, функция демонстрации и продвижения достижений в области сельскохозяйственной науки и техники, функция обучения в области сельскохозяйственной науки и техники и научно-популярного образования, функция досуга и осмотра достопримечательностей в сельском хозяйстве, функция управления новым сельским строительством.

Данная образцовая зона, как и другие аналогичные площадки в Китае, проходила длительную подготовку перед принятием новой политики. К 2015 г. было создано более 20 научно-исследовательских учреждений, таких как центры инженерных технологий, академические рабочие места, бизнес-инкубаторы и т.д. Разработано более 300 сельскохозяйственных научно-технических достижений, в деятельность включили более 50 высокотехнологичных

сельскохозяйственных предприятий, а годовой объем производства парка достиг более 5 млрд юаней. Для бесперебойной деятельности научно-технологического парка было нанято более 1000 научных и технических кадров, связанных с сельским хозяйством, и призвано более 10 000 крестьян для начала предпринимательской деятельности и трудоустройства. Были активизированы такие направления, как надежные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, обучение персонала, техническая подготовка, техническая система повышения квалификации и платформа общественных услуг в области сельскохозяйственной науки и техники [18].

К концу 2018 г. Национальная демонстрационная зона высокотехнологичной промышленной сельскохозяйственной промышленности в Нанкине включала в себя Нанкинский сельскохозяйственный университет, Нанкин-

ский лесной университет, Академию сельскохозяйственных наук Цзянсу, Министерство сельского хозяйства г. Нанкина, Академию наук Цзянсу и площадку для демонстрации науки и техники. Кроме того, в эту зону вошли 7 научно-исследовательских подразделений, включая центр и испытательную станцию для сельскохозяйственной техники, было создано 27 технологических платформ над муниципальным уровнем, включая научно-исследовательские центры инженерных технологий и академические рабочие места. Эти научно-технологические площадки получили более 300 достижений в этой области, в том числе на национальном уровне 5 наград за научно-технический прогресс, 185 авторизованных патентов на изобретения, было собрано более 220 сельскохозяйственных предприятий, в том числе 21 ведущее сельскохозяйственное предприятие, представлено более 50 высококвалифицированных предпринимательских талантов. Число предпринимателей достигло более 600 человек. В 2018 г. общий объем производства парка составил 5,647 млрд юаней, из которых биологическая сельскохозяйственная продукция составила 4,545 млрд юаней [18].

4. Основные направления развития продовольственной политики Китая и динамика автоматизации сельского хозяйства

Повышение качества и урожайности — это основной компонент продовольственной безопасности, так как обеспечение продовольствием за счет отечественных ресурсов является важным показателем для Китая, так же как и для России, что отмечается в документах по обеспечению продовольственной безопасности двух этих стран. По показателям на 2018 г. уровень всесторонней механизации возделывания и уборки урожая по всей стране превысил 67%, и более 300 демонстрационных округов стали лидерами в достижении практически полной механизации. Ускорено внедрение нового оборудования и новых автоматизированных технологий во все сферы сельскохозяйственной промышленности. Механизация сельского хозяйства Китая достигла всестороннего, качественного и эффектив-

ного развития. Во всем процессе механизации и автоматизации произошел новый прорыв. Основное внимание было сосредоточено на девяти основных сельскохозяйственных культурах, таких как пшеница, рис, кукуруза, картофель, соя, рапс, арахис, хлопок, сахарный тростник и другие зерновые, хлопок и масличные культуры, с акцентом на шесть основных звеньев автоматизации, включая выращивание, посадку, сбор урожая, сушку на производственном участке, эффективную защиту растений и обработку соломы. В 2018 г. показатели посева при использовании беспилотной машины по посадке риса превысили 48%, урожайность кукурузных и картофельных культур была близка к 70 и 30%, увеличившись более чем на 2 процентных пункта в годовом исчислении, урожай рапса, посадка арахиса и механизация сбора урожая превысили 40% в годовом исчислении. Все увеличиваются более чем на 3 процентных пункта. Коэффициент сбора урожая в Северном Синьцзяне превысил 80%. В районах производства сахарного тростника в Гуанси и других областях показатели были ускорены и улучшены. В 2019 г. размер уборочной площади увеличился вдвое по сравнению с предыдущим годом.

Общенациональная область продвижения технологий механизации на чайных полях и во фруктовых садах, а также в теплицах, где выращиваются овощи, превысила 390 млн му, или 26 млн га, совокупный уровень механизации производства фруктов и овощей приближается к 30%, а модель механизации всего процесса посадки и обработки чая начала популяризоваться в таких основных областях производства, как Чжэцзян. В Чунцине, Хунани и других областях темпы автоматизации сельскохозяйственных угодий ускорились, и новые беспилотные технологии стали больше присутствовать в холмистой и гористой местности.

Кроме повышения урожайности и успешного распространения новейших технологий на сельскохозяйственных территориях по всей стране были усилены и политические гарантии. Так, Министерство сельского хозяйства и финансов совместно выпустило «Руководство по внедрению субсидий на закупку сельскохозяйственной техники на 2018–2020 годы», в кото-

ром впервые полностью были реализованы открытые субсидии для беспилотных машин, крупногабаритной техники и инструментов. Впервые такие меры позволили импортированным машинам и оборудованию пользоваться теми же субсидиями. Фермеры стали активно внедрять датчики и Интернет вещей, закупать беспилотную технику. Также разработчики приложений продвигают применение пилотного приложения «три в одном» для мобильных телефонов, машинных QR-кодов и Интернета вещей, что позволяет фермерам подавать заявки на субсидии. Акцент на передовое применение и экологическую ориентацию, доработка машин и специальных систем, экономящих воду, удобрения и переработка лекарств, а также использование ресурсов сельскохозяйственных отходов, поддержка применения зеленой технологии и механизации сельского хозяйства посредством субсидий на работу и т.д. добавили новый импульс устойчивому развитию сельского хозяйства Китая [7].

В настоящее время Китай находится в критическом периоде глубокой реализации стратегии развития, основанной на инновациях, всестороннего углубления реформы научно-технической системы и продвижения модернизации сельского хозяйства и сельских районов, он находится на решающем этапе полного построения благополучного общества и вступления в ряды инновационных стран. В целях глубокой реализации духа 19 Национального конгресса Коммунистической партии Китая об осуществлении «Стратегии возрождения деревни» и «Мнений Центрального комитета Коммунистической партии Китая об осуществлении Стратегии возрождения села», «Тринадцатого пятилетнего национального плана инноваций в области науки и техники» и «Инновационного плана развития сельского хозяйства и научно-технических парков» требуется, чтобы этот план был доработан для дальнейшего ускорения инноваций и развития Национального парка науки и техники в сельском хозяйстве.

К 2020 г. планируется создать систему сельскохозяйственных научно-технических парков, которая будет возглавляться Национальным сельскохозяйственным научно-техническим

парком и базироваться на провинциальном сельскохозяйственном научно-техническом парке с различными уровнями, дополнительными функциями, отличительными особенностями и инновационным развитием. К 2025 г. парк будет превращен в инновационную гористую местность для выращивания и передачи сельскохозяйственных научно-технических достижений, основного носителя для агломерации высокотехнологичных сельскохозяйственных отраслей и их услуг, важную позицию для массового сельского предпринимательства и инноваций, комплексного развития городских и сельских деревень [14].

К положительным эффектам осуществления государственной аграрной политики Китая по переходу на полностью автоматизированное сельское хозяйство можно отнести решение ряда существующих проблем в самом секторе сельского хозяйства в основном экологического характера. Основными проблемами на протяжении десятилетия в сельском хозяйстве Китая были нехватка водных ресурсов из-за иррационального использования воды на производствах, а также активный вывод пахотных земель, связанный с урбанизацией и с последствиями экстенсивного использования почв. Кроме того, периодически случающиеся катаклизмы не раз влияли на качество и количество урожая, а использование информационных систем, датчиков и Интернета вещей, позволит фермерам грамотно распоряжаться природными ресурсами и получать точную информацию по объектам, находящимся на полях. Стоит отметить, что за счет точного земледелия будет обеспечен и переход на менее экстенсивное сельское хозяйство, что повлияет на урегулирование проблемы вывода пахотных земель из сельского хозяйства. В результате сокращения влияния экологических проблем на эффективность производства продуктов питания посредством новых технологий последует и повышение качества и урожайности.

Положительная динамика наблюдается и в сфере развития научных инновационных парков. Отмечается, что к середине 2018 г. число национальных научно-технических парков в сельском хозяйстве достигло 300, они охватывают основные зоны сельскохозяйственно-

го назначения в Китае и зоны промышленного производства сельскохозяйственной продукции. В общей сложности в парках и на демонстрационных территориях было задействовано около 4000 новых сельскохозяйственных технологий и более 6000 новых сортов были продвинуты и применены, а количество разрешенных патентов на изобретения превысило 1000. Концентрация высокотехнологичных производств в парке значительно улучшилась. Государственная политика Китая нацелена на превращение парка к 2025 г. в инновационную местность для выращивания, передачи и трансформации сельскохозяйственных научно-технических достижений, основной движущей силы для агломерации высокотехнологичных сельскохозяйственных отраслей и их сферы услуг, важной позиции для массового сельского предпринимательства и инноваций, а также интеграции города и сельской местности.

Общие выводы

Государственная аграрная политика КНР выделяет село и его развитие как неотъемлемый элемент эффективной работы сельского хозяйства. Всестороннее «оживление деревни» предполагает повышение привлекательности жизни в селе, а соответственно, и привлечение молодых специалистов в область. Работа в полях, где требовалась уборка и посадка урожая вручную уходит на второй план. Теперь рабочие места на фермах и производствах будут полностью автоматизированы, а датчики, БПЛА и роботы заменят неквалифицированных специалистов на полях [28].

Реализация стратегии «оживления деревни», являющаяся частью государственной политики Китая, учитывает не только привлечение молодых специалистов в перспективную область, но и обучение опытных фермеров работы с новыми технологиями. В этом аспекте также отмечается динамика в сфере снижения бедности в сельских районах, на территории которых активно работают научные парки. В общей сложности было обучено более 10 млн фермеров, что привело к увеличению доходов ферм более чем на 20% и способствовало прев-

ращению парка в важного носителя для сокращения бедности. Национальная программа развития сельского хозяйства и научно-технологических парков в период 2018–2025 гг. повлияет на решение проблемы несоответствия и противоречий в области неравномерного и недостаточного развития в социально-экономических сферах [22].

Новая модель АПК, где наука, государство, бизнес и село неразрывно связаны, играет важную роль в прогнозировании Китаем состояния продовольственной безопасности. Однако реализация государственной аграрной политики сталкивается с рядом проблем. Без их решения Китай не сможет выйти на новый уровень, и продовольственная безопасность может оказаться под угрозой. Важную роль в эффективном переходе к новой модели сельского хозяйства играет возможность создания Китаем разработок для последующего использования в сельском хозяйстве. Данная необходимость связана с дороговизной импортных технологий, от которых страна всё еще зависит.

Китай активно продвигает политику *Made in China 2025*, которая предполагает полную замену иностранных разработок отечественными. Китай активно продвигался в этой отрасли, но по-прежнему отставал. Лишь в последние несколько лет, благодаря финансовой поддержке государства, наблюдается прогресс в этой области. Поскольку нет единых стандартов, имеются проблемы с проверкой качества и надежности роботов и деталей отечественного производства. Эксперты отмечают, что по разным причинам трудно получить результаты, соответствующие объемам инвестиций, и полагают, что в настоящее время в Китае распространены роботы низкого качества, что вызывает лишние затраты на замену или починку машин. Не решена и проблема функционирования роботов в горных районах, при проводимых экспериментах специалисты столкнулись с проблемой передвижения машин на холмистой местности. Отметим, что если Китай не сможет ускорить процессы решения этой проблемы, производство продуктов питания будет дорогостоящим, что вызовет повышение цен и нестабильную ситуацию в сфере продовольственной безопасности [22].

Одним из главных препятствий при переходе к новым системам и технологиям стал размер большинства фермерских хозяйств. Более 90% участков не превышают по площади 1 га. Кроме того, хозяйства находятся на дальних расстояниях друг от друга. Таких площадей недостаточно для разворачивания беспилотной техники, а их расположение усложняет процесс. Для сравнения — в США 90% ферм занимают как минимум по 5 га и находятся в непосредственной близости друг от друга. Однако стоит отметить, что данная проблема также отражена в целях государственной аграрной политики Китая.

Так как небольшая площадь фермерских участков не позволит модернизировать сельское хозяйство в необходимой мере и для дальнейшего стимулирования китайского сельского хозяйства, те фермеры, которые переехали на работу в города, теперь могут передавать свои права на землепользование отдельным лицам или группам сельскохозяйственных предприятий, которые заинтересованы в крупномасштабном фермерстве. Что касается фермеров, которые предпочитают оставаться в сельской местности, им также рекомендуется превращать свои активы, включая права землепользования и другие активы, в акции различных предприятий. Таким образом, земельные права и эксплуатационные активы будут количественно определены и распределены между членами коллективных экономических организаций в виде долей и выделений.

Кроме традиционных угроз фермеры столкнутся с новыми проблемами, связанными с большими данными, например, с хакерами и кибератаками. За последние годы Китай испытал на себе до 800 млн сетевых атак, которые были связаны с попытками получения доступа к конфиденциальной информации государственной важности. Эффективная работа сельского хозяйства при условии совершения полного перехода к роботизированным системам будет полностью зависеть от данных и сети [1]. При кибератаках в условиях слабой защищенности информации и сети эффективная работа сельского хозяйства может оказаться под угрозой. Последствиями окажется и продовольственная и национальная безопасность Китайской Народной Республики.

Направление государственной аграрной политики Китая в сфере автоматизации и модернизации сельского хозяйства отвечает современным требованиям и обусловлена проблемой в сфере обеспечения продовольственной безопасности, уровень которой в полной мере зависит от эффективности работы агропромышленного комплекса и развитости деревни. Переход Китая к аграрной политике в сфере автоматизации обусловлен рядом причин. Во-первых, изменения в питании, связанные с ростом доходов, стали основной движущей силой сдвига отечественного сельскохозяйственного производства. Во-вторых, из-за недостатка плодородных земель и других природных ресурсов Китай не имеет сравнительного преимущества в землеотдающем производстве зерна. В-третьих, рост стоимости рабочей силы и быстрое старение сельского населения требуют производство сосредоточиться на меньшем количестве более продуктивных хозяйств.

Улучшения в росте производительности сельского хозяйства необходимы для удовлетворения растущего спроса на продукты питания, корма, топливо и волокна и должны быть устойчивым путем более эффективного использования природных и человеческих ресурсов и сокращения загрязнения. Аграрная политика влияет на производительность продовольственного и сельскохозяйственного секторов и, таким образом, должна рассматриваться наряду с политикой, специфичной для сельского хозяйства, признавая, что инновация имеет важное значение для устойчивого роста производительности по всей агропродовольственной цепи.

Структура, используемая для обзора политики в Китае, учитывает политику, стимулы и сдерживающие факторы для инноваций, структурных изменений и охраны окружающей среды, устойчивость сельского хозяйства, которые являются ключевыми факторами устойчивого роста производительности. Экономика трудозатрат за счет механизации фермерских хозяйств — еще один важный путь роста производительности сельского хозяйства в Китае, учитывая рост стоимости рабочей силы в сельских районах. Механизация позволяет фермерам управлять более крупными

фермами или выделять больше времени на хозяйственную деятельность. Развитие обслуживания сельскохозяйственных машин в Китае значительно способствовало быстрому росту использования современных сельскохозяйственных машин, в том числе на небольших фермах. Аутсорсинг крупных фермерских операций (например, вспашка, посадка и сбор урожая) небольшими фермами поставщикам услуг фермерских хозяйств позволяет небольшим фермерским хозяйствам получать выгоду от эффекта масштаба на фермерских операциях и снижать стоимость вложений капитала.

Государственная аграрная политика Китая в сфере структурирована. Она сформирована в нескольких документах, отвечающих за дальнейшую успешную реализацию, учитывая в первую очередь создание отечественных тех-

нологий и развитие науки, во вторую — роль деревни и ее кадровый потенциал для сельского хозяйства, а в третью — создание специальных экспериментальных действующих площадок, воплощающих эффективность планов. Использование новых технологий в сельском хозяйстве и определение инноваций как способа достижения продовольственной безопасности является важным шагом, соответствующим вызовам будущего, в котором обеспечение продовольствием является важным аспектом стабильного развития всех государств мира. Уникальный опыт Китая в сфере автоматизации сельского хозяйства и регулирующая этот процесс государственная аграрная политика могут стать основным примером при создании планов и реализации стратегии автоматизации сельского хозяйства в других странах.

Литература

1. Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 1(30). — С. 357–361.
2. Белоглазов Г.П. Продовольственная безопасность Китая и ее российский вектор // Россия и АТР. — 2007. — № 3. — С. 35–40.
3. Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // ЭНСР. — 2015. — № 4(71). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossii-nuzhna-novaya-agrarnaya-politika> (дата обращения: 27.02.2020).
4. Воронин Б.А. Аграрная политика Российского государства // Аграрный вестник Урала. — 2006. — № 4. — С. 47–50.
5. Доклад 2015. О положении в области интеллектуальной собственности в мире. Революционные инновации и экономический рост [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. — Швейцария: Женева, 2015. — 144 с. — URL: <https://www.wipo.int/wipr/ru/> (дата обращения: 26.04.2020).
6. Доклад 2019. О положении в области интеллектуальной собственности в мире. География инноваций: локальные центры и глобальные сети [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. — Швейцария: Женева, 2019. — 134 с. — URL: <https://www.wipo.int/wipr/ru/> (дата обращения: 26.04.2020).
7. Доклад Главного управления Министерства сельского хозяйства и сельского хозяйства по вопросам, связанным с урожаем китайских фермеров в 2019 году [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства Китайской Народной Республики. — URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-08/24/content_5424119.htm (дата обращения: 09.03.2020).
8. Ерохин В.Л. Исследование миграционных процессов в сельской местности Северного Китая [Электронный ресурс] // Вестник МФЮА. — 2018. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-migratsionnyh-protsessov-v-selskoy-mestnosti-severnogo-kitaya> (дата обращения: 27.02.2020).
9. Импорт продуктов питания и напитков в КНР: тенденции и лицензирование // China Briefing. — URL: <https://www.china-briefing.com/news/%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B2/> (дата обращения: 26.04.2020).
10. Казанин М.В. Стратегия обеспечения продовольственной безопасности КНР: вызовы и пути их решения» // Этносоциум. — 2016. — № 3. — С. 93–99.
11. Киреева Н., Сухорукова А. Импортозамещение как стратегия достижения продовольственной безопасности России: проблемы, пути решения // МСХ. — 2015. — № 4. — С. 44–55.
12. Китай способствует решению глобальных проблем с продовольствием [Электронный ресурс] // Российская Газета. — URL: <https://rg.ru/2019/10/15/kitaj-sposobstvuet-resheniiu-globalnyh-problem-s-prodovolstviem.html> (дата обращения: 26.04.2020).
13. Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России — XX век. — М., 2002. — 543 с.
14. Мнение Министерства сельского хозяйства и сельского хозяйства о реализации Центрального комитета партии и Основной план работы Государственного совета по сельскому хозяйству и сельскому хозяйству на 2020 год [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства Китайской Народной Республики. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-02/13/content_5478017.htm (дата обращения: 09.03.2020).
15. Национальный сельскохозяйственный научно-технический парк Чанци: «Фактор мудрости» опережает современное сельское хозяйство / Департамент науки и технологий Синьцзян Уйгурского автономного округа; Синьцзян Daily Time: 2019. — URL: <http://www.xjkjt.gov.cn/2019/05/05/mtjj/15795.html> (дата обращения: 19.02.2020).
16. Новости интернета вещей [Электронный ресурс]. — URL: <https://iot.ru/wiki/umnoe-selskoe-khozyaystvo> (дата обращения: 26.04.2020).

17. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Баранов П.П. Основы национальной безопасности. — 2-е изд. — М.: РИОР; Инфра-М, 2017. — 224 с.
18. Первые отечественные аграрные высокотехнологичные производства и демонстрационные территории в Цзиньчжуне и Нанкине [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства КНР. — URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-12/04/content_5458551.htm (дата обращения: 09.03.2020).
19. Продовольственные системы [Электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. — URL: <http://www.fao.org/food-systems/ru/> (дата обращения: 26.04.2020).
20. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности и План действий Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия [Электронный ресурс]. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N3-4_97/019.htm (дата обращения: 22.03.2016).
21. Самбурова Е. Политика урбанизации в Китае [Электронный ресурс] // Демоскоп. — 2008. — № 343–344. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit05.php> (дата обращения: 26.04.2020).
22. Сделано в Китае — 2025: действительно ли план доминирования Пекина в сфере технологий — столь значительная угроза? [Электронный ресурс] // South China Morning Post, Гонконг. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20180915/243245843.html> (дата обращения: 26.04.2020).
23. Сельское хозяйство Китая в первые 3 квартала 2019 года продемонстрировало заметный рост [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/219293803> (дата обращения: 26.04.2020).
24. Состояние лесов мира. Леса и сельское хозяйство: проблемы и возможности землепользования [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fao.org/3/a-i5588r.pdf> (дата обращения: 26.04.2020).
25. Суншев А.А. Агропродовольственная политика: проблемы и пути решения. — Ставрополь: Сервис-школа, 2005. — 232 с.
26. Сунь Цэ. Современное сельское хозяйство провинции Хэйлунцзян (КНР) как национальная модель развития // Власть и управление на Востоке России. — 2019. — № 2(87). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-selskoe-hozyaystvo-provintsii-heyluntszyan-knr-kak-natsionalnaya-model-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2020).
27. Умное сельское хозяйство Китая [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pro-of.com.ua/umnoe-selskoe-hozyajstvo-kitaya/> (дата обращения: 26.04.2020).
28. Через шесть лет все сельское хозяйство в Китае станет беспилотным [Электронный ресурс] // Хайтек+. — URL: <https://hightech.plus/2019/01/18/cherez-shest-let-vse-selskoe-hozyaystvo-v-kitae-stanet-bespilotnim> (дата обращения: 26.04.2020).
29. Чэнь Тяньэнь: инновации в сфере сельскохозяйственной информатизации приводят в действие модернизацию сельского хозяйства Китая [Электронный ресурс] // Russia. China.org.cn. — URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/25/content_50162518.htm (дата обращения: 26.04.2020).
30. Эльдиева Т.М. Направления использования умных инноваций в сельском хозяйстве [Электронный ресурс] // МСХ. — 2018. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-ispolzovaniya-umnyh-innovatsiy-v-selskom-hozyaystve> (дата обращения: 27.02.2020).
31. 国家农业科技园区发展规划 (2018 - 2025年). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%86%9C%E4%B8%9A%E7%A7%91%E6%8A%80%E5%9B%AD%E5%8C%BA%E5%8F%91%E5%B1%95%E8%A7%84%E5%88%92%20%E5%BC%882018-2025%E5%B9%B4%E5%88%89/22434171?fr=aladdin> (accessed 26 April 2020).
32. Innovation, Agricultural Productivity and Sustainability in China. *Organisation for Economic Co-operation and Development*. 11 September 2018. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/CA/APM/WP\(2017\)3/FINAL&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/CA/APM/WP(2017)3/FINAL&docLanguage=En) (accessed 26 April 2020).
33. Montague Z. Taking the Leap on China's Pollution Problem. *The Diplomat*. Publisher: James Pach. Washington. 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/10/taking-the-leap-on-chinas-pollution-problem/> (accessed 26 April 2020).
34. Schenker L. *Why China Wants To Lead The 5G Charge*. URL: <https://innovator.news/whychina-wants-to-lead-the-5g-charge-249151bee73b> (accessed 26 April 2020).
35. Shufeng W., Xiaolei L. Research on Problems and Strategies of Modern Large-Agriculture Development in Heilongjiang Province Land Reclamation — Taking the Songnen Plain as an Example. *Hans Journal of Agricultural Sciences*. 2018, no. 8(2). URL: https://image.hanspub.org/Htm/8-2180669_23905.htm (accessed 11 February 2020).
36. Smaller C., Wei Q., Yalan L. Farmland and Water: China invests abroad: IISD report, August 2012. *IISD. International Institute for Sustainable Development*. Winnipeg. 2012. URL: http://www.iisd.org/pdf/2012/farmland_water_china_invests.pdf (accessed 26 April 2020).
37. Smith R. 42% of Global E-Commerce is Happening in China. Here's Why. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/42-of-global-e-commerce-is-happening-in-chinaheres-why/> (accessed 26 April 2020).

References

1. Baranov P.P., Mamyshev A.Yu. Digital transformation of law and political relations: main trends and guidelines. *Baltic humanitarian journal*. 2020, no. 1(30), pp. 357–361.
2. Beloglazov G.P. Food security of China and its Russian vector. *Russia and the Asia-Pacific region*. 2007, no. 3, pp. 35–40.
3. Buzdalov I.N. Russia needs a new agricultural policy. *ENSR*. 2015, no. 4(71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossii-nuzhna-novaya-agrarnaya-politika> (accessed 27 February 2020).
4. Voronin B.A. Agrarian policy of the Russian state. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2006, no. 4, pp. 47–50.
5. Report 2015. About the state of intellectual property in the world. Revolutionary innovations and economic growth. *World intellectual property organization*. URL: <https://www.wipo.int/wipr/ru> (accessed 26 April 2020).
6. Report of 2019. About the state of intellectual property in the world. Geography of innovation: local centers and global networks. *World intellectual property organization*. URL: <https://www.wipo.int/wipr/ru/> (accessed 26 April 2020).
7. Report of the Main Department of the Ministry of agriculture and agriculture on issues related to the harvest of Chinese farmers in 2019. Ministry of agriculture of the people's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-08/24/content_5424119.htm (accessed 9 March 2020).
8. Erokhin V.L. Research of migration processes in rural areas of Northern China. *Bulletin of the MFUA*. 2018, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-migratsionnyh-protsessov-v-selskoy-mestnosti-severnogo-kitaya> (accessed 27 February 2020).

9. Import of food and beverages in China: trends and licensing. *China Briefing*. URL: <https://www.china-briefing.com/news/%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%B2/> (accessed 26 April 2020).
10. Kazanin M.V. Strategy of ensuring food security of the PRC: challenges and ways to solve them. *Etnosocial*. 2016, no. 3, pp. 93–99.
11. Kireeva N., Sukhorukova A. Import Substitution as a strategy for achieving food security in Russia: problems, solutions. *MSH*. 2015, no. 4, pp. 44–55.
12. China contributes to solving global food problems. *Russian Newspaper*. URL: <https://rg.ru/2019/10/15/kitaj-sposobstvuet-resheniiu-globalnyh-problem-s-prodovolstviem.html> (accessed 26 April 2020).
13. Miloserdov V.V., Miloserdov K.V. *Agrarian policy of Russia — XX century*. Moscow, 2002. 543 p.
14. Opinion of the Ministry of agriculture and agriculture on the implementation of the Central Committee of the party and the Main work plan of the State Council for agriculture and agriculture for 2020. Ministry of agriculture of the people's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-02/13/content_5478017.htm (accessed 9 March 2020).
15. National agricultural science and technology Park Changji: “The wisdom factor” is ahead of modern agriculture. *Xinjiang Daily Time*. URL: <http://www.xjkjt.gov.cn/2019/05/05/mtjj/15795.html> (accessed 19 February 2020).
16. Internet of things news. URL: <https://iot.ru/wiki/umnoselskoe-khozyaystvo> (accessed 26 April 2020).
17. Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu., Baranov P.P. *Fundamentals of national security*. 2nd ed. Moscow: RIOR; Infra-M, 2017. 224 p.
18. *The First domestic agricultural high-tech production and demonstration territories in Jinzhong and Nanjing*. Ministry of agriculture of the people's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-12/04/content_5458551.htm (accessed 9 March 2020).
19. Food systems. *Food and agriculture organization of the United Nations*. URL: <http://www.fao.org/food-systems/ru/> (accessed 26 April 2020).
20. The Rome Declaration on world food security and the Plan of action of the world food summit. *Observer*. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N3-4_97/019.htm (accessed 22 March 2016).
21. Samburova E. Policy of urbanization in China. *Demoscope*. 2008, no. 343–344. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit05.php> (accessed 26 April 2020).
22. Made in China-2025: is Beijing's plan to dominate the technology sector really such a significant threat? *South China Morning Post*. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180915/243245843.html> (accessed 26 April 2020).
23. China's Agriculture sector showed significant growth in the first 3 quarters of 2019. *News.myseldon*. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/219293803>.
24. State of the world's forests. Forests and agriculture: problems and opportunities of land use. URL: <http://www.fao.org/3/a-i5588r.pdf> (accessed 26 April 2020).
25. Sunshv A.A. *Agro-food policy: problems and solutions*. Stavropol: Service-school, 2005. 232 p.
26. Sun Ce. Modern agriculture of the province of Heilongjiang (China) as a national model of development. *Power and management in the East of Russia*. 2019, no. 2(87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-selskoe-hozyaystvo-provintsii-heylyuntszyan-knr-kak-natsionalnaya-model-razvitiya> (accessed 27 February 2020).
27. Smart agriculture in China. URL: <https://www.pro-of.com.ua/umnos-selskoe-xozyaystvo-kitaya/> (accessed 26 April 2020).
28. In six years, all agriculture in China will become unmanned. *Hightech+*. URL: <https://hightech.plus/2019/01/18/cherez-shest-let-vse-selskoe-hozyaystvo-v-kitae-stanet-bespilotnim> (accessed 26 April 2020).
29. Chen Tiane. Innovations in the field of agricultural informatization drive the modernization of China's agriculture. *Russia. China.org.cn*. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/25/content_50162518.htm (accessed 26 April 2020).
30. Eldieva T.M. Directions of using smart innovations in agriculture // Ministry of agriculture. 2018, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-ispolzovaniya-umnyh-innovatsiy-v-selskom-hozyaystve> (accessed 27 February 2020).
31. 国家农业科技园区发展规划 (2018 – 2025年). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%86%9C%E4%B8%9A%E7%A7%91%E6%8A%80%E5%9B%AD%E5%8C%BA%E5%8F%91%E5%B1%95%E8%A7%84%E5%88%92%20%EF%BC%882018-2025%E5%B9%B4%EF%BC%89/22434171?fr=aladdin> (accessed 26 April 2020).
32. Innovation, Agricultural Productivity and Sustainability in China. *Organisation for Economic Co-operation and Development*. 11 September 2018. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/CA/APM/WP\(2017\)3/FINAL&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/CA/APM/WP(2017)3/FINAL&docLanguage=En) (accessed 26 April 2020).
33. Montague Z. Taking the Leap on China's Pollution Problem. *The Diplomat*. Publisher: James Pach. Washington. 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/10/taking-the-leap-on-chinas-pollution-problem/> (accessed 26 April 2020).
34. Schenker L. *Why China Wants To Lead The 5G Charge*. URL: <https://innovator.news/whychina-wants-to-lead-the-5g-charge-249151bee73b> (accessed 26 April 2020).
35. Shufeng W., Xiaolei L. Research on Problems and Strategies of Modern Large-Agriculture Development in Heilongjiang Province Land Reclamation — Taking the Songnen Plain as an Example. *Hans Journal of Agricultural Sciences*. 2018, no. 8(2). URL: https://image.hanspub.org/Htm/8-2180669_23905.htm (accessed 11 February 2020).
36. Smaller C., Wei Q., Yalan L. Farmland and Water: China invests abroad: IISD report, August 2012. *IISD. International Institute for Sustainable Development. Winnipeg*. 2012. URL: http://www.iisd.org/pdf/2012/farmland_water_china_invests.pdf (accessed 26 April 2020).
37. Smith R. 42% of Global E-Commerce is Happening in China. Here's Why. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/42-of-global-e-commerce-is-happening-in-chinaheres-why/> (accessed 26 April 2020).